алесь
кожедуб

иная русь

Москва
алгоритм
эксмо
2009

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
К 58

Scan By Vitautas & Kali

Оформление серии *Б. Протопопова*

Кожедуб А. К.

К 58 Иная Русь / Александр Кожедуб. — М. : Эксмо : Алгоритм, 2009. — 304 с. — (Славная Русь).

ISBN 978-5-699-38955-1

Эта книга впервые в российской исторической литературе дает полный и подробный анализ этногенеза западной ветви восточнославянского этноса и его развития от древнейших времен до Средних веков. Автор представляет на суд читателей свою сенсационную интерпретацию пантеона славянских богов, что, без сомнения, будет интересно для всех интересующихся историей дохристианской Руси. Книга написана живым языком, главы из нее публиковались в периодике.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-699-38955-1

© Кожедуб А.К., 2009
© ООО «Алгоритм-Книга», 2009
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2009

Часть первая
БЕЛАЯ И ЧЕРНАЯ РУСЬ

Жива и Род

Человек, который хочет узнать о своем начале, прежде всего приглядывается к земле, что его взрастила. Каждый народ имеет свою землю, и эта земля — урожайная, песчаная, лесная, ветровейная, болотная или оснеженная — обязательно передает людям свой облик. Сына пустыни не спутаешь с сыном лесов, это так же естественно, как и отличие языка леса от языка пустыни. Однако кое-кто скажет, что данному народу не обязательно жить на родной земле. И многие из них живут далеко от своих прародин. Действительно, во времена великих переселений народов сыновья неоглядных степей уходили в леса, и наоборот. За примерами далеко ходить не надо. Болгары из приазовских степей пришли на склоны Родоп — и обжили их, вспахали, научились растить виноградные лозы, ну а пасти овец, коров да коней их учить не надо было. Из-за Волги на Дунай пришли угры. А готы, ходившие почти по всей Европе? Они всегда соседили со славянами, сталкивались с ними на всех великих пограничьях славянского мира. Да, народы могут жить далеко от своей прародины, но они всегда будут о ней помнить. И никого не удивишь тем, что язык финнов близок к языку угров.

Пути народов неизведанны.

А если заглянуть еще дальше, во времена древнеевропейской общности?

Археологи и лингвисты выяснили, что самыми ранними из известных славянских племен были племена культуры подклошевых захоронений, которые в 400—100 годах до нашей эры занимали бассейн средней Вислы и соседние земли Одерского бассейна. Ближайшими соседями этих праславян были балты, которые заселяли огромную территорию от Балтийского моря до верхней Оки. Балты уже тогда делились на три диалектные группы — западную, восточную и днепровскую.

Распад древнеевропейского языкового единства, куда входили будущие кельты, италики, германцы, иллирийцы, славяне и балты, прошел через несколько этапов. И одними из первых, еще во втором тысячелетии до нашей эры, из него выделились балты. Славяне же, славянские диалекты оставались в этом единстве до середины первого тысячелетия до нашей эры. Значит, балтские диалекты пошли по своему отдельному пути на тысячу лет раньше славянских. Однако много это или мало для языка — тысяча лет?..

Безусловно, племена культуры подклошевых захоронений не возникли на пустом месте. Археолог В.В. Седов считает, что они сформировались от взаимодействия и метисации (смешения) племен восточных групп лужицкой культуры с племенами поморской культуры. Вероятно, как раз поморские племена и принесли в язык славян те особенности, которые объединяют его с балтским. Эти же особенности дали ученым возможность говорить о существовании балто-славянского языка или балто-славянской языковой общности. Но это только научная гипотеза, не больше.

Ранние славяне во второй половине первого тысячелетия до нашей эры тесно сталкивались с предками пруссо-ятвяжских племен.

В первом веке до нашей эры в Припятском Полесье и на среднем Днепре как ответвление поморской куль-

туры складывается эарубинецкая культура. По языку носители последней культуры были близки как к славянам, так и к западным балтам. В зависимости от обстоятельств они могли стать и балтами и славянами. Так оно и было. Потомки эарубинецкого населения, которые расселялись в поречье Десны и на Оке, пополнили балтское население этого региона и передали ему западные языковые особенности. С другой стороны, та часть зарубинецкого населения, которая осталась на среднем Днепре, приняла участие в генезисе славян.

В первой половине первого тысячелетия нашей эры славяне по-прежнему заселяли Повисленье, а со II века нашей эры они подались уже в лесостепные области междуречья Днестра и Днепра. В этот период славяне и балты соседили на огромных просторах от Вислы до Днепра.

Так свидетельствует археология.

Обратимся теперь к языковедческим источникам. Народы во времена самых сильных миграций проходят по той либо другой земле, где задерживаются, где незаметно проскальзывают, где уничтожают и жгут, а где строят, — однако на любой земле они встречаются с большими реками, большими горами, большими озерами, в конце концов — с морями. И вот уже эти названия — последняя инстанция. Народы приходили и уходили, а реки, горы и озера оставались, и были они не одну, не две, даже не три тысячи лет. Относительно человека можно сказать: текли и стояли они вечно. Так вот, их названия приходят к нам из той давности, проникнуть в которую не может слабый человеческий глаз. Человека еще не было, а горы эти стояли, реки текли, озерная гладь блестела в полнолуние, и леса заглядывались на степи, из которых сухие ветры несли запахи сладких трав.

Конечно, у разных народов те же реки могли называться по-разному, кому Днепро, кому Борисфен, то же самое с Волгой-Итилем, Дунаем-Истром, Доном-Танаисом, Вилией-Нерис и так далее. Однако касалось это чаще всего больших рек, тех, о которых могли услышать даже в Элладе или у подножия Гималаев. Да, собственно, эллинам можно простить что угодно, они имели право любую реку называть по-своему. Эллины! Но вот моя полесская Цна, река, на которой я родился, испокон веку была и есть Цной. «Левый приток Припяти, длина сто десять километров, протекает среди Пинских болот. Паводок начинается в марте и поддерживается до конца лета дождями и стоками из болот, замерзает в конце декабря, ледоход начинается в конце марта. Сплавная». Последнее слово из Большой Советской Энциклопедии можно выкинуть, потому что не только сплавлять нечего — речка уже не та. Кстати, Энциклопедия природы Белоруссии дает немного другие сведения: «Длина сто двадцать шесть километров. Начинается мелиорационным каналом за 0,5 км на В от д. Гайнинец Ляховичского р-на... Русло в верхнем и среднем течении канализированное. Берега крутые и обрывистые, в верхнем и среднем течении заболоченные и закрытые кустарником, в нижнем — песчаные, в половодье разрушаются».

Написано пристойно и скромно. А на самом деле? Видно, когда-то была рядом с деревней Гайнинец криница, из которой выбивалась река, а теперь «начинается мелиорационным каналом». «В верхнем и среднем течении канализированная» — это значит, что среди Пинских болот бежит уже не река, а обычная грязная канава, в которой ни омута, ни бухточки, ни песчаного плеса. Когда-то на одном из них — нагретом солнцем, чистом, воздух над мелководьем настоян на июльском разнотравье, звонком от стрекота кузнечиков, — я учился нырять да плавать. Сейчас мчится быстрая вода, не за что ей за-

цепиться, чтобы закружиться под обрывом, притишиться, отстояться, опять стать той чистой водой, в которой есть и рыба и раки. Бежит вода, несет торфяную крошку, щепки, которые напоминают о прежних лесах по обеим сторонам реки. Еще на моей памяти в Ганцевичах была большая эстакада, на ней грузили в вагоны лес и вывозили по железной дороге. И на моей же памяти начали распахивать заливные луга, грохотали по-над берегами тяжелые трактора, выворачивали длинными лемехами дерн — и это был конец реки...

Так вот, кроме моей Цны, в Белоруссии есть еще три реки с таким же названием в бассейнах Березины, Днепра и Вилии. Они совсем маленькие. Первая, приток Гайны, длиной шестьдесят шесть километров. Вторая, приток Уши, двадцать три километра. Третья, приток Свислочи, четырнадцать километров. Но разве в километрах дело? Моя Цна струится-плещется на Пинском Полесье, гайновская — в Логойском районе, это самый центр Белоруссии, ушачская течет в Молодечненском и Вилейском районах, где-то на пограничье с Литвой, а днепровская — в Минском районе, тоже в центре.

Однако есть реки с названием Цна и в средней России. Одна нз них, длиной сто шестьдесят пять километров, течет в Тверской области, впадает она в озеро Мстино, это на Валдайской возвышенности. Вторая российская Цна протекает по Мещерской низине в Московской области, впадает в Оку, длина ее сто четыре километра. И третья, самая крупная, бежит по Окско-Донской низине, она главный левый приток Мокши, длина четыреста шестьдесят пять километров. На ней стоят города Тамбов и Моршанск.

О чем же говорят эти реки и речки с названием Цна? А о том, где жили и как расселялись балты во времена древнеевропейской общности. Гидроним «Цна», как и тысячи других балтских гидронимов и топонимов, сви-

детельствует, что балты селились на территориях современной Литвы, Латвии, Белоруссии, кроме части западного Полесья, на Черниговском, Киевском, Житомирском и частично Ровенском Полесье, в России на запад от линии Псков — Тверь — Нижний Новгород — Тамбов — Курск, в нынешней Калининградской области и в северо-восточной части Польши. Что и говорить, немаленькая страна с этим условным названием — Балтия.

А славяне, наши непосредственные предки? С ними, как ни странно, все намного сложнее. Ясно, что славяне всегда соседили с балтами, перемешивались с ними, ассимилировали — однако откуда и куда они шли? Было ли одно стратегическое направление их движения по просторам Азии и Европы?

Первое упоминание о славянских землях мы найдем у Геродота: «Говорят, что область, которая находится выше (по Борисфену) жителей верхних частей страны в направлении к полуночному ветру, невозможно ни разглядеть, ни пройти далеко в глубину из-за падающих перьев». «Падающие перья» — это, безусловно, снег. Так видел нашу землю из своей теплой сине-зеленой Эллады Геродот. Невозможно ни разглядеть, ни пройти... Литовские же племена, которые находились еще дальше, Геродот вообще называл людоедами (андрофагами).

Что ж, из сказочной ойкумены, увенчанной Олимпом, наша земля как раз и может показаться невероятно холодной и необъятной. Тот же Геродот, описывая Скифию, отметил, что в этой стране нет ничего необычного, кроме рек, ее орошающей. В.О. Ключевский, который обратил на это внимание, добавил от себя, что «никакая другая особенность нашей страны не оказала такого разностороннего, глубокого и вместе столь заметного действия на жизнь нашего народа, как эта речная сеть Европейской России».

Но вернемся к скифам.

Об этом народе много написано у самого Геродота, с ними воевал Александр Македонский — и они едва ли не первыми на южной границе славянского мира создали сильную державу, о воинское могущество которой разбивались армии не одних греко-македонцев. Так может, скифы и есть предки славян? Можно было бы присоседиться, кто проверит, что там было на самом деле несколько тысячелетий назад, — но язык, язык! Скифы были тюркоязычными, этот факт сейчас не вызывает возражений. Правда, знаменитый Нидерле разделяет скифов на собственно скифов, тех самых, что ходили походами, принимали послов Александра Македонского и сами отправляли послов к великим царям тогдашнего мира, — и скифов-пахарей, возможно, славян, которые находились под влиянием греко-скифской культуры. Их называли сколотами, тех славяно-скифов.

Конечно, скифы те и скифы эти жили на южных землях нашей страны, но это еще ни о чем не говорит. До скифов были киммерийцы, после скифов — сарматы, затем страшный удар гуннов смешал народы, разбросал их по всему свету. Однако многие исследователи считают, что славяне хотя и клонились под натиском киммерийцев, сарматов, скифов и гуннов, но, тем не менее, неуклонно и последовательно возвращались на свои исконные земли. Так где же они, эти земли?

Придется вернуться еще на несколько тысячелетий назад. По археологическим и лингвистическим источникам, самая ранняя область жизни носителей древней индоевропейской культуры в четвертом — третьем тысячелетиях до нашей эры локализируются в южнорусских степях (опять эти степи!), на юго-востоке Европы и северо-востоке Передней Азии. В третьем — втором тысячелетиях до нашей эры индоевропейские племена двинулись в Европу, а через Кавказ и Центральную Азию — на Индостан. Постепенно и последовательно формирова-

лись определенные этнические единицы, а проще говоря — народы с присущими только им культурами. Однако сколько еще неизведанного и загадочного на историческом пути того либо иного народа! Действительно, какие первоисточники у нас под руками? Во-первых, уже упомянутые археологические находки. Во-вторых, лингвистические исследования, особенно сравнительно-историческое языкознание. Третье — фольклорные тексты, которые включают мифологические имена и соответствующие мотивы. Ну и последнее — письменные свидетельства древних авторов: Геродота, Тацита, Плиния Старшего, Цезаря и других. Что касается славянской традиции — это летописи. Казалось бы, последние источники наиболее надежные, но вспомните того же Геродота: там и людоеды, и циклопы, и люди с песьими головами... А вот что он писал о неврах, северо-восточных племенах славян: «У невров обычаи скифские... Эти люди, по-видимому, колдуны. Скифы и живущие среди них эллины, по крайней мере, утверждают, что каждый невр ежегодно на несколько дней обращается в волка, а затем снова принимает человеческий облик. Меня эти россказни, конечно, не могут убедить, тем не менее, так говорят и даже клятвенно утверждают это».

Даже для Геродота истории про волколаков сказки, А Всеслав Чародей? А народные предания? «У нас рассказывали, что был один человек да перекинулся волком, а потом другой человек нашел в гумне воткнутый нож да вынул его, дак тот не мог перекинуться назад, потому что хвост оставался, бывало, едва в штаны утопчет тот хвост».

Это не из времен Геродота рассказ. Всего несколько лет тому назад записано.

Но есть и бесспорные вещи, например — единство основных мифологических мотивов, таких, как «небо — земля», древней семьи, которая дала начало всему су-

ществующему. Либо миф о битве небесного бога с подземным. У славян Перун бьет молнией в Велеса, и на землю обрушивается животворный дождь. Или миф о Нептуне-Посейдоне, владыке вод. Индоевропейское d/h/on — «вода», «источник», «криница» связано с древнеиндийским Danu («Дану», «поток»). Как тут не вспомнить названия рек Дон, Днепр, Днестр, Дунай... А мифы, которые рассказывают о сотворении мира из хаоса? Небо — земля, день — ночь, вода — суша, солнце — луна, растения — животные — человек... Это общее индоевропейское наследие.

Специалистов и неспециалистов до сих пор не перестает удивлять близость санскрита, языка древней и средневековой Индии, с прусским и литовским языками. Многое, очень многое показывает на какую-то первооснову, прародину и праязык индоевропейских народов, но как дойти до них? Да и немало людьми сделано, чтобы туман, окутывающий прошлое, загустел сильнее, чем позднеосеньская тьма.

Однако веда благоспешествует человеку, ведет по всем его земным путям, и до многого он все же доходит, несмотря ни на что.

А что же летописи, первые наши летописи, к которым у нас должно быть наибольшее доверие? К сожалению, «Повесть временных лет» не помнит, откуда и когда пришли славяне в Европу. Она застает наших предков уже на Дунае. Кстати, вот откуда в белорусских песнях (да и не только в белорусских) столько упоминаний о Дунае. Взять хотя бы купальские: «Пятрова ночка невялічка, ой Дунаю, Дунаю...»

Или вот такая песня:

Девки на Троицу венки вили,
А на Купала развивали.

На Дунай-речку венки пускали.
Свою долю загадывали:
— Ой, коли доля — дак зелен сад,
А коли бездолье — дак сохни, свянь.

Или эта песня:

Кумилися две кумиченьки,
А третья не —
Просилися-молилися:
— Примите мяне.
Как пойдете в зелен сад,
Зовите мяне.
Как будете цветочки рвать,
Сорвите и мне.
Как будете веночки вить,
Свейте и мне.
Как будете на Дунай пускать
Пустите и мой.
Все венки поверху плывут,
А мой на дно пал,
Все дружки с войны идут,
А мой там пропал.

Действительно, наиболее значительные события не так быстро выветриваются из народной памяти — как и воспоминания о Дунае, где остались могилы прадедов.

Пойду в поле, погуляю,
Приду к речке ко Дунаю,
Подумаю-погадаю:
— А мой татка, соловейка,
Отчего ко мне в гости не ходишь?
— А как же мне в гости ходить?

Зимой, дитя, за снегами,
А летом за водами,
Зимой, дитя, в возочке
Да в новеньком козыречке,
А летом в челночке
Да в беленьком носовочке...

Так вот, из этой придунайской страны славяне расселились в разные стороны света. «По размешеньи же столпа и по разделеньи языкъ прияша сынове Симови въсточныя етраны, а Хамови сынове полуденьныя страны. Афетови же прияша западъ и полунощныя страны. От сихь же 70 и 2 языку бысть языкъ словенескъ, от племени Афетова, нарци, еже суть словене.

По мнозехъ же времянех сели суть словени по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. От техъ словенъ разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше на которомъ месте. Яко пришедше седоша на реце имянемъ Марава, н прозвашася морава, а друзии чеси нарекошася. А се ти же словени: хровате белии и серебь и хорутане. Волхомъ бо нашедшемъ на словени на дунайския, и седшемъ в них и насилящемъ имъ, словене же ови пришедшие седоша на Висле, и прозвашася ляхове, а от техъ ляховъ прозвашася поляне, ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне.

Тако же и ти словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане седоша в лесех; а друзии седоша межю Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи; инии седоша на Двине и нарекошася полочане, речьки ради, яже втечеть въ Двину, имянемъ Полота, от сея прозвашася полочане. Словени же седоша около езера Илмеря, и прозвашася своимъ имянемъ, и сделаша градъ и нарекоша и Новъгородъ. А друзи седоша по Десне, и по Семи, по Суле, и нарекo-

шася северъ. И так разидеся словеньский языкъ, темже и грамота прозвася словеньская».

Волхи, или волохи, «насилящие» славян, это, конечно, римляне. В польском языке их потомки еще и сейчас зовутся «влохамн». Речь идет, видно, о разрушении императором Траяном царства даков.

Таким образом, первая наша летопись зафиксировала «разброд» славян по разным землям, а точнее — по разным рекам. Эти реки были прекрасными географическими координатами — и не только ими. Реки стали торговыми путями — собственно, ими они были во все времена, — в южные и северные моря поплыли лодии, далеко раздвигая пределы былой эллинской ойкумены. «Поляномъ же жившимъ особе по горамъ симъ, бе путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днепру, и верхъ Днепра волокъ до Ловоти, и по Ловоти внити в Ылмерь озеро великое, из него же озера потечеть Волховъ и вътечеть в озеро великое Нево, и того озера внидеть устье в море Варяжьское. И по тому морю ити до Рима, а от Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а от Царягорода прити в Понтъ море, в не же втечет Днепръ река. Днепръ бо потече из Оковьскаго леса, и потечеть на полъдне, а Двина ис того же леса потечет, а идеть на полунощье и внидеть в море Варяжьское. Ис того же леса потече Волга на въстокъ, и вътечеть семьюдесять жерелъ в море Хвалисьское. Темже и из Руси можеть ити по Волзе в Болгары и въ Хвалипсы, и на въстокъ доити въ жребий Симовъ, а по Двине въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, от Рима же и до племени Хамова. А Днепръ втечеть в Понетьское море жереломъ, еже море словеть Руское, по нему же училъ святый Оньдрей, братъ Петровъ, якоже реша».

В этом сообщении летописца есть некоторая путаница — как по Варяжскому морю можно идти до Рима и этим же морем до Царьграда? Недавно некоторыми ис-

следователями было даже высказано соображение, что путь «из варяг в греки» лежал все же по Дунаю. Он и самый удобный, и получше обжит, и только по Дунаю можно попасть из Царьграда в Рим. Но, как и любая гипотеза, эта тоже небезупречна. Да, в общем-то, не в ней для нас самое главное.

В то время, когда славяне прочно осели на днепровско-днестровских берегах, появились новые свидетельства об их жизни. Иордан, историк ромейский. По происхождению гот или алан, Иордан в своей «Гетике» (551 г. н. э.) писал: «От истока реки Вислы на неизмеримых пространствах основалось многолюдное племя венедов. Хотя названия их изменяются теперь в зависимости от различных племен и местностей, однако главным образом они именуются склавинами и антами.

Склавины живут от города Новистуна и озера, которое именуется Мурсионским, до Данастра, а на севере до Вислы. Место городов занимают у них болота и леса... Анты же, храбрейшие из них, живя на изгибе Понта, простираются от Данастра до Данапра».

Прокопий Кесарийский, еще одни византийский историк, в том же шестом столетии записал следующее: «Они (анты) считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды... Они почитают реки, и нимф, и всякие другие божества, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят и гадания. Вступая в битву, большинство из них идет на врага со щитами и дротиками в руках, панцирей же они никогда не надевают, иные же не носят ни рубашек (хитонов), ни плащей, а одни только штаны, стянутые широким поясом на бедрах» («Война с готами»).

Псевдо-Маврикий, «Стратегикон»: «Племена славян и антов... многочисленны, выносливы, легко переносят жар, холод, дождь, наготу, недостаток в пище. Находя-

щихся у них в плену не держат в рабстве, как прочие племена, в течение неограниченного времени, но, ограничивая срок рабства определенным временем, предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси или остаться там, на положении свободных и друзей.

У них большое количество разнообразного скота и плодов земных, лежащих в кучах, в особенности проса и пшеницы. Скромность их женщин превышает всякую человеческую природу, так что большинство их считают смерть своего мужа своей смертью и добровольно удушают себя, не считая пребывание во вдовстве за жизнь.

Они селятся в лесах, у неудобопроходимых рек, болот и озер; устраивают в своих жилищах много выходов...»

Далее Псевдо-Маврикий рассказывает, что воевать славяне любят в лесах, на кручах, умеют очень хорошо переправляться через реки с помощью камыша. Каждый воин вооружен двумя небольшими копьями, щитом, деревянным луком и короткими стрелами, намазанными особым ядом, сильно действующим. Нападать на славян надо летом, когда и тепло, и дороги, и фураж с продовольствием.

А мне хочется добавить от себя, что тогда, в VI веке нашей эры, на среднем Днепре было много лесов. Иначе где бы они прятались, те днепровские славяне?

И, наконец, последний историк VI века, Иоанн Эфесский, сириец по происхождению, оставляет нам такую запись в своей «Церковной истории»: «В третий год после смерти императора Юстина, в царствование императора Тиверия II, вышел проклятый народ славян и прошел всю Элладу, области Фессалоники и всю Фракию. Они захватили много городов и крепостей, опустошили, сожгли, полонили и подчинили себе область и поселились в ней свободно, без страха, как в своей собствен-

ной. Так было в течение лет четырех, пока император был занят войной с персами и все свои войска посылал на восток. Поэтому они, расположившись на этой земле, поселились на ней и широко раскинулись, пока бог им попускал. Они уничтожали, жгли и брали в полон до самой внешней стены и захватили много тысяч царских табунов и всяких других. И до сего времени (584 г. н. э.) они расположились и живут спокойно в ромейских областях без забот и страха. Они берут в плен, убивают, сжигают; они разбогатели, имеют золото и серебро, табуны коней и много оружия и обучены воевать более, чем ромеи».

Что ж, и тот же Иордан с грустью отмечал, что славяне, во времена Германариха очень слабые как воины и сильные только количеством, «теперь по грехам нашим лютуют повсюду».

Однако сделаем некоторые выводы. Представители классической истории считают, что в начале нашей эры славяне сидели на Карпатах. С третьего столетия с запада на них начали нападать готы, а в IV веке готский царь Германарих с огнем и мечом прошел сквозь их земли и создал сильную и великую державу, как писали многие ученые — первую на нашей земле.

Современная историческая наука (академик Б. Рыбаков и другие) оспаривает эту устаревшую теорию о «дунайской прародине». Самым главным ее минусом, считает Б. Рыбаков, является то, что текст знаменитой «Повести временных лет», очевидно, неправилен и запутан. Во-первых, этот текст не однажды редактировался начиная с XII века, а во-вторых, сам Нестор не назвал ни одного славянского племени на Дунае. До середины первого тысячелетия нашей эры, пишет Б. Рыбаков в книге «Язычество древних славян», славяне не переходили через большую цепь европейских гор: Судеты, Татры, Бескиды и Карпаты. «Прародина славян в брон-

зовом веке рисуется в следующем виде: западная граница ее доходила до Одера и Варты, т.е. до Брандебурга-Бранибора, который этимологизируется как «оборонный, пограничный бор». Северная граница шла от Варты на излучину Вислы и далее почти прямо на восток, оставляя к югу (внутри прародины) весь Западный Буг и Припять. Припять могла быть важным магистральным путем с запада на восток к Днепру. Северо-восточные рубежи прародины захватывали устья таких рек, как Березина, Сож, Сейм; нижнее течение Десны оказывалось внутри прародины. Вниз по Днепру граница доходила до Роси, а иногда до Тясмина (древней Тисмени). Южная граница шла от Днепра к Карпатам, пересекая в верхнем течении Южный Буг, Днестр и Прут. Далее граница скользит по северному склону Карпат и идет к верховьям Вислы и Одера».

Кстати, по его мнению, покорение славян Германарихом было всего только большим и удачным походом царя готов по землям эстов, мери, мордвы и венетов, или венедов, — славян. Следовательно, никакой державы Германариха и не было, один лишь поход вокруг Европы.

Таким образом, прародину славян надо искать меж Одером и Днепром, а никак не на Дунае.

Так что же первая наша летопись, «Повесть временных лет»? Отбросить и не принимать во внимание?

Я все же не думаю, что летопись эту как кто хотел, так и переписывал. Даже больше того — наш первый летописец Нестор основывался все же на тех событиях, которые остались в народной памяти, может, не на самих событиях, а на их отзвуке. И то, что до него дошло, записывал. Рассказывал про расселение славян. Про Кия, Щека и Хорива. «И быша 3 братья: единому имя Кий, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, и сестра ихъ Лыбедь. Седяше Кий на горе, гдеже ныне увозъ Боричевъ,

а Щекъ седяше на горе, гдеже ныне зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горе, от него же прозвася Хоревица. И створиша градъ во имя брата своего старейшаго, и нарекоша имя ему Киевъ. Бяше около града лесъ и боръ великъ, и бяху ловяща зверь, бяху мужи мудри и смыслени, нарицахуся поляне, от них же есть поляне в Киеве и до сего дне.

Ини же, не сведуще, рекоша, яко Кий есть перевозникъ былъ, у Киева бо бяше перевозь тогда с оноя стороны Днепра; темь глаголаху: на перевозъ на Киевъ. Аще бо бы перевозникъ Кий, то не бы ходилъ Царюргороду; но се Кий княжаше в роде своемь, приходившю ему ко царю, якоже сказають, яко велику честь приялъ от царя, при которомь приходивъ цари. Идущю же ему опять, приде къ Дунаеви, и възлюби место, и сруби градокъ малъ, и хотяше сести с родомъ своимъ, и не даша ему ту близь живущии; еже и доныне наречють дунайци городище Киевець. Киеви же пришедшю въ свой градъ Киевъ, ту животъ свой сконча; и брать его Щекъ, и Хоривъ, и сестра их Лыбедь ту скончашася».

Дошли до Нестора и трагические воспоминания об обрах-аварах, которые «примучивали» славян. «Въ си же времяна быша и обри, иже ходиша на Ираклия царя и мало его не яша. Си же обри воеваху на словенех, и примучиша дулебы, сущая словены, и насилье творяху женамъ дулебьскимъ: аще поехати будяше обърину, не дадяше въпрячи коня ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ в телегу и повести обърена, и тако мучаху дулебы. Быша бо объре теломъ велици и умомъ горди, и богъ потреби я, помроша вси, и не остася ни единъ обринъ. И есть притъча в Руси и до сего дне: погибоша аки обре; их же несть племени ни наследъка. По сихъ же придоша печенези; паки идоша угри чернии мимо Киевъ, послеже при Олзе».

Можно верить или не верить этим свидетельствам нашей Начальной летописи, однако сейчас уже мало кто сомневается в автохтонности древнерусской культуры. Расселяться славяне, безусловно, расселялись, однако на Висле, на Днепре, на Припяти они всегда были.

Ясно, что нельзя целиком доверять только одному какому-то источнику — письменному, археологическому либо мифологическому. Достоверны лишь те сведения, которые проверяются в системе всех трех измерений. Но тем не менее бесспорно, что к VI веку новой эры на границе славянского мира и Византийской империи сложилась следующая ситуация. Один за другим собирались и рассыпались многочисленные и многолюдные племенные и межплеменные воинские союзы, в которые входили не только собственно славяне, но и те народы, что выделились из скифско-сарматского единства: геты, языги, роксоланы, аланы, бастарны, даки. Союзы возникали и распадались, под их ударами трещала оборонительная цепь крепостей Восточно-Римской империи — но все еще не разрывалась. Вот-вот должен был прозвучать неслышный и непонятный отдельному человеку сигнал, по которому все эти орды, отряды, войска и гурты двинутся в наступление, и остановить его будут бессильны самые мощные заслоны. Да, готовилось Великое переселение народов, и важная роль в нем отводилась славянам. Балканы в том этническом составе, который мы сейчас видим, — вот результат этого переселения. А отчего народы трогаются с места, поднимаются со всем своим скарбом и уходят, оставляя могилы предков, — этого не знает никто. Несчетные курганы молчаливо стоят в степях, напоминая о неведомых нам народах, которые куда-то ушли. Во время Великого переселения многие народы исчезли — но это не значит, что они исчезли бесследно. Язык каждого из народов, которые сейчас существуют, когда-нибудь подскажет челове-

ку, с кем этот народ соседствовал, с кем шел в неведомую землю, с кем породнился и сквозь кого прошел, как сквозь дым прощального огнища. Язык оказался самым надежным, самым устойчивым элементом человеческого мира, даже исчезая, народы оставляли себя в языке родственников, соседей, завоевателей.

И в VI веке нашей эры, как записал Прокопий Кесарийский, «неримляне», это значит — все «варвары», объединились против общего врага и с грохотом опрокинулись на Рим». Это было начало конца второго Рима.

А на днепровских кручах, на озере Ильмень, в припятских пущах и болотах, на холмах Волыни и озерно-лесистой земле кривичей уже взрастала Киевская Русь.

Я все же склонен думать, что на Балканы ринулась та часть славянских воинских союзов, которая бродила, как хмельное варево, на самом пограничье империи и страны варваров. Но и этой части было достаточно, чтобы назвать тот поток могучим. Основная же часть славян осталась на своих «дедичных» землях. Нет, она не сидела на одном месте, тоже безостановочно двигалась на запад, на север и на восток, однако это было спокойное движение, мирное, славяне шли как пахари, как охотники, как торговцы-заготовители — одним словом, как добрые люди в гости к таким же добрым людям.

И вот она — Киевская Русь. Сколько споров велось и ведется вокруг этого слова — Русь. Действительно, скифы у Геродота, анты и склавины у византийских историков, наконец, венеды у Иордана, и вдруг — Русь, русские земли, русские князья, русская держава. Академик Б. Рыбаков считает, что ничего странного нет, была и есть река Рось, самый центр славянской ойкумены, на ее берегах жили росы, ну а от росов до русов даже и полшага нет. «Одна и та же область — лесостепное Среднее Поднепровье... сделалось ядром Киевской Руси с городами Киевом, Черниговом, Переяславлем. В Средние

века именно этот регион носил название «Русской земли» в узком понимании термина, который возник, вероятно, не без связи с районом реки Рось, где во все времена находились наиболее яркие археологические памятники днепровских пахарей», — пишет Б. Рыбаков в книге «Язычество Древней Руси».

Но отчего тогда в наших первых летописях есть поляне, словены, древляне, кривичи, радимичи, вятичи, дреговичи, полочане, север, бужане. волыняне; очень старателъно перечислены те, кто давал дань Руси — чудь, меря, весь, мурома, черемись, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нерома, либь; рассказывается про болгар и угров, о том, что дулебы жили по Бугу, уличи и тиверцы сидели на Днестре и соседствовали с Дунаем, — а о росах ни слова? Даже больше того. «Въ лето 6370. Изъгнаша варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собе володети, и не бе в нихъ правды, и въста родъ на родъ, и быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся. И реша сами в собе: «Поимщемъ собе князя, иже бы володелъ нами и судилъ по праву». И идоша за море къ варягомъ, к руси. Сице бо ся зваху тьи варязи русь, яко се друзии зовутся свие, друзии же урмане, анъгляне, друзии гьте, тако и си. Реша руси, чюдь, словени, и кривичн, и весь: «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нетъ. Да поидете княжить и володети нами». И изъбрашася 3 братья с роды своими, пояша на собе всю русь, и придоша; старейший, Рюрикъ, седе Новегороде, а другий, Синеусъ, на Беле-озере, а третий Изборьсте, Труворъ. И от техъ варягъ прозваея Руская земля, новугородьци, ти суть людье ноугородьци от рода варяжьска, преже бо беша словени. По дву же лету Синеусъ умре и брать его Труворъ. И прия власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Белоозеро. И по темъ городомъ суть находници варязи, а перьвии насельници в

Новегороде словене, въ Полотьски кривичи, в Ростове меря, в Беле-озере весь, в Муроме мурома; и теми всеми обладаше Рюрикъ. И бяста у него 2 мужа, не племени его, но боярина, и та испросистася ко Царюгороду с родомъ своимъ. И поидоста по Днепру, и идуче мимо и узреста на горе градок. И упрошаста и реста: «Чий се градокъ?» Они же реша: «Была суть 3 братья, Кий, Щекъ, Хоривъ, иже сделаша градоко сь, и изгибоша, и мы седимъ, родъ ихъ, платяче дань козаромъ». Асколдъ же и Диръ остаста въ граде семь, и многи варяги съвокуписта, и начаста владети польскою землею, Рюрику же княжашу в Новегороде».

Вот на этой записи «Повести временных лет» и основалась известная норманнская теория Шлецера, которую в прошлом столетии поддерживали Карамзин, Погодин, Соловьев, да и теперь у нее немало сторонников. Согласно этой теории, пишет В. Ключевский, «до половины IX в., т. е. до прихода варягов, на обширном пространстве нашей равнины, от Новгорода до Киева по Днепру направо и налево, все было дико и пусто, покрыто мраком; жили здесь люди, но без правления, подобно зверям и птицам, наполнявшим их леса... Итак, нашу историю следует начинать не раньше половины IX в. изображением тех первичных исторических процессов, которыми везде начиналось человеческое общежитие, картиной выхода из первобытного дикого состояния. Другой взгляд на начало нашей истории прямо противоположен первому... Наиболее полное выражение его можно найти в сочинениях профессора Московского университета Беляева и у Забелина, в первом томе его «Истории русской жизни с древнейших времен». Вот основные черты их взгляда. Восточные славяне искони обитали там, где знает их наша Начальная летопись; здесь, в пределах русской равнины, они поселились, может быть, еще за несколько веков до Р. Х.».

Казалось бы, какая разница, кто был Рюрик и откуда он пришел. Однако на Западе, да и не только там, последовательно и целенаправленно проводится мысль; славяне даже в самом начале не способны были создать свое государство, какая уж там цивилизация!.. И как стяг поднимают имя варяга Рюрика. Тут же вспоминается целый сонм немецких фамилий на русском престоле, мол, Екатерина II до смерти говорила со специфическим акцентом...

Однако и тогда и теперь было и есть много историков, которые очень спокойно относились к нерусскому происхождению Рюрика. Б. Лисин в своей статье в «Литературной России» «Откуда родом Рюрик» познакомил читателей с интересными фактами. Оказывается, еще М.В. Ломоносов выводил происхождение Рюрика из полабских славян. Об этом же писал В. Чивилихин в своем известном романе-эссе «Память». На севере ГДР, на территории бывшего герцогства Мекленбург, пишет Б. Лисин, «на рубеже X века жили многочисленные славянские племена ободритов, вендов, ругов и другие. Одно из этих племен называлось варины или вэринги, в русском языке это звучало как варяги. Близкое им славянское племя по языку и культуре было руги, руяне или русы, проживавшие на острове Рюген. Причем этот остров занимал совершенно особое положение в мире славян. Многие авторы, в частности Саксон Грамматик, подчеркивали, что находящийся на острове храм почитала «вся Славянская земля».

Интересно, что в письме к рюгенским князьям в 1304 году папа Бенедикт IX обращается как к «возлюбленным сынам, знаменитым мужам, князьям русских». Даже город Любек по документам 1373 и 1388 годов помещается в Руссии. А разве случайно, что последняя жительница острова Рюген, говорившая по-славянски и умершая в 1402 году, носила фамилию Голицына?»

И дальше он, основываясь на исследованиях профессора А. Кузьмина и своих собственных поисках, выводит, что Рюрик, Трувор и Синеус были сыновьями короля Годлайба (Годлава, Годослава), который погиб в 808 году в войне с датчанами. Лишенные престола, братья вынуждены были искать счастья на чужбине — и нашли его в Новгороде.

Что ж — великая страна Славяния! И нет ничего странного в том, что славяне из-под Лабы или из-под Вислы шли к своей родне на озере Ильмень. Послушайте, как звучат названия поселений там, на севере Германии: Белов, Буров, Волков, Глазов, Грибов, Карпов, Лисов, Луков, Русов, Медов, Старгород. Люди довольно часто переходят из старого города в новый. Да и не намного большее расстояние между ругами-русами, чем между росами-русами. Собственно, о первых и в летописи написано: «Сице бо ся зваху тъи варязи русь». Если бы летописец что-то путал или чего-то не знал, он не растолковал бы так точно, что другие народы в тех землях зовутся свеями, англянамн, готами.

А. Кузьмин в статье «Крещение Руси: концепции и проблемы» отмечает, что «исследователи не считаются с фактом одновременного существования множества «Русий». Только на территории Восточной Европы «Русь» известна, по крайней мере, в четырех местах: Среднее Поднепровье, Прикарпатье, Причерноморье, побережье Каспия. В XIII веке какая-то «Русь» упоминается в Мордовии. В четырех местах известна «Русь» в Прибалтике: остров Рюген с прибрежной полосой (включая Шлезвиг), устье Немана, устье Западной Двины, Западная Эстония (области Роталия и Вик). Упоминается «Русь» также в разных частях Балканского полуострова и некоторых других местах».

Но дальше А. Кузьмин все же отмечает, что больше всего источников известно как раз по Руси Дунайской,

а французские источники название «Русь» (Дунайскую) упоминают чаще, чем Германию. Одновременно те же источники знают и Русь Киевскую.

Осмысливая все вышесказанное, уже будто и нет нужды отрицать приход в Новгород Рюрика с братьями, мол, и Рюрика не было, и летопись редактировалась, и дописывалась туда всякая непотребщина. Безусловно, этот вопрос еще ждет своих исследователей, мы же сосредоточимся на этногенезе восточнославянских племен.

Киевская Русь начала объединять восточнославянские племена, вероятно, с V века нашей эры. Во всяком случае, Б. Рыбаков считает, что легендарный Кий заключил союз с византийским императором Анастасием в конце V — первой трети VI веков. К этому же времени принадлежат находки византийских монет на старокиевской горе и на Подоле в Киеве. Значит, город уже тогда стоял на днепровских берегах, уже из города-крепости плыли лодии воев и купцов к Царьграду.

Но Киев — не просто город. Это уже великая земля, великая держава. Из кого она складывалась? Читаем летопись.

«Поляномъ же жиущемъ особе, якоже рекохомъ, сущимъ от рода словеньска, и нарекошася поляне, а деревляне от словенъ же, и нарекошася древляне; радимичи бо и вятичи от ляховъ. Бяста бо 2 брата в лесех, — Радим, а другий Вятько, — и пришедъша седоста Радимъ на Съжю, и прозвашася радимичи, а Вятько седе съ родомъ своимъ по Оце, от него же прозвашася вятичи. И живяху в мире поляне, и деревляне, и северъ, и радимичи, вятичи и хрвате. Дулеби живяху по Бугу, где ныне велыняне, а улучи и тиверьци седяху бо по Днестру, приседяху къ Дунаеви. Бе множьство ихъ; седяху бо по Днестру оли до моря, суть гради их и до сего дне, да то ся зваху от Грекь Великая Скуфь».

Да, вот мы и пришли к самому главному: теперь я буду больше говорить о кривичах, радимичах и дреговичах, племенах, которые дали начало нынешним белорусам. Но, прежде чем пристально вглядеться в заприпятские земли Киевской Руси, необходимо сказать несколько слов о давних славянских богах. Без этого не обойтись, потому что вместе с созданием Киевского государства произошла замена пантеона многочисленных языческих богов на одного бога, бога-отца, бога-сына и святого духа. Не просто распятый и воскресший бог от матери человеческой заменил деревянных и каменных болванов, а переиначился духовный мир наших предков. Глаза, которые видели лишь леса, реки и горы, которые видели только себя и себе подобных, на этот раз остановились на чем-то другом. Душа человеческая предстала перед человеком земным во всей своей глубине и величии. Идея бессмертия души, а равно человека, основалась на идее нравственной красоты. Бог как нравственный символ освятил земную жизнь человека.

Илларион в «Слове о Законе и Благодати» писал: «И уже не идолослужителе зовемся, но христиани, не еще безнадежници, нъ уповающе въ жизнь вечную. И уже не капище сътонино съграждаемь, но Христовы церкви зиждемь, уже не закалаемь бесомъ другъ друга, нъ Христосъ за ны закалаемь бываеть и дробимъ въ жертву богу и отьцю. И уже не жертвенныа крове вькушающе погыбаемь, нъ Христовы пречистыа крове вькушающе съпасаемся. Вся страны благый богь нашь помилова и насъ не презре, въсхоте и спасе ны, и въ разумъ истинный приведе.

...И въ едино время вся земля наша въ славе Христа съ отцемь и съ святымъ духомъ. Тогда начать мракь идольский отъ насъ отходити и зоре благоверия явишася, тогда тма бесослуганиа погыбе и слово евангельское землю нашу осия, капища раздрушаахуся и церкви по-

ставляахуся, идолы съкрушаахуся и иконы святыихь являхуся, беси пробегааху, кресть грады свящаше...»

А вот Кирилл Туровский, самый поэтичный из древнерусских проповедников: «Ныня зима греховная покаяниемь престала есть и лед неверия богоразумиемь растаяся; зима убо язычьскаго кумирослужения апостолскимь учениемь и Христовою верою престала есть, ледъ же Фомина неверия показаниемь Христов ребръ растаяся. Днесь весна красуеться, оживляющи земное естьство, и бурьинии ветри тихо повевающе, плоды гобьзують, и земля семана питающи зеленую траву ражаеть. Весна убо красная есть вера Христова, яже крещениемь поражаеть человеческое паки естьство; бурнии же ветри — грехотворнии помыслы, иже покаяниемь претьворьшеся на добродетель душеполезныя плоды гобьзують; земля же естъства нашего, аки семя слово божие приемьши и страхом его болящи присно, дух спасения ражаеть».

Торжественные слова Кирилла Туровского удивляют нас не только христианским пафосом, но и чрезвычайно сильным языческим духом. Да, проповедник истинной веры епископ Туровский в своих «Словах» опирался на поэтическую традицию славян-язычников. Весна красная, холмы высокие, ветры буйные, деревья дубравные — разве не из «веснянок» это? А фольклорный параллелизм, который объединял византийскую и народно-поэтическую традиции? Творчество зачинателя белорусской изящной словесности — это вершина эпохи двоеверия, когда христианство еще не победило язычества. Собственно говоря, недаром было когда-то сказано: старые боги умирали, а новых так и не принял белорусский народ...

Так что же за боги владели душами радимичей, дреговичей, кривичей? Исчезли они бесследно или все же подают еще голос из леса, с поля и реки? Замена одних

богов другими не обходилась без неизбежных потерь. А полный отказ от богов?..

«Повесть временных лет» подробно рассказывает о крещении Руси, однако языческих богов она почти не называет. Владимир Ясное Солнышко «яко приде, повеле кумиры испроврещи, овы исещи, а другия огневи предати. Перуна же повеле привязати коневи кь хвосту и влещи с горы по Боричеву на Ручай, 12 мужа пристави тети жезльемь. Се же не яко древу чующю, но на поруганье бесу, же прелщаще симь образом человекы, да възмездье приметь от человека. «Великий еси, господи, чюдна дела твоя!» Вчера чтимь от человекь, а днесь поругаемъ. Влекому же ему по Ручаю к Днепру, плакахуся его неверии людье, еще бо не бяху прияли святаго крещенья. И привлекше, вринуша и въ Днепръ».

Но есть еще одно свидетельство из тех времен — «Слово некоего христолюбца, ревнителя по правой вере»: «Ако Илья Фезвитянинъ, заклавыи ерея жерца идольския числом 300 и рече: «Ревнуя, поревновахъ по господе вседержители», тако и сеи не мога терпети хрестьян двоеверно живущих, и верують в Перуна, и в Хорса, и в Мокошь, и в Сима, и в Ръгла, и въ Вилы, ихъ же числом 39 сестриць. Глаголять невегласи и мнять богинями и так покладывахуть имъ теребы, и куры имъ режут, и огневе молятся, зовуще его Сварожичемъ, и чесновиток богомъ же его творят». И дальше: «Того ради не подобает крестьяномъ игръ бесовьскиих играти, еже есть плясанье, гуденье, песни мирьскыия и жертвы идольския, еже моляться огневе под овиномъ, и Вилам, и Мокоше, и Симу, и Ръглу, и Перуну, и Роду, и Рожаницe...»

Это «Слово» для нас ценно по двум причинам. Первая — здесь перечислены поганские боги, которым поклоняются «лже-христиане». Вторая — оно дает нам возможность увидеть истинную картину тогдашней ду-

ховной жизни. Двоеверие — вот что было характерно для XI — XII веков. Собственно, летописная Литва была окрещена в православие туровским епископом только в 1405 году. Значит, последнюю границу можно отнести намного дальше.

Древний автор перечислил для нас часть языческого пантеона богов, которых еще не забыли в те времена. Перун — бог войны, дождя и грома. Хорс (он же Ярило, Даждьбог, Сварог) — бог солнца, животворящей силы природы. Мокошь (у Б. Рыбакова Макошь) — богиня урожайности, заступница всех женщин. Сим и Регл, или Семарг — божество, которое охраняет семена и всходы, рисовали его как крылатую собаку. Вилы, они же русалки — богини утренних туманов, росы на полях, представали они в виде дев с распущенными волосами. Последние вместе с волколаками почему-то лучше других «нечистиков» сохранились в памяти белорусов. Вот что было записано в одной из лингвистических экспедиций на белорусское Полесье совсем недавно: «Русавка — такая будто баба с распущенной косянкой, они сидят, колышут детей на тех местах, где пущи были. До Купального Ивана не купались, потому что русавки были в воде, а после Купального Ивана шли они в жито. Говорили, что русавки когда-то были девками, вот какая-нибудь из них уже запилась, заручилась, а замуж не пошла. И дитя, которое некрещеное умрет, — тоже русавка».

Род — языческое божество природы, вселенной и урожайности. Рожаницы — заступницы женщин-рожениц, богини всего живого. Ну а Сварожичи — сыновья Сварога.

Конечно, сейчас мы хорошо знаем, что это далеко не полный перечень языческих богов. Но надо учесть, что, во-первых, для автора «Слова» те боги были всего только «бесовским порождением», которое надо было уничтожать и искоренять, а во-вторых, ему было абсолютно

все равно, кто из этих богов главный, а кто подручный. Перун стоит где-то за Симом и Реглом. Возможно, это умышленная ошибка — мол, самое ему там место, поганцу, разбрасывающемуся молниями.

Русь была окрещена греком митрополитом Михаилом в конце десятого столетия при князе Владимире, сыне Святослава. История христианства к этому моменту отсчитывала уже без малого тысячу лет. А язычество, из каких глубин времени выходило оно?

Письменные источники, те же летописи, свидетельства греческих, византийских и арабских историков дают не так уж много. Известно только, что в конце X века, когда идея крещения Руси вот-вот должна была осуществиться — а за эту идею последовательно боролись княгиня Ольга с некоторыми другими подвижниками, — волхвы Киевской Руси создали новый пантеон языческих богов, немного отличный от прежнего. Об этом говорит много фактов. Б. Рыбаков считает, что новый пантеон был, во-первых, антитезой христианскому триединству, а во-вторых, волхвы воскресили и перенесли в Киев несколько архаических местных богов, которые восходили ко временам сколотским. Таким образом, верховным божеством стал Перун, хотя испокон веку это место принадлежало другому богу. Род — вот настоящий верховный бог древних славян, именно он всегда был и — опосредованно — остается главным в славянском миропонимании даже до нашего времени.

Перун понадобился волхвам как бог войны, как символ княжеской власти, а Род — это Род. Род, народ, родина, природа, родить, урожай... Недаром и радуница (роданица) — день поминовения предков.

У Константина Багрянородного под 948 годом н.э. есть такая запись: «Пройдя это место, они (славяне) доходят до острова, который называется святым Григорием, и на этом острове совершают свои жертвоприноше-

ния, потому что там растет огромный дуб. Они приносят в жертву живых петухов, вокруг втыкают стрелы, а некоторые приносят куски хлеба, мясо и что имеет каждый, как требует их обычай. Насчет петухов они бросают жребий — или зарезать их, или съесть, или отпустить живыми».

Так какому же богу приносились эти жертвы? Перуну? Дереву-богу? Или все же Роду?

Дуб был главным деревом не только славян и балтов, Зевс тоже сидел на дубе, и ничего странного в этом нет. Самое красивое, крепкое и долговечное дерево на этих землях, оно просто должно было представляться нашим предкам божеским. Действительно, вспоминаешь разные уголки Беларуси — и прежде всего видишь дубы. На высоком берегу Днепра между устьями Березины и Сожа дубовые рощи (гаи) тянутся на многие километры. Дубы здесь стоят вольно, твердо, никого не пускают себе под ноги. Тонкостволые березняки жмутся по ложбинкам, осинники загнаны в верховые болота, тонкие сосны, где облитые медью, где забронзовелые, смотрят на широкую речную пойму из далекого леса, — а дубы как зубры среди стад мелкорослых серн и ланей. А наднеманская Миколаевщина, родина Якуба Коласа? Толстенные дубы стоят далеко друг от друга, из густозеленого дерна выпирают корни, похожие на подземных змеев, и никто не знает, куда эти дубы шагают. В Налибокскую пущу? К своим братьям на Днепре?

Присвитязские дубы более задумчивые. Видно, они влюбились в нежно-стыдливую, осененную утренним туманом и подсвеченную вечерним солнцем красавицу Свитязь и не могут сойти с места. А уж как распахнет она сине-глубокие очи — исполины совсем теряют голову и по колено забредают в прозрачно-холодную воду озера, низко склонив могучие ветви. Плещется в корнях игривая волна, смеется, играет с онемевшими кавале-

рами, которые растопырили неуклюжие руки-катаки — и не знают, что же делать дальше. Камыш и тот смеется над этими ухаживаниями-залетами, даже ложится на воду. Хорошие они хлопцы, эти дубы, высокие, сильные, тучу за хвост поймать могут — а никак не уговорят, не ублажат норовистую дивчину, самую из самых среди этих холмов. Конечно, Свитязь одна, а дубов вон сколько, не может выбрать, бедная. То засмеется, то притихнет в грустном раздумье...

В Налибокской пуще тоже дубы, но там больше бобылей, одиночек, которым не по душе гурты и собрания-рады. Гуляют они на воле сами по себе, найдут подходящую поляну в лесной чащобе и тешатся на ней, кличут, зовут к себе зверя и птицу, подкармливают голодных, лечат хворых. Правда, притягивают они и удары молний, особенно в воробьиные ночи, но такая уж судьба одиночек. Трещат, дымятся налибокские богатыри под перунами — и все равно никого и ничего не боятся.

Ну а царь-дуб живет где-то на Полесье по-над Припятью. Туровцы говорят, что под Туровом, городчуки — под Давыд-Городком, пинчуки с мозырянами тоже что-то свое знают, но никто и не спорит о том, что царь-дуб — на Полесье. Где же ему быть? В припятскую воду глядится, под полесским солнцем греется, со здешними цаплями и аистами — черными! — знается. Каждый полещук о нем знает, а вот увидеть — нет, не всякому дано. До Бога высоко, до царя далеко...

Дуб занимал свое законное место в пантеоне языческих богов, это мало у кого вызывает сомнение, но господствовал над всеми богами Род. Древнерусские писатели XII века сравнивали Рода с вавилонским Ваалом-Гадом, египетским Осирисом, библейским Саваофом. Бог-творец, бог-демиург, он находился на небе и вдыхал жизнь во все живое.

К сожалению, к тому времени, как появились поучения против язычества, культ Рода был уже почти забыт, оттого и записи о нем редки и невыразительны. Однако главное все же осталось — Род сидит на небе и оплодотворяет землю. Если обратиться к индоевропейской мифологии, к первоначальному дуализму, из которого слагались основные мифы: день — ночь, вода — суша, земля — небо, огонь — вода и так далее, то становится ясно, что Роду должна соответствовать и богиня-мать, та самая земля, которую оплодотворяет небо. Академик Б. Рыбаков считает, что на эту роль у восточных славян может претендовать разве что Макошь. Однако при определении этой загадочной богини мне хотелось бы пойти другим путем. Род, народ, родина, природа, родить, предки — об этом семантическом ряде уже говорилось. Я предлагаю еще один: жизнь, живой, животные, жито, жилье... Католики-миссионеры Средневековья отмечали у западных славян других богов и богинь, среди которых — Жива. Католический пресвитер Гельмольд под 1170 годом записал: «...во всей славянской земле господствовали усердное поклонение идолам и заблуждения разных суеверий. Ибо помимо рощ (священных) и божков, которыми изобиловали поля и селения, первыми и главными были Прове, бог Альденбургской (Староградской) земли, Жива, богиня полабов, и Радегаст, бог земли бодричей...»

Хочется подчеркнуть, что записано это в XII веке, когда культ языческих богов повсеместно уже исчезал. Собственно, и Макошь в эти же времена называлась в числе последних, второразрядных богов. Прове у западных славян — бог-дерево, чаще всего его олицетворял дуб. А Жива — она Жива. Мы знаем, что разница между западными и восточными славянами не такая уж большая, чтобы совсем разделять и их, и их богов. Жива мог-

ла быть праславянской богиней, той самой наперсницей Рода, о которой мы мало что знаем.

В польской хронике Прокоша (XVI в.) говорится: «Божеству Живе было устроено капище на горе, названной по ее имени Живец, где первые дни месяца мая сходился народ испрашивать от той, которую почитал источником жизни, долговременного и благополучного здоровья. Особенно же приносились ей жертвы теми, кто слышал первое пение кукушки, предвещавшей им столько лет жизни, сколько раз она прокуковала.

Думали, что высший владыка Вселенной, превращаясь в кукушку, сам предвещал продолжительность жизни».

Мне кажется, что как раз Жива и Род были первой и самой древней парой славянских богов, которые вышли непосредственно из индоевропейских богов, творцов мироздания. В «Слове про идолов» XII века мы читаем: «Оттуда же начаша елини ставити трапезу Роду и рожаницам, таже егюптяне, таже римляне. Даже и до словен дойде; се же словене начали трапезу ставити Роду и рожаницам переже Перуна, бога их...»

Осирис — Саваоф — Ваал — Род... Академик А. Ф. Лосев отмечал, что античный Зевс — «дождевой», «имя, которое означает вместе и огонь, и жизнь»; Зевс — творец жизни для людей.

У западных славян был еще один главный бог — Святовит (Свентовид), его называли «богом богов». Гильфердинг в «Истории балтийских славян» писал: «Между многообразными божествами, которым присвоены леса, поля, печали и радости, они признают единого бога в небесах, повелевающего прочими богами, и верят, что он, всемогущий, заботится только о небесном...»

Святовит — тоже Род.

В 1848 году на русско-австрийской границе в реке Збруч был найден знаменитый Збручский идол, четыре

лица и три зоны Вселенной которого олицетворяли все космогоническое мировоззрение древнего славянина. В верхней чане (небесной) на четырех гранях идола два женских и два мужских обличья верховных богов. Средняя зона — земная — хоровод из мужских и женских фигур. Нижняя зона, или подземный мир, заключает в себе бога, который держит на руках землю с людьми. Академик Б. Рыбаков считает, что верховными богинями здесь являются Макошь и Лада, боги — Перун и один из трех «солнечных» богов: Хорс, Даждьбог или Стрибог. Наиболее слабая позиция здесь у Макоши. Многие исследователи считают, что Макошь принадлежит к позднейшему пантеону киевских богов, тому самому пантеону, который разрушил князь Владимир. И отводилось ей там не самое почетное место — она благоприятствовала делам, связанным с чисто женскими занятиями, особенно с пряденьем, (Б. Рыбаков не исключает того, что на месте Макоши здесь могла быть Жива.)

А вся эта трехступенчатая система идола объединена в один фаллический элемент красного цвета, имя которому — Род.

Значит, в верхней части Збручского идола сидят боги, среднюю часть заселяют люди, которые соединены в магическом хороводе, внизу держит людей на руках усатый Велес-Волос, бог животных и богатства. Собственно, вооруженный Перун может быть и Святовитом-Свентовидом. Женщина с рогом изобилия, скорее всего, именно Жива. Вторая женщина с кольцом в руке, по Б. Рыбакову, Лада, богиня роста живого и покровительница свадеб. Однако можно вспомнить предложенный уже дуализм, единство противоположностей по схеме день — ночь, солнце — месяц и так далее. Тогда второй богиней, которая противостоит Живе, будет Нава либо Морена, олицетворение смерти. Насчет четвертого бога можно только догадываться. Кто чаще всего противо-

стоит Перуну-Святовиту? Велес. Тогда дольный, подземный бог — Черноус, или Чернобог, тот, кто владычествует в подземельном царстве, тут легко провести аналогию с Аидом.

Одним словом, о Збручском идоле так подробно я рассказал только ради того, чтобы напомнить, какие сложные, интересные и многозначные были верования наших предков накануне христианизации. Не в пику последней, а только в поддержку истины.

К тому же в дописьменную эпоху существовало так называемое письмо «резами» и «чертами» — тоже своеобразная знаковая система, при помощи которой человек осмысливал себя в этом мире. Но это уже отдельный разговор, стоящий специального научного исследования. Вспомним только запись черноризца Храбра, относящуюся к X веку: «Прежде убо словене не имеху книг, но чьртами и резами чьтяху и гатаху (гадааху) погани сущее».

Я назвал далеко не всех языческих богов и богинь. Видно, никто не возьмется описать полный пантеон праславянских богов. Кроме основных, существовало великое множество богов региональных — родовых, племенных, семейных. Мы уже знаем, в каких катаклизмах, из какого варева возникала каждая из нынешних славянских народностей. На этом пути потери неизбежны, и славянская мифология, как это ни грустно, утеряла очень многое. Что касается восточных славян, то основными причинами этого можно назвать следующие: относительно позднее создание государственности; необъятные просторы восточнославянских земель; утеря письма «чертами» и «резами», в памятниках которого и сохранялась основная информация; исключительный радикализм христианизации на наших землях, да и не только на наших.

Каждая новая культура рождалась на остатках предшествующей, и не всегда что-нибудь из тех остатков сохранялось.

Фольклор же, как мы можем убедиться, донес до нас многое, но далеко не все. Предметная сторона, реалии мира, в котором жил человек, сохранились более-менее полно, а вот эвфемистический характер языческий религии способствовал ее быстрому исчезновению.

Вспомните, что в «Слове некоего христолюбца» XII века не было упоминания о Велесе, одном из главнейших богов язычества, да и Род был назван где-то в конце. Как считают лингвисты Иванов и Топоров, битва Перуна и Велеса восходит к индоевропейскому мифу о борьбе Бога Молний со Змеем. В дальнейшем Велес стал богом домашних животных и богатства в широком смысле, с принятием же христианства он объединился в народных верованиях со святым Николой, как Перун перевоплотился в Георгия Победоносца и Илью-пророка.

Недаром все же возникла пресловутая «Велесова книга», в которой неизвестный автор попробовал реконструировать верования дохристианской Руси. Хоть и считается эта книга подделкой, но знакомство с ней в чем-то может быть полезным.

А о том, насколько богата была фантазия наших предков, говорит даже простое перечисление нечистиков: Люцыпар, пекельники, шешки, касны, шатаны, цмоки, паралики, паветрики, прахи, кадуки, домовики, или домники, хлевники, гуменники, пунники, лазники, полуночники, яретники, мары, кикиморы (вещеницы), полевики, лешуки, лесовики, пущевики, кладники, или кладовики, водяники (вирники и тихони), болотники, багники, аржавеники, лозники, русалки, ведьмаки и ведьмы, колдуны, переворотни, волколаки... Тому, кто захочет узнать про нечистиков более подробно, советую обратиться к книгам фольклориста прошлого века В. Никифоровского.

Историк В. Ключевский высказал мысль, что насколько наши предки любили свои реки, которые вели их в далекие страны, настолько они не доверяли лесу, боялись его, воевали, уничтожали, рубили его и жгли. Согласно его рассуждениям, славяне были больше сыновьями степей, чем лесов. Что на это можно сказать? Конечно, степь больше подходила для жизни; и поле на ней засеешь быстрее, чем в лесу, и дороги не надо прокладывать или искать, сел да поехал куда глаза глядят. И тем не менее что-то здесь вызывает возражение. Вообще-то есть свидетельства византийских историков, которые говорят, что славяне любят жить в лесах, и воюют среди них они намного лучше, чем на открытых просторах. А второе — пословицы и поговорки, в которых все же объективный взгляд человека на природу. Лес слышит, а поле видит. Не было нас — был лес, и не будет нас — будет лес. Живя в лесу, дров не покупать. Когда идешь лесом, держи топор за поясом, как выйдешь на сеножать, не забудь дубец (палку) сломать. Плюнь на лес, чтоб язык облез. Как в лесу аукнешь, так отзовется. Гроза в лес не идет. Лесовое в лес глядит...

Ну и последнее — опасность чаще всего приходила к славянам из степей, и тогда лес становился хатой-убежищем.

И хотя говорили наши предки, что в людях люди людняют, а в лесу дичают, однако леса они все же не боялись. Человек не только отвоевывал у леса землю под пашню, но и брал там поташ, смолу-живицу, деготь, выжигал из деревьев уголь для кузниц и рудней, уже не говоря про ягоду, грибы, орехи, лечебные коренья и травы. Чудесная папарать-кветка (цветок папоротника), обладание которой давало человеку неисчислимые богатства, тоже пряталась в лесу, в самом его сердце. А зверь, которого хорошо знали наши деды? До XVII века в белорусских лесах жили туры. До восемнадцатого — серо-

гнедые с черной полосой вдоль спины лесные кони тарпаны, на них воевала конница Великого княжества Литовского. В XIX веке был убит последний благородный олень. Когда-то были соболь, медведь-муравьед, росомаха, черный заяц, дрофа... Ну и зубр, с таким трудом спасенный в прошлом столетии. Можно сказать, он восстал из небытия, воскрес, как сожженная птица Феникс.

О том, чем был для человека лес, говорит уже «Русская правда», свод законов XI века, первый наш свод законов. За порчу охотничьих приспособлений, за кражу птиц из чужих перевесов и бобров на чужих гонах определялась высокая мера ответственности. Девятый раздел Статута Великого княжества Литовского от 1529 года назывался «О ловы, о пушчы, о бортное дерево, о бобровые гоны, о хмелища, о сокольи гнезда». И ответственность за охоту в чужих владениях, за разрушение сокольих и лебединых гнезд, за убийство зверей этим Статутом определялась от денежного штрафа до смертной казни. Незаконно добытый зубр тогда стоил двенадцать рублей, лось — шесть, олень, лань, медведь, конь — три, дикий кабан и рысь — один рубль, серна — полкопы грошей. Косить, пахать, вырубать лозу вокруг зеремя — бобровой колонии — можно было только на расстоянии брошенной палки, штраф нарушители платили двенадцать рублей. Незаконно добытый карий (коричневый) бобер стоил копу грошей, черный — две копы. Устава на волоки Жигимонта II Августа от 1557 года дозволяла крестьянам охотиться только на своих волоках «на волка, лисицу, рыся, росомаху, зайца, белку инъшный звeръ малый, также птахи всякие... але серны и инъшого болшого зверу не бити и на своих волоках, а особливо въ пущахъ и подъ пущами нашими ручницъ ховати и жадного зверу ловити не мають, под горламъ» «Подъ горламъ» — это значит под страхом смерти. Ручницами назывались ружья, которые заряжались с дула,

а порох в них поджигался губой, волокнистой, как вата, массой; грибы-губы росли на деревьях, их собирали и варили, потом высушивали. Шляхте запрещалось охотиться с собаками, потому что это вредило озимине и ярине, крестьянам же нельзя было: рубить лес «на будаванье» (бери, если хочешь, «лежачое дерево»), собирать грибы, ягоды, хмель и губу... Лишь малые дети да девчата могли ходить в лес за всем этим. По приказу Жигимонта II Августа мстиславльский староста Рыгор Волович описал тридцать девять (!) пущ Великого княжества Литовского. А мы сейчас какие пущи знаем? Беловежскую, Налибокскую — и все?..

В одном из приказов того времени, например, было записано, что в Беловежской пуще «делать новые дороги... особливо через оступы (запрещается), а те, что вредят пуще и мешают, уничтожить».

Может, такие строгие указы писались оттого, что зверей в прежних пущах встречались единицы, спасать их надо было? Нет, зверей все же хватало. На коронацию Великого князя Литовского Витовта было забито сто зубров и столько же лосей. Накануне Грюнвальда в осень и зиму 1409 года для войск Витовта и его двоюродного брата польского короля Ягайлы было заготовлено несколько сотен бочек зубрового и лосиного мяса. Может, вооруженные до зубов, закованные в броню войска крестоносцев были разбиты еще и потому, что они не кормились зубрятиной?..

А как полевала-охотилась заможная и портяная (от слова порты) шляхта, которой и королевский указ не указ? Чтобы хорошенько представить это, надо прочитать «Песню про зубра» Миколы Гусовского (XVI в.) и «Пана Тадеуша» Адама Мицкевича. А я скажу только, что одни любили мчаться на ловах с хортами и выжлами (борзыми и гончими), другие пускали вперед себя легавых, а третьи топтались вокруг нор да шуршали в кус-

тах с собаками-ямниками. Князья же охотились с белозорами да балобанами; каждый из таких соколов стоил как два воинских коня. Воздушный бой птиц был самой утонченной из охот.

Но я заскочил далеко вперед. До того момента, когда было создано Великое княжество Литовское, должно было пройти еще много времени. Мы же остановимся на той невидимой, но очень важной черте, которая отделяла Русь поганскую от Руси державной, Руси, что приняла христианство. Киевская Русь собрала под своей властью земли восточных славян — и определила их историческую судьбу на тысячи лет вперед. Будем надеяться, что на тысячи, а не на одну тысячу, которую мы уже можем обозреть.

Конечно, Русь языческая с ее наивными богами не исчезла бесследно, она жива хотя бы в том, что мы очень часто говорим слова вроде этих двух — Жива и Род. Живородная сущность язычества будет с человеком от его начала до его конца, хотим мы этого или нет. Еще раз скажем: новая культура возникает на остатках ее предшественницы, былая культура входит в плоть и кровь новой — и выйдет из нее только вместе с жизнью. Жива и Род глядят на нас из своего далека, и мы это должны помнить.

Все плывет, все исчезает в реке времени, однако сама река не имеет ни конца, ни начала. Невидимые рыбы глядят из этой реки на тех, кто стоит на ее берегах. На земле река — и на небе река, она же Великий Воз, она же Млечный Путь. Земная Рыба отражается в небесной, и там же Большая и Малая Медведицы, Лев, Овен, Весы, Стрелец, Дева... Все имеет одну прародину. Нам ее искать.

Славяне и балты

Из «Повести временных лет» мы уже знаем, кто от кого пошел — радимичи от Радима, вятичи от Вятки, ляшских братьев; поляне назвались полянами, потому что сели на полях по Днепру; древляне выбрали себе леса; дреговичам же понравилась дрыгва, топь между Припятью и Двиной. Но едва ли не самым большим в то время племенем были кривичи, «иже седять на вьрх Вългы на вьрх Двины и на вьрх Дънепра, их же градесть Смольньск». Откуда их название? Академик Б. Рыбаков считает, что от древнего балтского бога Крива-Кривейты. Вильня, теперешний Вильнюс, когда-то тоже называлась Кривым городом — городом кривичей. Полочане, которые сидели на речке Полоте, были одной из ветвей этого огромного племени.

Меня как раз и будут интересовать племена, которые участвовали в формировании белорусской народности — кривичи, радимичи, дреговичи, полочане, а также Литва. Летописная Литва, как мы увидим позже, имела непосредственное отношение к этногенезу белорусов.

Еще раз обратимся к «Повести временных лет»: «Имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своих и преданья, кождо свой нравъ. Поляне бо своих отецъ обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыденье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и к родителемъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыденье имеху, брачный обычай имяху: не хожаше зять по невесту, но при-

водяху вечеръ, а завътра приношаху по ней что вдадуче. А древляне живяху звериньскимъ образомъ, живуще скотьски: убиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды девиця. И радимичи, и вятичи, и северъ одинъ обычай имяху: живяху в лесе, якоже и всякий зверь, ядуще все нечисто, и срамословье в них предъ отьци и предъ снохами, и браци не бываху въ них, но игрища межю селы, схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бесовьская песни, и ту умыкаху жены собе, с нею же кто съвещашеся; имяху же по две и по три жены. И аще кто умярше, творяху трызну надъ нимъ, и по семь творяху кладу велику, и възложахуть и на кладу, мертвеца сожьжаху, и посемь собравше кости вложаху в судину малу, и поставляху на столпе на путех, еже творять вятичи и ныне. Си же творяху обычая кривичи и прочии погании, не ведуще закона божия, но творяще сами собе законъ».

В этой записи, похожей на поучения христианских миссионеров, уже отчетливо выявилось негативное отношение киевской власти к поганским (языческим) обычаям. Да, здесь в первую очередь отрицается язычество как былая религия, взамен же предлагается закон Божий. Ну и второе — это яркий пример отношения метрополии к своим провинциям. Только единовластие может обеспечить порядок в государстве, и идет оно из Киева. Можно предполагать, что в то время, когда писалась летопись, еще чувствовалось сильное сопротивление христианизации, еще «творились требы» в глубинах лесов, тянул в гору дымок жертвенных огнищ на островах, кружились хороводы вокруг священных дубов в рощах. Однако политический статус державы уже оформился — верховный князь в Киеве, удельные князья на местах. Вечевые колокола-звоны Новгорода хоть и поднимали людей на бунт, но изменить что-либо они не могли. На протяжении IX—XII веков создалось сильное восточно-

европейское государство, с которым поддерживали отношения цезари Византии, короли Германии, Франции, Польши, Чехии, скандинавских стран, ехали в Киев послы папы Римского. Но постепенно возрастала политическая независимость удельных князей, усилилась экономическая независимость отдельных княжеств, бесконечной чередой пошли усобицы — и к тридцатым годам XIII века уже была подготовлена хорошая почва для татаро-монгольского нашествия, того самого, которое не только разорило Киевскую Русь, лишило ее политической самостоятельности, но — и это очень важно — надолго разделило восточных славян, повело их по разным историческим путям.

Однако прежде чем перейти к этой теме, скажем несколько слов о западных, если смотреть из Киева — заприпятских землях Древней Руси, которые мы теперь называем Беларусью. Большую их часть объединяли два княжества — Полоцкое и Турово-Пинское. Наиболее крупными городами были: Полоцк (862 г.), Туров (980 г.), Берестье (1019 г.), Витебск (1021 г.), Браслав (1065 г.), Орша (1067 г.), Минск (1067 г.), Логойск, Друцк и Лукомль (все — 1078 г.), Пинск (1097 г.)*. Кроме названных, есть города, упомянутые в источниках XII—XIII веков, в которых при раскопках найден культурный слой XI века — Городня (Гродно), Новогрудок, Волковыск. И, наконец, города XII—XIII веков без этого культурного слоя — Борисов, Брагин, Гомель, Давыд-Городок, Изяславлъ, Клецк, Кричев, Рогачев, Слоним, Слуцк.

Надо отметить, что к XIII веку многие из этих городов выделились в центры удельных княжеств — Друцк, Минск, Берестье, Витебск, Гродно, возможно — Новогрудок и Волковыск.

---

* В скобках обозначено первое летописное упоминание об этих городах.

Вот тут мне хочется сделать одно замечание относительно раскопок. В археологическом атласе «Древняя Русь. Город, замок, село» помещено несколько карт археологических источников. Наиболее густо на этих картах испещрено среднее Поднепровье, центральная часть России (так называемое «Золотое кольцо»), Прикарпатье. И едва ли не самые большие белые пятна (это значит — неисследованные места), на территории современной Белоруссии. Кое-как обозначены белорусский Днепр, Наднемонье, немножко Припять. Редкие значки этих изученных и исследованных поселений Белоруссии просто удручают. Что это — случайность или результат определенной тенденции? Думаю, что при соответствующей содержательности и основательности раскопок наших городов и городков намного бы «постарел» их культурный слой.

Взять хотя бы Городню (Городно, Городен, теперь Гродно). Припоминаю слова известного археолога Михаила Александровича Ткачева: «Мы здесь открыли четыре Борисоглебские церкви XII века».

Стояли мы тогда на старом замчище. Внизу дышали быстрые воды Немана, в глубоких шурфах копались студенты, надо было остерегаться, чтобы не сбросить им на головы камешек, в широких лугах поблескивали стеклышки пойменных озер, и Михаил Александрович рассказывал, что в скором времени опять встанет над рекой могучий замок — сердце Городни.

— Вот как раз тут, — показывал Михаил Александрович, — Витовт наладил через реку подъемник. Он сидел в осаде, так ему из-за реки на тросах доставляли провизию. Не верите? Протянули из замка за реку тросы — и пожалуйста, канатная дорога XIV века. Ягайло, который загнал Витовта в замок, полевые дороги перекрыл, а эту надречную никак не может. Смотрел, смотрел он на канаты — и тоже придумал. Что ни говорите,

они ведь оба хитрецы, Витовт с Ягайлой. Братья! Выше замка Ягайло соорудил громадный плот, навалил на него деревьев, коряг, хворосту — и пустил плот по реке. Ночью. Эту дорогу как корова языком слизала.

Я глядел на широкий Неман, на замковую стену из больших валунов, на дворец Стефана Батория — и верил в канатную дорогу над рекой. Если был величественный замок над Неманом, самый старый из мурованых (каменных) замков в Белоруссии, — была и канатная дорога.

— А церквей нашли целых четыре, — рассказывал дальше Михаил Александрович. — Раньше знали только про Коложу, ну, еще про нижнюю церковь — а тут сразу четыре! До сих пор не верят.

И правда, неплохое добавление к Коложе. Четыре сестры одного возраста — это уже род. Вместе с храмом на Нерли Коложа, пожалуй, одна из самых знаменитых древнерусских церквей. Чем удивляют нас церкви из тех времен, вот та же белая лебедь на Нерли? Изящностью очертаний, совершенством форм, вознесенностью над лугами, божественностью самого камня — ну и выбором места, где храму стоять в веках. Действительно, почему зодчий вынес церковь далеко в луга, в зелень надречных кустов и трав? И вода, много воды вокруг, речные притоки и рукава — неужели мастер не боялся, что это белокаменное чудо захлестнет паводок? Но вот же не убоялся, знал то, что может быть ведомо только одному человеку. И стоит белая церковь в июльском разнотравье, к ней идут люди каждый своей стежкой. Я выдрался к храму из приречных кустов. То ли мне неправильно рассказали дорогу, то ли я что-то не понял и заблудился, но пришлось довольно долго лазить по густым лознякам, чвякать по грязи, я уже немного и разозлился на себя и еще кого-то. Но тут кусты разошлись — и она предстала, белая, ласковая, неземная в своей возне-

сенности. Единственное только таким и бывает — ни на что не похожим.

Городненская Коложская церковь другая. Место для нее мастер выбрал обычное. Прекрасное, чудесное место, но обычное — на высоком неманском берегу, рядом с Замковой горой. Все знают, что наши предки церкви ставили на самых-самых местах — высоких, открытых, приглядных. И не хочешь, а увидишь ту церковь со всех четырех сторон. Так что Коложа стояла обычно — отовсюду видна, и старые деревья не закрывают ее, а охраняют. Однако подходишь ближе — и невольно ахаешь. На стенах церкви, которые сохранились с того самого XII века, бросаются в глаза отполированные разноцветные камни, светло-зеленые, бирюзовые, коричневые, желтые. О чем думал мастер, полируя эти валуны, выкладывая майоликовую плитку? Видно, о том же, о чем и владимирский мастер, когда возводил храм в глубине лугов. А в Коложской церкви из майоликовых плиток был сделан и пол, и стены были украшены фресковой живописью, которая, к сожалению, не сохранилась. Майоликовые кресты на стене, разноцветные каменные вкрапления, складывающиеся в неведомый нам узор,— они зачаровывали.

Так вот, и на церковь на Нерли, и на Коложу, и на владимирские «многоглавки» можно глядеть долго. Всю жизнь может глядеть на них человек — и не устанет, не затоскует, не отмахнется. Только через такие вот храмы он поймет своих предков, их глазами увидит свою землю — и себя на ней. Стоят под высокими небесами Покров на Нерли и Коложа, лелеят доброту в человеческих душах, ведут людей к красоте. Из-за этого столько у них врагов, у наших храмов. Зло никогда не может простить Добру, оно уничтожает, крушит, жжет, глумится, — и сейчас это видно особенно хорошо. Уже несколько поколений людей вырастают на убеждениях, что для

завтрашнего дня надо как следует уничтожить прошлое, «сплюндровать», писали в наших летописях. Как в языческих ритуалах христианские пастыри видели только бесовские гульбища и «скотьски» обычаи, так и в христианстве сейчас обличают лжегуманизм и мракобесие. Мы давно уже не узнаем свою землю, давно не знаем, что растет на наших полях, засыпанных нитратами, понимаем, что реки превратились в сточные канавы — и тем не менее играем словами, самих себя посылаем туда, не знаю куда, приказываем принести то, не знаю что. Светлое завтра все спишет.

Нет средств, чтобы отреставрировать полностью Коложу? И рыбу из реки нельзя есть? На гродненских улицах не говорят по-белорусски? Ничего, завтра все будет хорошо. Сегодня еще надо кое-что разрушить и уничтожить, а завтра все исправим. И ни в коем случае не оглядываться в прошлое!

Но еще раз вернемся к церквам. Кроме четырех гродненских, в XII веке были поставлены Большой собор Бельчницкого монастыря, Спасо-Евфросиньевская церковь в Полоцке, церковь Благовещенья в Витебске, Борисоглебская церковь в Новогрудке. Причем новогрудская церковь построена не в традициях гродненского монументально зодчества, а в традициях полоцкой школы.

Но начать все же надо с того, что в Полоцке находится самый древний собор на белорусской земле — Софийский (середина XI века).

Пожалуй, с трех Софий — Киевской, Новгородской, Полоцкой — и началась история древнерусского зодчества. И не только она. С этих трех городов началась история Киевской Руси.

Вот мы и подошли к древнему Полоцку, городу-киту, на котором установилась и высоко вознеслась Русь. Чем определялся взлет любого средневекового города? Чаще всего исключительным географическим положе-

нием, когда и река, которая выносит к морям-океанам, и сильные соседи — только среди сильных можно самому стать сильным, — и культурно-экономическая «особинка», непохожесть на других. В Полоцке все сошлось легко и естественно. Полоцкий люд без особых трудностей выходил на западноевропейские шляхи — вспомните, куда завела дорога Франциска Скорину, и конечно, он не был на этих дорогах первым полочанином. Подобно ему, проходили теми шляхами многие полоцкие, новогрудские, виленские люди, да не всем поровну отмерено удачи и таланта. Людей много, а Скорина один. Так вот, полоцкие купцы были своими людьми и в Новгороде, и в Киеве, и в Любеке с Краковом. Ходили они в варяги и в греки, а там надо было не только на других глядеть, но и себя показывать.

Второе — к XI веку уже набрали силу Киев и Новгород, хотя и отличались они разными формами политической власти — правлением верховного князя и народовластием, — однако основные черты были все же едины. Полоцк подсмотрел у своих соседей то и это, в зависимости от ситуации скликал вече или приглашал сильного князя. Культурным экономическим и воинским центром Руси сразу стал Киев, тут и византийские походы, и война со Степью, Святослав стремился перенести столицу на Дунай. Принятие христианства тоже было актом исключительного культурно-политического значения. Заговорили колокола киевской Софии — за ними новгородской и полоцкой. Единая воля отчетливо проявлялась на всей русской земле, возьмите те же многочисленные Борисоглебские церкви. Первые русские святые как раз и стали символами этой воли, от Городни до Корсуня, от Галича до Мурома.

И третье — отличие от своих соседей. По мере того как увеличивались сила и авторитет удельных княжеств, менялось их положение, возрастала их роль в культур-

но-экономической жизни государства. Конечно, каждый такой центр решал какие-то свои региональные задачи. Юго-восточные княжества были щитом между Киевом и Степью, северо-западные сдерживали никак не стихающие волны немецкой экспансии, а те волны покатили во все стороны еще со времен Германариха, центральные же княжества выполняли роль ядра, куда сходилось, стекалось и притягивалось, как к магниту, все самое лучшее. Полоцк находился на балто-славянском пограничье. К этому времени уже закончился процесс мелкоплеменных миграций, создавались большие государства, в чреве которых навсегда исчезали маленькие народы. Тень от католического креста надвинулась на земли пруссов, куршей и ятвягов, в Полоцке эту тень хорошо видели. Литва, курши, жмудь, аукшайты, латгалы изо всех сил сражались с агрессией крестоносцев, однако ясно было, что без сильного государства им не устоять. Таким образом, в начале XIII века западнорусские земли, которые собрались под властью Полоцка, и наиболее сильные балтские племена оказались перед необходимостью консолидации. Условия для создания нового восточноевропейского государства — Великого княжества Литовского — уже созрели, но об этом немного позже.

Один из трех самых могущественных городов Киевской Руси, Полоцк был в центре борьбы за верховную власть. Всеслав Брячиславович, как известно, один год сидел на киевском престоле. Стоит назвать имена наиболее известных полоцких князей. Первый из них, имя которого донесли до нас летописи, Рогволод, отец Рогнеды. Самого Рогволода убил Владимир Святославович, взял силой (гвалтом) в жены Рогнеду, от них родился Изяслав Владимирович, зачинатель новой полоцкой династии. Владимир построил ему город Изяслав, теперь Заславль. С 1003 года княжил Брячислав Изяславович,

с него началась борьба Полоцка с Киевом. Но наибольшего расцвета Полоцк достиг при Всеславе Брячиславовиче (1044—1101 гг.).

Вот что пишет «Повесть временных лет»: «В лето 6575 (1067). Заратися Всеславъ, сынъ Брячиславль, Полочьске, и зая Новъгородъ. Ярославичи же трие, — Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, — совокупивше вои, идоша на Всеслава, зиме сущи велице. И придоша ко Меньску, и меняне затворишася в граде. Си же братья взяша Менескъ, и исекоша муже, а жены и дети взаша на щиты, и поидоша к Немизе, и Всеславъ поиде противу. И совокупишася обои на Немизе, месяца марта въ 3 день; и бяше снегъ великъ, и поидоша противу собе. И бысть сеча зла, и мнози падоша, и одолеша Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Всеславъ же бежа. По семь же, месяца иуля въ 10 день, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, целовавше крестъ честный къ Всеславу, рекше ему: «Приди к намъ, яко не створимъ ти зла». Он же, надеявься целованью креста, перееха в лодьи чересъ Днепръ. Изяславу же в шатеръ предъидущю, и тако яша Всеслава на Рши у Смолиньска, преступивше кресть. Изяславъ же приведъ Всеслава Кыеву, всади и в порубь съ двема сынома».

И о том же Всеславе в «Слове о полку Игореве»: «На Немизе снопы стелють головами, молотятъ чепи харалужными, на тоце животъ кладутъ, веютъ душу от тела. Немизе кровави брезе не бологомъ бяхуть посеяни, посеяни костьми Рускихъ сыновъ. Всеславъ князь людемъ судяще, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше, изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хрьсови влъкомъ путь прерыскаше. Тому въ Полотске позвониша заутренюю рано у святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Кыеве звонъ слыша. Аще и веща душа въ дрьзе теле, нъ часто беды страдаше».

О Всеславе Чародее «Повесть временных лет» еще сообщает: «В се же лето (1044) умре Брячиславъ, сынъ

Изяславль, внукъ Володимерь, отецъ Всеславль, и Всеславъ, сын его, седе на столе его, его же роди мати от вълхованья. Матери бо родивши его бысть ему язвено на главе его, рекоша бо волсви матери его: «Се язвено навяжи на нь, да носить е до живота своего», еже носить Всеславъ и до сего дне на собе; сего ради немилостивъ есть на кровьпролитье».

Запомниться надо было князю Всеславу, даже больше того — въесться в печенки Киеву, чтобы летописец так подробно расписал его рождение. А может, он действительно в сорочке родился? Автор же «Слова о полку Игореве» был просто убежден, что Всеслав — волколак (волкодлак). Да и то сказать — пятьдесят семь лет княжил, «заложи» святую Софию, не раз и не два завоевывал Новгород, отметился в Киеве и даже «дорискаше» до Тьмутаракани. Оборотень. Чародей. Одна из самых колоритных фигур Древней Руси.

Но умер Всеслав — этот факт не без облегчения отметил летописец («преставися Всеславъ, полоцкий князь, месяца априля въ 14 день, въ 9 часъ дне, въ среду») — и сыновья его, Рогволод с Борисом, уже не могли остановить раздробленности княжества, оно разделилось на уделы. В 1127 году киевский князь Мстислав Владимирович захватил Полоцк с его князьями — и выслал их в Византию, факт тоже неординарный для Киевской Руси. Убийств — сколько хочешь, лжецелований креста — тоже; рожали детей от убийц отца и растили их, ненавидя, ослепляли и ослепляемы были, убегали к ляхам, наводили на родную землю ворогов, — а вот в Византию князей высылали только однажды и только князей полоцких.

После смерти князя Всеслава Васильковича полоцкие люди князей больше не захотели и образовали республику — с 1181 по 1190 год. До XIII века свою независимую жизнь они, правда, не дотянули, выбрали сначала

князя Мингайлу, за ним Гингвилу (Юрия). Позже князь Борис сыну Васильке отдал Кукейносские земли, Вячеславу (Вячке) — Юрьев, теперешний Тарту.

Последним из дома Изяславичей был Брячислав.

Тринадцатое же столетие началось с бешеного наступления крестоносцев, дружины князя Владимира ходили на немецких рыцарей в 1203, 1206 и 1216 годах. На западнорусских землях начинался процесс активной консолидации с языческой Литвой. И дело тут совсем не в завоевании одних другими. Литовским князьям нужны были богатые, экономически и политически сильные русские города. Те же, в свою очередь, не против были пригласить на стол воинственных князей-соседей, а вместе с этим закрепить и претензии на их земли. Надо не забывать о том, что в зависимости от ситуации князья-«варяги» легко меняли вероисповедание, языческое или христианское, равно православие с католицизмом. Где лучше, туда и клонились.

Далеко же на востоке, в заитильских степях, уже вызрела огромная, до сих пор еще невиданная грозовая туча, которая вот-вот с грохотом и огнем обрушится на Русь — и запылает земля, заплачет...

Да, были уже Аттила с ордами гуннов, Германарих с войсками готов — что ни говорите, первое немецкое нападение! — однако с татаро-монгольским нашествием ничто сравниться не может. До сороковых годов XIII века Киевская Русь, поделенная на множество княжеств, у каждого из которых свои амбиции, свои устремления, своя в общем-то политическая ориентация, тем не менее была сильной восточноевропейской державой, одной из сильнейших на тот момент. Чтобы подсечь ее и покорить, нужна была громадная сила, такая, которая рождается раз в тысячи лет. И сила вызрела, не за год, не за два, за несколько десятилетий, в которые неутомимо и неуклонно отлаживалась идеальная военная

машина. Абсолютная власть военачальника, абсолютное послушание подчиненных. Маневр стремительного отряда кочевников, с которым пока что не встречались, а значит — и не знали, как ему противостоять. Жестокость дисциплины, жестокость боя, жестокость наказания. Расчет, настоянный на фанатизме. Замечательный воинский опыт, приобретенный в азиатских походах. Армии, подобные татаро-монгольской, появляются на исторической арене необычайно редко, можно вспомнить разве что фаланги Александра Македонского, легионы Юлия Цезаря — и тумены Чингисхана и Батыя. Закованная в броню «свинья» крестоносцев раскололась под ударом «безбожных моовитян» (так в летописи), как пустой орех. А надо сказать, что кривая сабля узкоглазого нукера высекла искру о меч-двуручник страхолюдного рыцаря в тот момент, когда стрела татарского нашествия была уже на излете. И тем не менее, пробив насквозь грудь русского война, она разбила и рогатый шлем европейского рыцарства. Русский же воин поднялся на ноги и опять вынул меч из ножен только через два столетия.

Видно, с татаро-монгольского нашествия и начался последний раздел славянства, на этот раз — раздел восточнославянского единства. Несколькими веками ранее отделились западные и южные славяне, теперь пошла в отростки самая крупная ветвь славянского древа — восточная.

Черная тень накрыла почти всю Киевскую Русь, в руинах и пепле лежал сам Киев, между уцелевшими городами сновали отряды завоевателей, собирали ясак. Новгородских, полоцких, турово-пинских и частично галицко-волынских земель нашествие не достигло, но тем не менее оно коренным образом повлияло на их судьбу. Именно на середину XIII века и приходится перемещение организующего центра земель будущей Беларуси. На

историческую арену выходило Великое княжество Литовское, которое, по существу, тоже было славянским государством.

Под 1228 годом Ипатьевская летопись вместе с независимыми городами Туровом и Пинском назвала Новогородок. До татаро-монгольского нашествия город был под властью галицко-волынских князей, с 1246 года, когда местной шляхтой в князья был взят Миндовг, Новогородок предстал уже в роли главного центра дреговичско-кривичских земель. В это время для Новогородка сложилась исключительно благоприятная политико-экономическая ситуация. С юга от татаро-монгольской грозы, с запада от натиска крестоносцев сюда начали стекаться многочисленные беженцы — мастера, воины, земледельцы. Город с хорошо развитым земледелием, с хорошо налаженным производством металлических и стеклянных изделий, с посадами ювелиров, гончаров, кожевенников и косторезов, Новогородок возвысился над соседними городами, тоже богатыми. В числе их летописи называют Слоним, Волковыск, Гродно, Здитов, Зэльву, Свислочь и другие. О невероятной роскоши городской верхушки говорит дом новогородского боярина, раскопанный Ф. Гуревич. Майолика, изразцы, мозаичные фрески, золотые и серебряные украшения, стеклянные кубки с Востока и из Венеции, даже стекло в окнах — а этого почти не было и в Киеве. Без хорошо развитых ремесел и большой торговли ничего подобного появиться не могло. А замок, руины которого впечатляют даже теперь?.. Строительство его началось в XI столетье, а в тринадцатом на Замковой горе стояли уже могучие мурованные башни-вежи из огромных обтесанных камней, которые во множестве лежали на окружающих гору полях. В XIII—XIV веках захватить этот замок никому не удавалось, ни разу. А кто под ним топтался? В 1274 году волынские и татарские войска, в 1314 году

магистр Тевтонского ордена Генрих фон Плоцке, в 1391 и 1394 годах магистр Конрад Валленрод. В начале XVI века замок выдержал осады загонов перекопских татар во главе с султаном Бити-Гиреем. И только войска князя Трубецкого во время русско-польской войны 1654—1663 годов смогли разрушить его (пушками), а сам город уничтожить.

Собственно, замки Белоруссии — это отдельный большой разговор. Еще и сейчас мы дивимся на Каменецкую вежу-донжон, на остатки Новогрудского, Гродненского, Лидского и Кревского замков, на замок-игрушку в Мире и замок-дворец в Несвиже. За каждым из них столько событий и человеческих судеб — на десятки книг хватит.

Но вернемся к XIII веку. Удельные князья Черной Руси — к этому названию мы еще вернемся — тесно сплотились вокруг Новогородка, сильного, богатого, независимого. Кстати, историк М. Ермолович высказал мысль, что династия новогородских князей, возможно, была из рода полоцких (это, конечно, до прихода Миндовга). Таким образом, мы уже знаем, что Новогородок удачно использовал ослабление после татаро-монгольского нашествия Галицко-Волынского княжества, бывшей метрополии, и такое же ослабление, но по другой причине, Полоцка. Полоцкая шляхта не смогла создать сильную государственную организацию, которая успешно сменила бы княжескую власть. В результате своя собственная княжеская династия погибла, а вече пугало излишней демократичностью. Полоцк вынужден был пригласить на княжение литовских князей, как, собственно, и Новогородок, но приобретения от таких «браков» оказались очень разными.

«Повесть временных лет» заканчивается 6618 (1110) годом, когда по весне ходили на половцев Святополк, Владимир и Давыд. Написана же была она немного

позднее. «Игуменъ Силивестръ святаго Михаила написах книгы си Летописець, надеяся от бога милость прияти, при князи Володимере, княжащю ему Кыеве, а мне в то время игумнящю у святаго Михаила въ 6624, индикта 9 лета. А иже чтеть книгы сия, то буди ми въ молитвахъ».

Было это, значит, в 1116 году по новому летосчислению.

Нас теперь будут интересовать другие летописи, в частности — Галицко-Волынская летопись, которая дошла до нас в составе Ипатьевской (XIII в.), Хроника литовская и жмойтская, Хроника Быховца, Баркулабовская летопись, летопись Аверки и Панцирного и белорусско-литовские летописи: Никифоровская, Супрасльская, Слуцкая, Виленская и другие.

Галицко-Волынская летопись охватывает целое столетие в момент наивысшего расцвета Галицко-Волынского княжества, естественно, что она рассказывает, прежде всего, о великом князе Данииле Галицком, его брате Васильке, сыновьях и внуках. Однако вот что показательно: если на первых страницах летописи Литва и Новогородок присутствуют эпизодически, то на последних они становятся едва ли не главными действующими лицами. Центр политической и экономической жизни постепенно перемещается с Красной Руси на Черную. Уже в середине XIII века татарские орды гуляли по галицко-волынским землям, как по своим собственным. После Киева были разрушены Галич, Владимир, Каменец, Изяславль и многие другие города, сам Данила-князь прятался сначала в земле угров, затем в Вышегороде, что в земле ляшской. Погибла Русская земля, плач и стон стояли на всех огромных ее пространствах.

Черная же Русь уцелела. Что ее спасло? Есть несколько соображений. После покорения центральнорусских земель монголо-татары устремились к богатым

задунайским городам. Понеся большие потери в живой силе, они вынуждены были выбирать направление главного удара — и отказаться от ударов превентивных. Как и у каждого завоевателя, «идеей фикс» Батыя было завоевание мира, уничтожение самых богатых и самых величественных городов. А они лежали на западе. Таким образом, монголо-татарское нашествие зацепило только краешек белорусских земель, из крупных городов сожжен был лишь Берестье, это отмечается во всех летописях. Остальные же (Новогородок, Городень, Волковыск и другие) ошибочно отнесены к «сплюндрованым» Батыгой, как это мы находим в Хронике литовской и жмойтской. Историк Н. Улащик в своем «Введении в изучение белорусско-литовского летописания» говорит, что татары совместно с галицко-волынскими войсками вряд ли доходили до Нальщанской земли и никогда не доходили до собственно Литвы. Что касается Новогородка, то он в XIII веке был самым сильным, самым главным экономическим и культурным центром как Западной Белоруссии, так и Литвы с Жемайтией. Именно вокруг него создалось крупное государство — Великое княжество Литовское, Жмойтское и Русское Новогородское. Безусловно, на Новогородок, как на столицу, были направлены удары татарских и галицко-волынских войск. Однако данных, что город был ими захвачен, нет. Наоборот, в белорусско-литовских летописях неудачные походы татар и волынян подаются исключительно как большие победы русских и литовских князей. Как говорится, дыма без огня не бывает. Да и на самом деле русские, пусть себе и с литовцами, били тех татар, не в Киеве, так под Койдановом, не в Галиче, так под Давыд-Городком.

Первое, что бросается в глаза при знакомстве с белорусско-литовскими летописями, это большая путаница в так называемой легендарной части. Галицко-Волын-

ская летопись в этом смысле более точна. Под 1215 годом в ней рассказывается о первом замирении галицких и литовских князей: «Въ лето 6723. Божиимъ повелениемъ прислаша князи Литовьскии к великой княгини Романове и Даниловы и Василкови, мир дающе. Быху же имена литовьскихь князей се: старейшей Живинъбудъ, Давъятъ, Довъспрункъ, брат его Мидогъ, братъ Довъяловъ Виликаилъ. А жемотьскыи князи: Ерьдивилъ, Выкынтъ, а Рушьковичевъ — Кинтибутъ, Вонибут, Бутовить, Вижеикь, и сынъ его Вишлий, Китений, Пликосова, а се Булевичи — Вишимут его же уби Миндого ть, и жену его поялъ, и братью его побилъ, Едивила, Спрудеика. А се князи из Дяволтвы; Юдьки, Пукеикь, Бикши, Ликиикь. Си же все миръ даша князю Данилови и Василку, и бе земля покойна».

Что касается неточностей, то, во-первых, в белорусско-литовских летописях перепутаны имена некоторых князей, по одним летописям Новогородок основал Ердивил, по другим — Скирмонт. Во-вторых, очень приблизительны географические представления летописцев. В-третьих, весьма противоречива генеалогия литовских князей, особенно она разнится при сопоставлении с Ипатьевской летописью. О датировке же событий я скажу позже.

Кстати, во всех летописях мне очень нравятся записи вроде этой: «Въ лето 6726. Тишина бысть». Или: «Въ лето 6728. Не бысть ничто же». Эти «ничтожные» годы были, конечно, лучшими годами. Да, на войны в 1218 и 1220 годах не везло, Лев не убивал Войшалка, однако как раз в эти годы строились города, возносились над ними замковые вежи, надувались паруса-ветрази на лодиях купцов — и опадали на оживленных, говорливых пристанях. Видно, и урожаи в эти годы были добрые. А как же? Не тянули через крестьянские поля войска, не гоняли по пущам отряды заготовителей. Большая война тре-

бовала больших заготовок мяса и хлеба. Про заготовки накануне Грюнвальда я уже говорил, и если Грюнвальд — это все же Грюнвальд, подобной битве можно принести любые жертвы, то что говорить про наезды, когда сосед шел на соседа? А ведь тоже тащили за собой возы с хлебом, с копченым и вяленым мясом, с горилкой.

И хату человек себе ставил чаще всего в год, когда «не было ничего».

Но вернемся к феномену Новогородка и литовских князей на его столе. Действительно, судя по летописям, Новогородок и новогородокская земля очень быстро поднялись до положения центрального ядра большого и сильного государства. Галицко-Волынская летопись более-менее подробно рассказала об отделении Новогородка от Красной Руси. Возможно, тогда же, в первой половине XIII века, и возникли эти названия — Черная и Красная (Червоная) Русь. Так вот, зависимость Новогородка от Галича и Владимира Волынского уже тогда представлялась формальной. И вообще, Новогородок с момента своего основания, это значит с XI века, стоял как бы «на отделе». В составе Полоцкого княжества он почти не зафиксирован. Полоцкие летописи, которые погибли, сумели бы рассеять пелену, что закрывает те времена от наших глаз. Теперь же мы вынуждены удовлетвориться только сведениями о том, что Борисоглебская церковь XII века в Новогородке имеет отличительные черты школы полоцкого зодчества. Находясь как бы в стороне от бурной политической жизни самого Полоцка, Новогородок копил, собирал силы. Возводились вежи и стены знаменитого Новогородского замка. Строились полоцкими мастерами церкви. Разрастались посады ремесленников — гончаров, ювелиров, стеклодувов, кожевенников. Через дубовые леса по здешним холмам тянулись шляхи купцов — на восток, на юг, на запад.

Отчего мне кажется, что Новогородок был относительно независимым и от Полоцка, и от короля Данилы с сыновьями? Географическое положение. Летописи говорят, что вокруг Новогородокской земли были великие пущи, в которых сидели воинственные племена литовцев и ятвягов. На западе же ляхи. В 1246 году Данила и Василько воевали с литовцами, в 1247-м — с ятвягами, отбивались от них, гнали назад в леса — и доходили только до Пинской земли. Кажется, что как раз между Пинском и Новогородком сидели те заклятые враги Данилы, язычники в звериных шкурах — литовцы и ятвяги. Новогородок признавал власть короля Данилы Галицкого — как и раньше Полоцка, — однако чувствовалось, что это ненадолго. Нелегко было дойти до Новогородка, даже и хорошо оснащенному войску, а там уже стоял высокий замок, на горе. Новогородок как бы наблюдал, следил за событиями в Красной Руси, за Полоцком, которого тогда больше всего беспокоило соседство с могучим Новгородом.

Ситуация резко обострилась, когда на Новогородокский стол сел Миндовг. М. Ермолович считает, что новогородокская шляхта позвала на стол Миндовга именно тогда, когда Новогородок уже почувствовал свою мощь. Выделение из Галицко-Волынского княжества, и не просто выделение — собирание соседних земель под сильной рукой, вот что руководило ее помыслами. А земли собирались не только русские — литовские, нальщанские, ятвяжские тоже. Литовский князь потому и был призван возглавить Черную Русь, чтобы в дальнейшем та могла претендовать на владение всеми литовскими землями.

В 1246 году Миндовг принял христианство «от востока» — и начал завоевание Литвы. Вот что говорит Галицко-Волынская летопись: «Въ то же лето (1252 г.) изгна Миндогь сыновца своего Тевтевила и Едивида,

послaвшю ему на войну со вуемь своим на войну со Выконтомъ, на Руеь воевать ко Смоленьку. И рече: «Што хто приемлеть, собе держить». Вражбою бо за ворожьство с ними литву зая, поимана бе вся земля Литовьская и бещисленое имение их, притрано бе богатьство ихь. И посла на не вои свое, хотя убити и я. Онема же уведавшима, и бежаста ко князю Данилу и Василкови, и приехаша во Владимеръ. Миндогови же приславшю слы своя, река: «Не чини има милости». Не послушавъшима има Данилови и Василкови, зане сестра бе ею за Даниломъ».

Конечно, галицко-волынские князья не были заинтересованы в усилении Новогородка, на борьбу с ним Данила призывал сначала поляков, затем немцев и татар. «Потом же Данило сгада с братомъ си и посла в ляхы ко княземь лядьскъмь, река, яко: «Время есть христьяномь на поганее, яко сами имеють рать межи собою». Ляхове же обещашася, нъ не исполниша. Данилу же и Василку послaвшима Выкынъта во ятвязе и во жемойте ко немцемь в Ригу, и Викынтъ же убеди я серебромъ и дарми многими ятвязе и поле жимойти. Немцем же отвещавшимъ Данилу, яко: «Тебе деля миръ створимъ со Выкынтомь, зане братью нашу многу погуби». Обещаша же ся немци братья ити на помощь Тевтивулу. Данило же и Василко поидоста к Новугороду. Данилъ же и Василко, братъ его, розгадавъ со сыномъ, брата си посла на Волковыескъ, а сына на Услонимъ, а самъ иде ко Здитову. И поимаша грады многы и звратишася в домы».

Вокруг Черной Руси образовалось довольно крепкое кольцо, разорвать которое было непросто. Миндовг даже согласился принять христианство от папы римского Иннокентия, тот ему и королевскую корону прислал, — как, впрочем, и Даниле Галицкому. «Миндогь же посла к папе и прия крещение, крещение же его льстиво бысть, жряше богомъ своимъ в тайне: первому Нънадее-

ви, и Телявели, и Диверикьзу заеячему богу, и Меидеину, — егда выехаше на поле, и выбегняше заяць на поле, в лесъ рощения не вохожаху вону и не смеяше ни розгы уломити. И богомь своим жряше, и мертвых телеса сожигаше, и поганьство свое яве творяше».

И все же галицко-волынские князья в тот момент были еще сильнее. Трижды ходил Данила на Миндовга — с братом Василькой, с сыном Львом, со сватом — половецким князем Тягаком. Война 1248—1254 годов закончилась соглашением, по условиям которого Миндовг остался князем собственно Литвы, Новогородок же взял в князья его старшего сына Войшалка (в Хронике литовской и жмойтскстй — Войселка).

Именно Войшалк, по убеждению М. Ермоловича, соединил Новогородок и Литву в единое государство.

А что же Миндовг? Безусловно, это была сильная политическая фигура, одна из сильнейших в те времена. Однако Миндовгу недоставало политического расчета, выдержки и последовательности. Свои права на Новогородокский стол он потерял уже в 1251 году, когда принял крещение от папы римского. Что ни говори, а Черная Русь была Русью. Православной землей, на которой тогда еще не стояли костелы. Миндовг в душе мог оставаться язычником, мог бояться заячьего бога Диверикса, однако заигрывания с Римом — это уже дипломатический и политический ход, на тот момент он представлялся сильным, а на самом деле оказался слабым. Вот Войшалк доказал новогородокской шляхте, что он настоящий христианин, православный. Три года жил в монастыре, хотел сходить на Афон, чтобы там окрестить Литву, основал большой монастырь под Новогородком. А самое главное — он удачно замирился с Данилой и его сыновьями. Без согласия Миндовга отдал его дочку, а свою сестру, за сына Данилы Галицкого Шварна. Добровольно признал свое подчинение столу Галицко-

Волынскому, князем новогородокским в то время стал другой Данилов сын — Роман. И только в 1258 году увиделись настоящие планы Войшалка, когда он вернулся из Полонинского монастыря в Литву и схватил Романа. Умело лавируя, он не допустил нападения на Новогородок ни самого Данилы, ни татарского хана Бурундая. В тот момент престолонаследниками Литвы, кроме самого Войшалка и Миндовга, оставались Товтивил, что княжил в Полоцке, жмойтскнй князь Транята и нальщанский князь Довмонт. Довмонт убил Миндовга с двумя его сыновьями. Транята убил Товтивила. Самому же Траняте отомстили бывшие конюхи Миндовга — убили его. Войшалк остался единственным претендентом на стол Новогородокский, Литовский и Жмойтский. Создание Великого княжества Новогородокского и Литовского (а в Хронике: Литовского, Жмойтского, Новогородокского, Полоцкого и Курляндского) произошло.

Хроника литовская и жмойтская говорит: «...панове, в которых належал порадок и заховане[1] речи посполитой... загасивши межи собою неснаски[2] все, назначивши час, зъехалися до Тарнова и радили о выбраню пана и князя собе. А так радили Войселка чернца сына Мендогова, котрый на той час мешкал[3] в Пинску в монастыру, поднести на панство, а иные многих инших хотели, а полочане, новгорожане, городняне, подляшане и мозыране згожалися[4] едностайными[5] голосами, на котрогоколвек[6] з сынов Данила короля руского, люб Лва, любо теж Романа на панство просити Литовское, иншие тежь на Свар-на... Литовские знову все панове на тое и слова не дали мовити[7], боронячи в том и перестерегаючи волности своей и всего народу своего литовского, мовили, же лепше[8] Войселка, сына Мендогова, яко власного[9] дедича з монастыря Пинского на князство взяти, а если бы не хотел, то и гвалтом взят его, и на Великое князство Литовское отчизное поднести. А так зараз панове литов-

ские выправили до Войселка послов зацных[10] и великих панов, именем всего посполства и панов, просячи его на отчизное, власне ему належачое панство... И так великими прозбами от подданых будучи змякчоным, выехал з монастыря Пинского до Новгородка, а потом з новгорожаны в княжом почте[11] до Кернова, где его вси панове, бояре и все посполство з великим веселем и радостию, «ладо», «ладо», взываючи, вдячне[12] его приняли, и на столицы Великого князства Литовского, Жомойтского, Новгородского, Полоцкого и Курляндского посадили звыклыми[13] церемониями, и з мечем, в шате[14] и шапце княжой, поднесли веншуючи и зычачи[15] ему щасливаго панованя в долгие веки».

И дальше: «А так Войселок, одержавши грунтовне[16] панство отчизное, трвал[17] набожне в законе чернцем, бо завше[18] на княжих сукнях светлодорогих, на голове зверху клобук чорный носил. Еднак же на початку панованя своего много панов литовских, жомойтских и ятвязских помордовал[19], мстичися смерти отца своего Мендога, другие зась, як пред Неронам утекали, а он имения их своим роздавал двораном, и тым презследованем неприятелей внутрных и лупезством подданых, великие скарбы[20] зобрал, которым скарбом войска затягаючи, противко Лву Даниловичу, кролевичу рускому, княжати володимерскому о границы литовские воевал и поражал его. З Сварном, князем друцким, сестренцем Даниловым, великую мел приязнь, и сполною[21] войсковою силою Полшу наежджали и велми плюндровали»*.

---

* 1 — сохранение; 2 — несогласия, 3 — жил; 4 — соглашались; 5 — едиными; 6 — какого-нибудь; 7 — сказать; 8 — что лучше; 9 — собственного; 10 — благородных; 11 — отряде; 12 — благодарно; 13 — привычными; 14 — одежде; 15 — желая; 16 — основательно; 17 — держался; 18 — всегда; 19 — поубивал; 20 — богатства; 21 — совместною.

А вот что записано о тех же событиях в Галицко-Волынской летописи: «По Миндовгове же убитьи Воишелкъ убоявъся того же и бежа до Пиньска, и ту живяшеть, а Тренята нача княжити во всей земле Литовьской и в Жемоти. И посла по брата своего, по Товтивила, до Полотьска, река тако: «Брате, приеди семо, розделиве землю и добытокъ Миндовъговъ». Оному же приехавъшу к нему, и поча думати Товтивилъ, хотя убити Треняту, а Тренята собе думашеть на Товтивила пакъ. И пронесе думу Товтивилову бояринъ его Прокопий Полочанинъ. Тренята же попередивъ и убивъ Товтивила, и нача княжити одинъ. Посем же начаша думати конюси Миндовгови, 4 паробци, како бы лзе имъ убити Тренята. Оному же идущу до мовнича мыться, они же усмотревше собе веремя такова, убиша Треняту. И тако бысть конець убитья Тренятина.

Се же услышавъ Воишелкъ, поиде с пиняны к Новугороду, и оттоле поя со собою новгородце, и поиде в Литву княжить. Литва же вся прияша и с радостью, своего господичича.

Въ лето 6772 (1264). Воишелкь же нача княжити во всей земли Литовьской, и поча вороги свое избивати, изби ихъ бещисленое множество, а друзии разбегошася, камо кто видя...»

Может удивить, что две летописи написаны как бы разными языками. Но ничего странного нет. Во-первых, написаны они в разное время: Галицко-Волынская — в XIII веке, оригиналы белорусско-литовских летописей — в XIV—XV веках. Во-вторых, Галицко-Волынская летопись дошла до нас в списке Ипатьевской летописи XV века, а, например, Хроника литовская и жмойтская — в четырех списках, составленных в 30—50-е годы XVIII века. Собственно, если бы это был один язык, то вряд ли он изменился бы за пару сотен лет. Свои основные особенности язык сохраняет тысячелетиями. Да, белорус-

ско-литовские летописи написаны «русским» языком, но этот «русский» уже далеко отошел от древнерусского. Скорее всего, в Хронике мы имеем дело с белорусским языком.

Но разговор об этом более подробно пойдет дальше, сейчас же я хочу сказать следующее. Еще польский хронист Матвей Стрыйковский, автор XVI века, отметил — все использованные им литовские хроники написаны на русском языке, но с добавлением литовского акцента. Исследователь XIX века И. Данилович тоже утверждал: «Все литовские летописцы написаны по-русски, которые Литва в древности употребляла как хроники». И далее: литовцы хоть и подчинили себе русские области, но тем не менее они приняли «язык русский за язык двора, науки, судопроизводства, права, дипломатии, и только с его помощью понимали друг друга и писали летописи». Он же высказал мысль о том, что существовало русско-литовское наречие, или «литовский диалект», которым русские (из Московской Руси) никогда не писали. Основываясь на этих и многих других сведениях, Н. Улащик в своем «Введении в изучение белорусско-литовского летописания» считает, что Данилович здесь имеет в виду белорусский язык — государственный язык Великого княжества Литовского.

Вернемся опять к Новогородку, Новгородку, Новогрудку — в последнем названии многие исследователи небезосновательно видят влияние польской языковой стихии — и удивляются, что она закрепилась в современном белорусском языке. Каким же город впервые предстает в наших летописях, этот главный город Черной Руси? И отчего так стремительно возросло его могущество? Еще в 1240 году литовские князья нашли его разрушенным «через Батыя» (исторические источники такого факта не знают), а уже в семидесятые годы этого же века Войшалку Новогородокскому подчинялись все

Белорусское Полесье, Подляшье, часть Украины, Литва и Жемайтия.

Хроника Литовская и Жмойтская: «Року 1258. Потом лепше ся той Монтвил поправил знаючи, же сторона Руская есть спустошеная, а княжата руские от Батия розгнаны, собравшися з Живинбудом Доспронговичем, жмонтским князем, а литвою своею, также с курляндов албо корсов, над которым войском гетманом преложил сына своего старшого Ердивила, або Радивила. И так Радивил ушиковал[1] войско литовское, жмотское, корсовское порядне[2], поднесл тежь корогви[3] военныи, а трубачов з долгими жмойтскими деревяными трубами, особно[4] тежь обоз с колес скрипячих поставил на стороне без зброи[5] и панцеров (бо еще они того не знали), тылко зубровые, лосие, медвежии, вовчии невыправные скуры носили, а оружие — лук простый з дубины або лещины загненый, супороток, каменя торба на плечах певная[6] для киданя з супоротка, рогатина, кий засмалованый з конца, шабля ледво[7] у гетмана была, мунштук з лык на коня, а на нем самом на войне место лямпарта[8] рогожа на плечах, лыка и постронки за поясом для вязаня неволника. Гды юже пришли над Вилию реку, зараз з колод великих поробили плиты, на которых колеса и вси свои военныи риштунки[9] поклавши, перевезлися и, сами в справных полках на рускую сторону перебывши, ушиковалися. Сам Ердивил з валным[10] полком ишо позаде всего обозу, а гетманов двух на чоло[11] з войском послал, а третьего гетмана послал з литвою в загоны. А гды перешли Немен, нашли в чтырох милях гору красную вынеслую, на которой первей был замок столечный Новъгородок княжати руского, през Батия збуреный[12]. Там зараз Радивил збудовал замок и осел без розляня крови (бо не было кому боронити), опановал великую часть Руской земли и почал писатися великим князем новгородским».

Летопись Красинского: «А в тот час доведался князь великии Монтвил жомоитскии, иж Руская земля спустела и князи рускии розогнаны, и он, давши воиско сыну своему Скирмонту, и послал с ним панов своих радных, напервеи с Колюмнов[13] именем Кгрумпа. а другого со Врсином[14] именем Екшис, а третего з Рож[15] именем Кгровъжис. И зашли за реку Велю, и потом перешли реку Немон и нашли в четырех милях от реки Немна гору красную, и сподобалася[16] им, и вчинили на неи город и назвали его Новъгородок. И вчинил собе князь великии в нем столець, и назвался князем великим новъгородским».

Летопись Рачинского: «И часу панованья Монтвилова повстал цар Батыи и пошол на Рускую землю, и всю Рускую землю звоевал, и князеи руских постинал, а иншых у полон повел, и столец всее Руское земли город Киев зъжог и пуст учынил. А князь великии киевскии Дмитр, боечыся великое силы и моцы его, збег с Киева до города Чернигова, и потом доведалъся, што город Киев сожжон и вся земля Руская спустошона. И слышал, иж мужыки мешъкають без господара[17] а зовутся дручане. И он, собравшыся з людми своими, и пошол ко Друцку, и землю Друцкую посел, и город Друческ зарубил, и назвался великим князем друцким. И в тот час доведался великии князь Монтвил жомоитскии, иж Руская земля спустошона и князи руские розогнаны, и он, давшы воиско сыну своему Еръдивилу, и послал з ним панов своих радъных, напервеи с Колюмнов Трумъпя, а другого з Уръсинов именем Эикъшыса, а третего з Рож именем Кгровжыса. И зашли за реку Велю, и потом перешли реку Немон и нашли в чотырох милях от реки Немна гору красну, и сподобалося им, и вчынили на неи город и назвали его Новгородок. И вчынил собе князь великии в нем столец, и назвался великим князем новгородским. И пошедшы з Новагородка и зарубил город

Городно, и потом пошол до Берестья и нашол Берестеи и Дорогичын, и Мельник от Батыя спустошоны и покажены, и он тые городы зарубил и почал на их княжыти. А потом умер князь великий Монтвил жомоитскии»*.

Несмотря на некоторую путаницу в именах, из этих записей видно, что исторический источник у них один — Ердивил или Радивил зашел за Неман, нашел там «гору красну» и зарубил на ней Новгородок или Новогородок. Но не надо забывать, что это только так называемая «легендарная» часть летописей, которая, по мнению Н. Улашика, оформилась в XVI веке династией Гаштольдов. Тогдашние наместники и воеводы Новогородка были заинтересованы именно в такой легенде. Мы не знаем тех летописей, из которых переписывалась история о переселении пятисот семейств римской шляхты во главе с Палемоном в Литву. Вероятно, эта легенда, как и сообщение, что Скирмонт или Ердивил-Радивил находили за Неманом сожженный Батыем Новогородок, придумана. Более-менее достоверным является лишь то, что проверяется другими письменными источниками и археологическими раскопками.

Археология же свидетельствует, что Новогородокская земля была густо заселена еще в X веке, сам город возник в конце X века, и уже тогда он был обнесен валом. Во второй половине XI века это уже крупный ремесленный город с мощными оборонительными сооружениями, во второй же половине XIII века в замке встала первая вежа-каменица (М. Ткачев).

Сопоставляя все вышесказанное, мы можем согласиться с выводами М. Ермоловича: Новогородок приоб-

---

* 1 — снарядил; 2 — порядком; 3 — хоругви; 4 — отдельно; 5 — оружия; 6 — определенная; 7 — едва; 8 — леопарда; 9 — принадлежности; 10 — сборным; 11 — во главе; 12 — разрушенный; 13 — с гербом Колонны; 14 — гербом Медведь; 15 — гербом Роз; 16 — понравилось; 17 — хозяина.

рел экономическую и политическую силу прежде всего благодаря выгодному в тот момент географическому положению, а во-вторых — из-за прихода на его стол воинственных литовских князей.

И все же что-то в этих рассуждениях останавливает, настораживает, что-то заставляет еще и еще раз обращаться к летописям, что-то вызывает несогласие. Конечно, человеку хочется полного знания, а придет ли оно, когда заглядываешь во времена легендарные? Действительно, отчего именно Черная Русь взяла на себя миссию по объединению западнорусских земель вместе с литовскими и жмойтскими в единую державу? Отчего не Червоная Русь? Не собственно Литва? Не тот же Полоцк, в конце концов? Да, Полоцк утратил свое экономическое и политическое значение, утратил собственную княжескую династию, позвал на стол литовских князей. Но ведь он все равно оставался Полоцком, городом, через который вели торговые шляхи из варяг в греки, и колокольный звон с его Софии был хорошо слышен во всей Русской земле. Так почему же Полоцк пал, а Новогородок вознесся?

Кстати, я не однажды упоминал о выгодном географическом положении Новогородка, а этот вопрос требует уточнения. Действительно, географическое положение Новогородка скорее всего можно назвать специфическим. Тот же Полоцк стоит куда более выгодно, чем Новогородок. Почти все крупные средневековые города стоят на больших реках. Это и самые лучшие торговые пути, и удобные дипломатические отношения с миром. Река течет в южное или в северное моря, а там открываются куда большие просторы, чем в полях и лесах. Так вот, Новогородок стоял не на реке, а на горе. До Немана от него около двадцати километров, четыре средневековые мили. Хорошо это или плохо? Вероятно, именно в середине XIII века это оказалось очень удобно —

гора в стороне от реки. Город вместе с мощным замком возвышался настолько неподступно, что враги редко к нему подходили. А подойдя — вскоре отступали. Замковая гора пугала. Где-то высоко вырисовывались зубчатые вежи, за стенами не было видно широкого детинца. Глубокий ров с водой. Бряцанье цепей подъемного моста. Горячее дыхание кузен и гончарен ремесленных кварталов. Новогородокская шляхта сумела собрать большие богатства, археологи и историки до сих пор не перестают удивляться роскоши раскопанных домов. Богатство же отличается той особенностью, что неизменно трансформируется во власть. Где золото, там и власть, так было во все времена.

Город-замок, подвалы которого были заполнены заморскими кубками, золотом, мехами и драгоценными каменьями, манил к себе. Шляхты, торгового люда, ремесленников и земледельцев все прибывало. С 1240 по 1270 год, как отмечал Н. Улащик, Новогородокское княжество очень расширилось и занимало территорию от Вилии до Могильно, оттуда до Чернигова, Стародуба и Карачева, там же Мозырь, Туров, Пинск, все Подляшье с городами Берестье, Дорогичин, Бельск, Мельник, на востоке Брянск и Сураж, на западе Городня. Рынгольт был последним князем независимого Новогородокского княжества. Далее же, во времена Миндовга, началось образование Великого княжества Литовского, при князе Войшалке оно завершилось.

Как говорит предание, только князь Наримонт, старший сын Рамунта, перенес столицу из Новогородка в Кернаву. Но это будет позже.

Червоная или Красная Русь. Она тоже могла стать консолидирующим центром, могла собрать под своей рукой все соседние земли. Даже, думается, для этого у нее было больше возможностей. Смотрите сами. Данила Галицкий был великим князем достаточно сильной дер-

жавы. Василий Татищев в своем «Лексиконе Российском историческом, географическом, политическом и гражданском» писал: «Великий князь, в России титул государей от Рюрика до царя Иоанна I, который во всей России до отделения Белой Руссии был единственно киевскому даван, а тогда стало быть два великия князи, протчие же все были местные и удельные князи, и сей титул так высоко содержали, хотя греческие императоры в грамотах титул базилеус писали, однако сами, предпочитая древней, онаго королевскаго принять никогда не хотели, токмо един галицкий князь Роман, по нем Мстислав тот королевский титул приняли. И сему многие иностранные последуя, титул великих князей приняли, первое литовский в XIII ст., по нем финлянский, австрийский и напоследок тосканский. Однако ж все они были или суть подвластные другим государем. У нас же от великого князя Иоанна III, которой начался писаться император или повелитель всея Руссии, сей титул дается наследником, как оный Иоанн Великий перво большаго сына, а потом внука нарекши великим князем, при себе точно по чину греческих императоров короновал, которое в его гистории обстоятельно описано».

Значит, князь Данила Романович, который, кстати, получил еще и корону от папы римского, был одним из самых могущественнейших русских князей, Галицко-Волынская Русь имела дипломатические сношения со многими западноевропейскими странами, И не только сношения — она влияла на общую политическую ситуацию в Центральной Европе. «Король же угорьскый возведе искаше помощи, хотяше прияти землю немецкую. И посла к Данилови, рекый: «Пошли ми сына Романа, да вдамъ за нь сестру герцикову, и вдамъ ему землю Немецкую». И еха во немце с Романом, и да сестру герцюкову за Романа, и створить обеть, его же за множество весь не списахомъ.

Потом же посла к Данилови, рекый: «Ужика ми и сватъ еси, помози ми на чехы». И убеди и. И поиде на Опаву путемь своимъ, самъ бо пленяше землю Моравьскую, и многы городы расыпа, и вси пожьже, и велико убийство створи земле той».

Очень тесные связи были у волынян с ляхами: «Въ лето 6759 (1251). Умре князь великий лядьскый Кондратъ, иже бе славенъ и предобръ. Сожалися по немь Данило и Василько...

В та же лета седе Самовить во Мазовши. Посла к нему Данило и Василко, рекша ему, яко: «Добро видилъ еси от наю и изиди с нами на ятвязе». И у Болеслава помочь пояста Суда воеводу и Сигнева, и сняшася во Дорогычине, и поидоша, и преидоша болота, и наидоша на страну ихъ».

Как и любые соседи, русские и ляхи много воевали, мирились, помогали друг другу в войнах с ятвягами, литвой, уграми, чехами. А вот с немцами у Данилы Галицкого были хорошие и приязненные отношения, едва ли не лучшие, чем у всех других русских князей. Я уже приводил цитату из Галицко-Волынской летописи о том, как Миндовг выгнал своих племянников Товтивила и Едивида, и те нашли пристанище у Данилы и Василька. Данила решил использовать момент, стал собирать коалицию с намерением напасть на язычников. Ляхи пообещали помощь, однако не сдержали слова. Тогда Данила послал Выкинта к немцам в Ригу: «Время есть христьяномь на поганее, яко сами имеють рать межи собою». И хотя многих немцев «погуби» Выкинт, они дали ему войско — «тебе деля миръ створимъ с Выкинтомь».

Таким образом, Данилу Галицкого и его брата Василька знали и уважали во всех землях. Папа римский присылал золото и корону, немцы давали войско ему и его союзникам, угорские короли и ляшские князья были с ним в родстве, даже сам Батый принял его в Сарае и

напоил кумысом, отдав ему во владение его же землю, — однако Галич, Холм или Владимир так и не стали столицей нового западнорусского государства. Возможно, Данила Галицкнй не сумел подняться на это из-за того, что ездил на поклон к Батыю? А перед тем прятался от татар у угров и ляхов? Собственно, не он один покорился татарской силе, Киев был сожжен, и изо всей Русской земли уцелела только ее северо-западная часть. И Александр Невский был, ни много ни мало, приемным сыном Батыя...

Но еще раз вернемся к папской короне. Вот что сообщает летопись: «В лето 6763 (1255). Присла папа послы честны, носяще венець и скыпетрь и коруну, еже наречеться королевьскый санъ, рекый: «Сыну, прими от насъ венечь королевьства». Древле бо того прислаль к нему пискупа Береньского и Каменецького, река ему: «И приими венець королевьства». Он же в то время не приялъ бе, река: «Рать татарьская не престаеть зле живущи с нами, то како могу прияти венець бес помощи твоей».

Ониза же приде, венець нося, обещеваяся, яко: «Помощь имети ти от папы». Оному же одинако не хотяшу, и убеди его мати его, и Болеславъ, и Семовить, и бояре Лядъские, рекуще, дабы приялъ бы венець. «А мы есмь на помощь противу поганымъ».

Онъ же венець от бога прия, от церкве святыхъ апостолъ, от стола святаго Петра, и от отца своего папы Некентия, и от всих епископовъ своихъ. Некентий бо кльняше техъ хулящимъ веру грецкую правоверную, и хотящу ему сборъ творити о правой вере, о воединеньи церькви. Данило же прия от бога венець в городе Дорогычине».

Из этой записи следует, что папа, пообещав Даниле помощь в борьбе с погаными — татарами и литвой — склоняет его, в свою очередь, к принятию короны «от

стола святаго Петра». Казалось бы, Даниле надо только радоваться — его принимают в число европейских королей, он теперь «сын папский». Но не так все просто. Менял ли Данила при этом свое вероисповедание? Одно дело, когда перекидывается из веры в веру недавний язычник Миндовг, совсем иное — русский князь Даниил Галицкий. И хотя проклинал папа Иннокентий тех, кто «хулил» православную греческую веру, хотя призывал к собору об истинной вере и объединении церквей — однако вопрос о вероисповедании Данилы это никак не проясняет. Папе римскому важно было залучить к себе русского князя, Даниле Галицкому — заручиться папской поддержкой, а в результате Галицко-Волынское княжество все же не сохранило независимости. Во всяком случае, можно сказать определенно, что в 1255 году произошла первая попытка унии на русской земле. Тогда она не увенчалась успехом. Однако же и борьба за русские души только-только начиналась.

Современная историческая наука показывает нам династию галицких князей как прекрасных воинов и дипломатов, лучшим из которых был Даниил Галицкий. Однако же если принимать во внимание факты — тот же Даниил был целиком под татарской властью. Приходили «окаянные» Бурундай, Тягак или Ногай к волынянам и говорили: «Пойдем на Новогородок, на Литву, на ляхов» — и те послушно шли.

Теперь мне хочется переключить внимание именно на татарские походы под Новогородок и на Литовскую землю. Да, направление главного удара хана Батыя миновало их, мы об этом уже говорили. Однако летописи свидетельствуют, что и после завоевания русских земель шли и шли татарские орды на запад и на север. Данила Галицкий с сыновьями стал их союзником, татары волынские города, однажды спалив, больше не трогали, а вот Новогородокская земля, взяв на стол литовских

князей (после Изяслава, упомянутого в Ипатьевской летописи под 1235 годом, русских князей больше на этом столе не было), воевала с «безбожными моавитянами». Пускай белорусско-литовские летописи преувеличивают цену побед Новогородка над татарами, однако эти победы были. На протяжении очень долгого времени татаро-монголы стремились завоевать Новогородокское, а затем и Великое княжество Литовское, раз и навсегда обложить его ясаком, посадить в столице и крупнейших городах баскаков, чтобы контролировать ситуацию, но сделать это им не удалось.

Хроника Литовская и Жмойтская. «О послах татарских до Литвы найпершей. Року 1263. Кидан царь татаров заволских, внук Батиев, зневолил княжат руских в их незгоде[1] и до трибуту албо дани их примусил[2], и баскаки, албо старосты, и поборцы свои в руских князствах ховал[3], так и в той час скоро учул, ижь новый князь Радивил Жмойтского панства Новгородское, Берестейское, Подляшское и иныи, ажъ до Мозыра князства руские опановал, послал до него баскаки и поборцы свои, упоминаючися дани, доходов и послушенства, абы все заразом заплатил яко голдовник[4]. Выслухавши Радивил такого поселства взял собе на размышление, а потым боязнь спросную для несмертелной славы и волности мылой отложивши на сторону, послов задержал у себе, обецуючи им дань рихло[5] голдовую зготовать и отослати цареви. А тым часом тихо войска руские, шлюбуючи[6] им первую волность против татаров. помочи збирал. Брата тежь Викинта жомойтское и Живинбуда литовское княжата обослал, просячи о ратунок[7] братерской сполной и повинной суседской милости. А гды уже руское войско немалое до него зо всех сторон забралося, и помочь з Жомойды и Литвы прибыла, зараз оным послом дань выказал, Каданови цареви пару стрел вместо золотых клейнотов, послал, а отправивши их, сам за ними ку

Мозыру над Припеть тягнул з войском, где мел весть о царе Кадане, ижь тамтою стороною през Днепр мел з ордою переправлятися на звоевание и плюндроване руских краев. А гды послы царевы Кадану оную зухвалую[8] отповедь Радивилову и упоминку, пару стрел, отдали, зараз з оной легкости розгневавшися, войско орды Заволскии през Днепр переправил и, притягнувши под Мозыр, загоны на буренья[9] Руской земли роспустивши, сам кошем[10] положился над Днепром на устю Припети, А в том часе Родивил с русью, новъгорожаны, слонимчаны, пинщаны, жмондами и литвою войсками, пущею незнайоме притягнувши, ударил на свитаню[11] з великим окриком на кош, где сам Кадан лежал. А татаре, любо то мужне боронилися и ставали мужне за царское здорове, еднак же не готовы и безпечны будучи от готовой руки от Радивила и войска его преможены[12] так, ижь розно по лесах и болотах, и полях росперхнулися[13], и на пляцу тежь их барзо[14] много полегло, и сам царь заледво[15] утек, и то в малой велми дружине, а иншие в Днепру и Припети потонули; других по розных загонах имано и лупы[16] вси отгромивши и вязни[17] освободивши з великою добычью до Новогородка Радивил з своими вернулся»*.

Это было первое поражение «татаров заволских» во главе с царем Киданом в битве с русскими и литовскими войсками, произошло оно, по сообщению летописца, «над Днепром на устю Припети». Здесь мы сталкиваемся, по крайней мере, с двумя несообразностями. Первая — дата сражения. Новгородские I и IV летописи говорят, что татары нападали на западнорусские и литовские земли в 1258 году. Ипатьевская же летопись относит первый удар татар к 1260 году. Историк Р. Батура предпо-

---

* 1 — несогласии; 2 — заставил; 3 — прятал; 4 — данник; 5 — будто; 6 — обещая; 7 — спасение; 8 — дерзкую; 9 — разграбление; 10 — лагерем; 11 — на рассвете; 12 — побеждены; 13 — разбежались; 14 — очень; 15 — едва; 16 — обозы; 17 — пленных.

лагает, что это первое нападение могло произойти уже в 1238—1242 годах, когда Батый возвращался из Центральной Европы; именно тогда отряды татар под командованием Кадана (или Кайду), Бала и других полководцев «опустошили окраины Литовского государства». Вопрос, как видится, достаточно сложен и запутан. А вторая несообразность — местечко Койданово, некогда Крутогорье, под которым, по народному преданию, была разбита татарская армия, которой командовал хан Койдан. Находится Койданово близ Дзержинска в Минской области, и оттуда до устья Припяти очень и очень далеко.

Еще одна запись. «Року 1272. Балаклай, великий царь татар заволских, котрые были в той час наймožнейшии межи иншими татарами, зголдовавши за незгодою внутренею руских княжат, которых панство было от мора Каспийского або Перского, котрого зовут Фалимским, ажь до мора Чорного, Турецкого, там свою ростягнувши поганую власть, где и замок заложил от своего имени, Балаклий, Чапчакла, Ослам городок. А иж княжата литовские, Радивил наперед, а по нем Микгайло, Скирмонт и Гинвил посели были много князств руских и на них пановали, а голду орде Заволской, яко иншие княжата руские, не давали выправил послы свои до Скирмонта Микгайловича новгородского, туровского, пинского, мозырского князя, Литвы Повилской дедича, упоминаючися у него послушенства, дани и голду... Скирмонт, уваживши свою волность, не хотел поддатися ему в тое иго, але воеватися о волность умыслил, и зараз розослал листы[1] по панствах своих руских и литовских, абы готовыми были противко татаров... Потом послов татарских просил на честь, а гды пришли так сами послы, яко и слуги их, казал им самим и слугам их губы, носы, уха, поотрезовати и отслал их до Баклая з отповедю, мовячи: «Такая дань и тебе от мене самого поткает». Потом Балаклай солтан... з великою силою татаров

ишол в землю Рускую, а вшедши великие шкоды[2] шаблею и огнем починил. Скирмонт тежь, князь новгородский и литовский войска руские, которые мел готовые, зшиковавши, поткал[3] Балаклая на граници своей в Койданова, а гды обе войска мужне и рицерски ся поткали, зараз почали шванковати[4] татарове и, помешавшися, утекали. Сам потым царь Балаклай з великостю мурз и уланов, хотячи задержати от утечки татаров своих, скочил и эостал на пляцу забитым, эачим остаток орды русь и Литва... наголову поразили, вязнев, здобычи з великою корыстю отобрали».

Кроме хроники Литовской и Жмойтской, о битве с ханом Балаклаем сообщают летопись Археологического общества, летопись Красинского, летопись Рачинского, Ольшевская, Румянцевская и Евреиновская летописи.

Цитируем хронику Литовскую н Жмойтскую. «Року 1276. Курдан солтан, царь эаволский, мстяся забитого отца своего царя Балаклая, от литовских и руских князей (забитого) под Койдановом, зобрал все орды свои Заволские, Нагайские, Казанскую, Кримскую и тягнул на руские князства, огнем и шаблею плюндруючи. То видячи, Тройнята Скирмонтовичь новгородский, подляский и Литвы Повилской князь, обослал зараз двоих братов своих, Любарта корачевского и чернеговского, Писимонта туровского и стародубского, послал тежь до Святослава, великого князя киевского и до Симеона Михайловича друцкого и до Давида Мстиславича луцкого, просячи их о ратунок... Княжата зо всеми войсками особами своими прибыли им на помочь, уважаючи сполную от татар небезпечность, злучившися веспол[5] тым охотней до обозу тягнулы, где сам царь лежал за Мозырем над рекою Окуновкою. Там же битву, зшедшися, окрутную сточили[6] з обу сторон, которая от поранку ажь до вечера трвала[7]; наостаток татаре утекаты почали, а литва и русь тым смелей розогнаных и утекаючих тата-

ров били, громили, секли, кололи, в реках топили, и наголову оные великие войска нагайские, кримские, над рекою Окуневкою поразили. Сам царь Кордан в малой дружине ледво[8] утекл до своей землн, а литва и русь полоны и лупы... все зобрали и з великим и славным звитязством до своих сторон вернулися. Еднак же княжат и бояр руских и литовских много полегло на пляцу, от татаров забитых, меновите[9]: Любарт корачевский князь, Писимонт туровский князь, браты Тройняты, Симеон Михайловичь, друцкий, Андрей Давыдовичь, княжата и инших панят немало»*.

Об этой битве также упоминают почти все белорусско-литовские летописи. Сражение на реке Окуневке является единственным, когда против татар выступают войска новогородокские и литовские союзно с князьями волынскими, черниговским, друцким и киевским. По мнению такого авторитета, как Н. Улащик, эта битва произошла значительно позже, нежели сказано в летописях. и «едва ли в ней участвовали все антитатарские силы, которые указаны в наших источниках».

И, наконец: «Року 1284. Ринголт Алгимунтовичь, внук Троняти, по смерти отца своего Алгимонта, гды почал великим князем литовским, жмойтским и руским писатися, позайзрели[1] тому княжата руские, мяновите Святослав, киевский монарха... Видячи, же литовекие княжата, погане, моць[2] свою в панствах руских розширли и з голду, который здавна до Киева платили, выбилися, почал радитися[3] з другими княжаты, звлаща[4] Львом, володимерским, Дмитром Друцким, абы знову Литву под ярмо першое могли привести. Змовилися все три сполне и одностайне собе помагати и воевати противко Ринголтови Алгимунтовичу, хотячи его з ста-

---

* 1 — письма; 1 — вред; 3 — встретил; 4 - бить; 5 — совместно; 6 — сразились; 7 — продолжалась; 8 — едва; 9 — а именно;

родавней отчизны своей выгнати, князств руских и литовских, котрые завше до Киевской монархии належали. Затягнули тежь на помочь килка[5] тысячий татаров от Кордана, цара заволского, меючого гнев на Литву о звитязство[6] над ним. А так вси три княжаты з татарами тягнули з великим войском руским в Новгородъские державы, над Немном лежачие, пустошачи и палячи всюди. Рингольт тежь великий князь литовский, жомойтский и новгородский, зобравши литву и жомойт, также и русь свою, заступил тым княжатам над Немном у Могилны, напомянувши бояр своих и панят также и войско словы короткими до битвы и порадне их зшиковал и ударил на руские и татарские войска з великим окриком, а они тежь также смеле натерли[7], уфаючи[8] своему великому войску. А так срогая[9] а великая война през день целый трвала, ажь наостаток бог помогл Рингалдови, же оное великое войско руское и татарское тыл подало. А так на том пляцу руского и татарского войска згинуло 40 000, татар утекло з тисячии десяти пятсот, а руси з Святославом киевским, Дмитрием Друцким, Лвом володимерским полтараста жолнеров[10] руских утекло до Луцка. А з Ринголтова убито войска 7 сот, а ранных двесте было; и так Ринголт з великим триумфом и добычю неошацованною[11], маючи[12] при собе тисячу татаров, а руси двесте неволников, повернул до Новгородка и был всем потом Ринголт страшен.»*

Такими предстают перед нами сражения между татаро-волынскими и русско-литовскими войсками в белорусско-литовском летописании. Вероятно, ко многому здесь надо относиться критически, хотя и отрицать эти сражения, пусть и не с такими ошеломляющими ре-

---

* 1 — позавидовали; 2 — силу; 3 — советоваться; 4— особенно; 5 — несколько; 6 — победе; 7 — наступили; 8 — доверяя; 9 — жестокая; 10 — воинов; 11 — неоценимой; 12 — имея.

зультатами (сорок тысяч убитых!), нет оснований. Да и над любым человеком, пытающимся осмыслить события того времени, все же довлеет апокалипсическая картина Батыева смерча, по сравнению с которым любые другие битвы меркнут. А ведь XIII век — это сплошные битвы, и не только на земле Русской...

Но есть еще один взгляд на походы татар на Литву и Новогородок. Нам известно, что в XIII веке татарские войска выступали только в союзе с галицко-волынскими князьями, и Новогородокская земля была для них одним из самых злых врагов.

«Въ лето 6768 (1260). Времени же минувшу, и приде Буранда безбожный злый со множествомъ полковъ татарьскыхъ в силе тяжьце и ста на местех Куремьсенех. Данило же держаше рать с Куремьсою и николи же не бояся Куремьсе, не бе бо моглъ зла ему створити никогда же Куремьса, дондеже приде Буранда со силою великою. Посла же послы к Данилови, река: «Иду на Литву. Оже еси миренъ, пойди со мною», Данилови же седшу с братомъ и со сыномъ, печалнымъ бывше, гадахуть: ведахутъ бо, аще Данилъ поедеть, и не будеть с добромъ. Сгадавъше вси, и еха Василко за брата... Василкови же едущу по Бурундаи одиному по Литовьской земле, обретъ негде литву, избивъ ю и приведе сангатъ Бурондаеви. И похвали Бурандай Василка, «аще братъ твой не ехалъ». И воеваше ездя с нимъ. Ищющю ему сыновца своего Романа, воеваша землю Литовьскую и Налыцаньску».

Дальше летопись подробно рассказывает о том, как по приказу Бурундая Василько разрушал укрепления городов Данилов, Стожек, Львов, Кременец и Луцк, сжег укрепления Владимира, а на следующий день сровнял с землей городской оборонительный вал. Данила же сначала убежал в землю ляшскую, оттуда к уграм. Один Холм не поддался татарам и уцелел. Следующая запись Галиц-

ко-Волынской летописи: «Въ лето 6782 (1274). ...Посемь же Тройдений, забывъ любви Львовы, послав городняны, веле взяти Дорогичинъ... Се же слышавъ, Левъ печаленъ бысть о семь велми, и нача промышляти, и посла в татары ко великому цареви Меньгутимереви, прося собе помочи у него на литву. Менгутимерь же да ему рать и Ягурчина с ними воеводу, и эаднепрескый князи все да ему в помочь, Романа Дьбряньского и сыномь Олгомъ, и Глеба князя смоленьского, иныихъ князий много. Тогда бо бяху вси князи в воли в тотарьской.

Зиме же приспевше, и начаша ся пристраивати князи русцеи, и Левъ, Мьстиславь, Володимерь. Идоша же с ними князи Пиньсции и Товьсции. И бысть идущимъ имъ мимо Турово къ Случку, ту ся сня с татары у Случка. И тако поидоша вси воборзе к Новугородъку...

Левъ же лесть учини межи братьею своею, утаився Мьстислава и Володимера, взя околний градъ с татары, а детинець остася... И гневахуся вси князи на Лва... оже не потвори ихь людми противу себе, самъ взя городъ с татары. Сдумали же бяхуть тако, оже бы имъ всимъ вземше Новъгородокь, тоже потомь поити в землю Литовьскую. Но не идоша гневомъ про Лва, и тако возвратишася во свояси».

И еще одно свидетельство: «Въ лето 6785 (1277). Присла оканьный безаконьный Ногай послы своя с грамотами Тегичага, Кутлубугу и Ешимута ко Львови, и Мьстиславу, и Володимерю, тако река: «Всегда мь жалуете на литву. Осе же вы даль есмь рать, и воеводу с ними Мамъшея, поидете же с ним на вороги свое».

Зиме же приспевше, и тако поидоша князи русции на литву: Мьстиславъ, Володимеръ, а Левъ не иде, но посла сына своего Юрья. И тако поидоша вси к Новугородъку».

Таким образом, волынские и татарские войска трижды (это самое меньшее) ходили на Новогородок, но

взять его не смогли. Новгородская I летопись, правда, говорит, что в 1258 году «взяша татарове всю землю Литовьскую, а самих избиша». В Никоновской летописи говорится, что татары прошли по всей Литовской земле, «со многим полоном и богатством идоша во свояси».

Собственно, если бы эти татарские наезды на самом деле были такими победными и опустошительными, Новогородокская земля вряд ли смогла бы так возвыситься за какие-то тридцать лет. Н. Улащик совсем небезосновательно считает, что походы на Новогородок и Литву никогда не заканчивались крупными воинскими успехами отрядов волынян и татар, наоборот, союзники не однажды были биты, что и нашло отражение в белорусско-литовских летописях.

Изучая феномен возникновения Великого княжества Литовского, вглядываясь в это беспрецедентное «завоевание» огромных территорий за относительно короткий период — военная оккупация едва ли дала бы такое прибавление в землях, да и ее всегда сопровождает освободительная борьба, умолчать о которой очень трудно даже в летописях, — нельзя не сосредоточиться на роли личности в данной исторической ситуации. Может, действительно Рынгольту, Миндовгу или Войшалку удалось сделать то, на что не подвигнулись Роман, Данила или Мстислав? Однако же мы знаем высказывание Ф. Энгельса; «...История делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновения множества отдельных воль... Имеется бесконечное количество сил, которые перекрещиваются... и из этого перекрещивания получается один общий результат... Этот исторический результат можно опять-таки рассматривать как продукт одной силы, которая действует как целое». Та или другая историческая личность появляется тогда, когда этого требует историческая ситуация. Не было бы Войшалка — появился бы кто-нибудь

другой. Великое княжество Литовское должно было возникнуть на исторической карте Европы — и оно возникло. Это государство объединило собственно литовские, белорусские, русские, украинские земли. Ниже мы более подробно рассмотрим вопрос о его этническом составе — и об отношениях с другим русским государством, Московской Русью.

Сейчас же хочется сказать несколько слов о собственно Литве. Сложность состоит уже в вопросе, где находилась летописная Литва. Н. Улащик отмечает, что летописи очень точно показывают границу между Литвой и Русью — это река Вилия. А главное отличие между литовцами и русскими, как ни странно, в то время было не в языке, а в вероисповедании. Русь была христианская, а Литва и Жмойть — языческие.

М. Ермолович считает, что летописная Литва врезалась клином между Полоцко-Менской, Турово-Пинской и Новогородокской землями. Действительно, когда читаешь в летописях о походах галицко-волынских князей на Литву и Новогородок, то замечаешь, что сначала те войска «плюндровали» Литву — и только потом подходили к Новогородку.

Большинство же исследователей ищут летописную Литву в Литве теперешней — и тоже правы. Где Литве быть, как не в Литве? И ничего странного во всех этих противоречиях нет, основания для такой путаницы дают сами же белорусско-литовские летописи, особенно их легендарная часть. Так, зачинателем новогородокской княжеской династии, по летописям Евреиновской и Красинского, был Скирмонт, по всем остальным — Ердивил-Радивил. Город Кунос (Каунас) летописи помещают в устье Невяжи, хотя на самом деле он находится в устье Вилии. Перепутаны многие даты, об этом уже говорилось. Сами же Литва и Русь подаются в очень уж общем виде, как по географическому положению, так и

по этническому составу. Одним словом, широкое поле деятельности для исследователей, мы же только констатируем, что Литва и Русь сначала соседствовали — а потом объединились в одно государство.

Почему все-таки центром государства стал Новогородок, а не какой-нибудь литовский город? Выше я уже говорил об этом, сейчас только отмечу, что хоть и были в Литовской земле города Юрборк, Кунос и Спера, но большого значения они не имели. «Еднак же той народ литовский през[1] час долгий от початку своего панованя незначный[2] был, Русь мела над ним зверхность[3] и трибут[4] от них отбирала, а меновите: все пануючии княжата киевские земле Руской монархии отбиралы от них в дане веники и лыка на веровки, а то для недостатку и неплодности земле, котрая еще не была выправна...»*

Надо сказать, что хроника Литовская и Жмойтская во многом пересказывает «Кронику» Мацея Стрыйковского, отсюда, видимо, и чувство некоторого превосходства в обрисовке «поганцев». Вот как хроника подает литовцев во времена «панованья» Живинбуда: «Кернос, гды умер, тело его спалили ведлуг[1] звичаю поганского, а порох[2] побравши сховали в трунне[3], под лесом, а по смерти его Живинбуд Девялтов, Выпкомир и Керно осел, по смерти тестя своего, а з Монтвилом, княжатем жмойтским, в приязни статечной[4] жили на своих панствах перестаючи, руским княжатом на неприятеля помогали, волости мазовецкие наежджали, здобычи и полон выводили, и с того живилися. А гды в Руси видели незгоду и на выбите з их моцы маючи погоду[5], часто наежджали на их панства и лупы брали, и до лесов густых як до замку утекали, и если их Русь, гонячи, в полю не догнали, то уже в лесах и болотах гнати их надаремно[6], гды жь на островах и озерах, и в лесных яскинях[7] хова-

---

* 1 — через; 2 — незначительный; 3 — превосходство; 4 —дань.

лися, як в найлепших скринях[8]. А строи[9] их — все звериные скуры, и маетность[10] — на собе шо могл носити; домы их были — кучка плетеная, дором[11] простым накрита, боты их з лык, а зверинный лоб обълупленый — вместо шапки на голову клали, а гды в Руских землях достали с пълуга лемешов, то на довгие кие[12], волочни наробивши, осадили и до стрел тежь железец або шил набивали, о смерть мало дбали[13]. Перевозы тежь фортелныи[14] мели: лодии чолны з скур зубровых дивне зшиваных. а швы тые для воды, абы не протекала в чолны, натирали лоем[15], а гды где мели з войском тягнути, то и лоди тыи з собою везли и тягли, и скоро на воды глубокий приходили, в тых лодях возилися, а кони вплав вели. Так Живинбуд, пануючи в Литве на Кернове, старался уставичне[16], абы внуки его могли заживати панованя отчистого литовского спокойне, и для того все их справы простовал[17] ко войне, бо през добрую войну покой бывает»*.

Однако недаром говорят, что история не знает условного наклонения. Что было бы, если бы не было того, что было... Дальше произошло «завоевание» русских земель, и легенда эта благополучно здравствует доныне.

«Аж потом Мендок и Витен з Гедимином, преславные и преважные оных панств княжата, взявши пред себе оный прирожоный свой анимуш[1], и долго оное ремесло рицерское, порохом припахлое, з земли поднесли, почали ся з ярма руского, которое ся было з антецессаров их, зачало выбивати княжатом руским. И так силными были, же не тылко ярмо их з себе зскинула Литва, але тежь оных самых до того ж привели, же им мусели[2] трибут, або дань, през час долгий давати, а звлаща[3] в

---

* 1 — согласно; 2 — прах; 3 — гробу; 4— солидной; 5 —имея погоду; 6 — напрасно; 7 — пещерах; 8 — наилучших тайниках; 9 — одежды; 10 — имущество; 11 — дерном (?); 12 — палки; 13 — заботились; 14 — странные (?); 15 — жиром; 16 — неустанно; 17 — дела подготавливал.

тые часы, гды сами межи собою княжата руские гинули воюючися, а до того зась[4] от татар ажъ дощенту[5] знищеныи[6] и вытраченыи[7]»*.

Списки хроники Литовской и Жмойтской, которые мы сейчас читаем, составлялись значительно позже XIII века, это необходимо учитывать. В них уже отчетливо чувствовались тенденции исторической науки первой половины XVIII века. Однако и в самых тенденциозных текстах можно найти зерно истины, не заглушат его никакие сорняки.

Довольно трудно писать о временах минувших, не соотнося их со временами нынешними. Как бы я ни избегал этого, но Новогородок, современный Новогрудок, белорусский город, в котором я жил несколько лет, стоит перед моими глазами, не заслоняет древний Новогородок, но стоит рядом с ним. Немного осталось Новогородка в Новогрудке — остатки каменных башен замка на горе Замковой, гора Миндовга, дернистый ров вокруг замчища. Все, кажется? Да нет, не все. Еще высокое небо над «горой красной», сильный ветер, что устойчиво тянет над возвышенностью, дубняки в полях, они кое-где видны с замчища, камни-валуны при дорогах, их братья лежат в замковом фундаменте, молчаливые курганы — могилы наших предков. Помнит ли Новогрудок себя молодого, сильного, славного, осененного штандартами великокняжеских войск? Тяжело об этом говорить, уже и «тутэйшую» мову только изредка услышишь на его выложенных брусчаткой улицах.

Но сам город пока что стоит. Как памятник? Или все же как живой город живых людей, потомков тех, что создали русско-литовское государство? Неизведанны пути человеческие, одни только-только пробивают-

---

* 1 — решимость; 2 — должны; 3 — особенно; 4 — же; 5 — полностью; 6 — уничтоженные; 7 — выбитые.

ся по целине, другие же зарастают быльем, глохнут в траве. Может, и правда надо забыть о них, чтобы потом по этой новообразованной целине кто-нибудь смог пробить свою дорогу? Да, все, собственно говоря, упирается только в этот вопрос — хотим ли мы знать и помнить про былые наши города, помнить самих себя — прежних, помнить свой язык, «родину и вместимость красоты и смысла».

Текут реки воды живой, пока что текут, струятся, играют, звенят, и только их музыка одинаково понятна земле и человеку.

Язык и этнос

Для появления какого-то суждения часто нужны другие суждения, отличные от твоих, та самая печка, от которой начинаешь танцевать. Эта другая мысль может быть абсурдной, но чаще всего она именно обычная человеческая мысль, только изложенная с иных позиций. Например, высказывания историка Л.Н. Гумилева о возникновении этносов.

Позволю себе несколько цитат из статьи «Мифы и реальность атмосферы» (журнал «Дружба народов», 1989, № 11).

«Каждая система работает на какой-то энергии. У нас ведь без энергии ничего не делается. Не от «чистой мысли» возникает деяние, а от энергетического импульса. Этот энергетический импульс — мутация, которая происходит в биосфере постоянно (почему книга моя называется «Этногенез и биосфера Земли»). У вирусов мутации очень часты; чуть ли не каждый год вирусы гриппа мутируют, с крупными животными это бывает реже, но они тоже мутируют. Иногда раз в 200 лет. Мутации бывают полезные и вредные. Вредные нас не интересуют, потому что носители вредных признаков, возникшие вследствие мутации, быстро устраняются естественным отбором.

Среди прочих признаков есть признак, который не был описан. Я его описал и назвал «пассионарность», то есть внутреннее стремление к совершению деяний...

...Один пример. Так называемое татарское иго. Из-за него я имел большие неприятности: меня не печатали во времена застоя и писатель Чивилихин даже обвинил меня в антипатриотизме. Было ли татарское иго на Руси? И да и нет. Как считать! Сами русские XIII—XIV—XV веков о существовании ига не знали. Это все равно, как говорить о том, что у нас существует московское иго над Малой Вишерой или Обнинском. Дело в том, что если бы монголы (которых тогда называли татарами) и захотели бы завоевать такую территорию, как Россия, то у них для этого просто недостало бы средств, не хватило бы людей, чтобы поставить гарнизоны.

Население Монголии тогда было около 700 тысяч человек. Воевала она на трех фронтах: главный был — китайский, второй — среднеазиатский, а на запад был отправлен небольшой корпус. Около 30 тысяч человек. После завершения похода (в котором даже и больших боев-то не было вплоть до Германии, где они с немцами схлестнулись и немцев побили при Лигнице, и венгров тоже — при Шайо; а у нас битвы были самые маленькие) мы пропустили эту самую орду, которая вернулась назад. Это было в 1237—1240 годах. Три года длились сравнительно небольшие военные операции на территории Руси и Кипчакской Степи (нынешней Украины), после чего татары ушли. Дани им начали платить в 1259 году, то есть через 20 лет. События явно несовместимы. Далее, кто был инициатором уплаты дани? Как оказывается, благоверный князь Александр Ярославович Невский, потому что ему самому нужно было иметь надежного союзника, боеспособного и дешевого, которого можно было бы пустить против Литвы и Ордена. И он получил такого союзника. Но никто даром не работает: заплатить надо. Заплатили. Хорошо.

После этого татары взяли под свое покровительство великое княжество Владимирское (Московского тогда

еще не было) и все те места, где их признали и приглашали на помощь. Там сохранился «золотой» пояс церквей вокруг Москвы, замечательные памятники в Твери, собор в честь святого Михаила, убитого в Орде по доносу Московского князя Юрия (ох, и любили же наши предки стучать). И там все цело.

Поезжайте в Белоруссию и поищите православные церкви. Поищите их на Волыни, впрочем, там, кажется, одна есть. В Галичине ни одной. Простите, но где же были наши противники, которые уничтожали нашу культуру? Я не говорю «на Востоке», потому что Восток большой. Но где: на Волге или на Висле? Факты говорят сами за себя. Как жили белорусы в XIX веке, про это рассказывать не надо, плохо жили, но из Волго-Окского междуречья, из Великоруссии (тогда она называлась Залесская Украина) выросла великая держава, а жили там не так уж и плохо. Как раз во времена «ига».

Вы можете спросить, откуда же возникли эти мифы? Законный вопрос. В Москве есть историк В. Каргалов, я, правда, с ним не знаком, но читал его. Он меня не любит, спорил со мной, а я охотно использовал его работы. Так вот, он нашел, что слово «иго» в применении к русско-татарским отношениям появилось во второй половине XVI века, при Иване Грозном.

Дело в том, что Стефан Баторий возглавил антирусское движение и вел войну. Он был польским королем, но Польша ему отказала и в людях, и в деньгах. Сейм сказал: «Король, ты можешь, конечно, вести войну, если тебе хочется, но мы тебе ничего не дадим». Тогда он за свои денежки навербовал немецкую пехоту, а конницы у него не было. Он обратился в Запорожскую Сечь, к кошевому атаману Конашевичу-Сагайдачному: «Дай конницу». А тот говорит: «Как я буду против своих православных выступать?» Но был у Стефана Батория статс-секретарь, умный немец Гейденштейн. Он сказал: «Так

они же не русские, они татары. Они столько жили под татарским игом, что отатарились». Между прочим, это было отчасти верно, отатарились мы здорово, Ну, тогда этот самый Конашевич скомандовал: «По коням!» — и пустил войска на Псков. Иван Петрович Шуйский его отбил, но нам что интересно? Прецедент! Далее вступает «интеллигенция». Запись о походе Стефана Батория Пиотровский сделал на латинском языке. Книги попали в Европу, нашел французский историк, плохонький, и написал, что вот было иго, у меня документ. А документам историки должны верить. Я, правда, не верю. Я естествознанием занимаюсь, я натуралист, я смотрю, как это может быть и может ли? А те поверили. Ну раз так, пожалуйста. При Екатерине наши все время ездили во Францию, они читали по-французски: вот мол, как все было, и поверили, что было «иго». А ведь отсюда берут начало конфликты между приволжскими татарами и крымскими татарами и русскими, между тем в основе всего — мифотворчество вполне реальное, на базе совершенно честной политической игры и дипломатических ухищрений. Так что слишком доверять источникам не надо».

Цитаты получились длинные, однако сократить их нельзя. Когда опровергается сам факт существования на Руси монголо-татарского ига — а надо ли говорить, что это важнейший, поворотный момент всей истории Средневековья, тут не до сокращений. Правда, серьезно спорить с аргументацией уважаемого историка необычайно трудно, невольно скатываешься к хохме или анекдоту. Ну на самом деле: неужели конфликты между приволжскими татарами и крымскими татарами, с одной стороны, и русскими — с другой, начались с того, что умный немец Гейденштейн назвал русских татарами — они (русские) отатарились? Вероятно, чуть большее значение в этих конфликтах могло иметь завоевание

волжских и заволжских ханств и царств Иваном Грозным? Как и присоединение Крымского ханства к России в 1783 году, когда хан Шагин-Гирей пошел под руку Екатерины II?

Второе. Можно, конечно, сделать вид, что в исторической науке не существует летописей, ни Ипатьевской, ни Радзивилловской, ни Галицко-Волынской, ни белорусско-литовских. Но ведь это не значит, что их не было на самом деле? Эти летописи, во всяком случае, многие из них, писались задолго до умного немца Гейденштейна, а там про «окаянных» и «поганых» татар (монголов) сказано все достаточно ясно и понятно. И выразительно.

Третье. Для того, чтобы сказать что-то свое, вовсе необязательно выставлять своих оппонентов (Карамзина, Соловьева, Ключевского, Забелина и «иже с ними») в виде школяров-недоучек, которые не умели считать до десяти, а что уж умножение и деление — об этом и говорить нечего. А оно так и получается: все, кто не Л. Гумилев — школяры-недоучки (кроме умного немца Гейденштейна).

Ну, и последнее — пассаж о Беларуси и белорусах. Нет, пассажей вообще-то в статье хватает, взять хотя бы рассуждения о святом Михаиле, убитом в Орде по доносу московского князя Юрия. Русский князь оказался таким подонком, что «настучал» на собрата в Орду татарам, и те, бедолаги, вынуждены были отрезать ему голову. Наши предки, и князья, и крестьяне, только и умели, что доносить, а убийство — мелочь, не стоящая внимания. И как это наши глупые (и подлые) предки не догадались возвести памятники своим избавителям и спасителям татарам! «Золотое кольцо» вокруг Москвы сохранили татары — и никто иной. Неужели историк верит в то, что пишет?

Так вот, о Беларуси. Еще раз напомню цитату: «Поезжайте в Белоруссию и поищите православные церк-

ви. Поищите их на Волыни, впрочем, там, кажется, одна есть. В Галичине ни одной. Простите, но где же были наши противники, которые уничтожали нашу культуру? Я не говорю «на Востоке», потому что Восток большой. Но где: на Волге или на Висле? Факты говорят сами за себя. Как жили белорусы в XIX веке, про это рассказывать не надо, плохо жили, но из Волго-Окского междуречья, из Великоруссии (тогда она называлась Залесская Украина) выросла великая держава, а жили там не так уж и плохо. Как раз во времена «ига»».

Не знаю, откуда уважаемый историк брал свои сведения, однако некоторые из них не то что впечатляют — ошеломляют. «Поезжайте в Белоруссию и поищите православные церкви». Обычный читатель пробежит эту строку глазами и согласится: да, не было в Беларуси православных храмов и нет, и искать их там будут одни дураки. А куда деваться автору, который не только родился в Западной Беларуси, но и крещен был в православной церкви деревни Денисковичи?

К тому времени, когда должен был осуществиться сей конфессиональный акт (крещение), мой батька уже был партийцем, работал маленьким районным начальником, — а многие знают, какое непростое и неслучайное распределение всех больших и малых должностей в районе. Одно дело крестить своего сына крестьянину, совсем другое — партийцу, да еще главному бухгалтеру райпотребсоюза. Нужна была большая стратегия, Во-первых, партийного человека окружали грозные стены устава коммунистической партии, и небо за этими стенами иногда виделось только «в клеточку». Во-вторых, церкви, как и костела, мечети и синагоги, в нашем городке не было. В-третьих, любой шаг любого жителя городка был не то что на виду, — он прослеживался, как движение амебы под микроскопом. Однако следом за мной уже появилась на свет моя младшая сестра,

и мать поставила вопрос ребром: либо крестим, либо... Она и сама не знала, что дальше за этим «либо», но на всякий случай грозила.

Тогда батька провел совещание с друзьями-преферансистами. Один из них обеспечил машину, второй подготовил попа в деревне Денисковичи, и операция началась. Рано поутру, еще и не развиднело, нас с сестрой запихнули в кабину груженной лесом машины, отвезли в Денисковичи, там будущие крестные батька с матерью приняли нас на руки и огородами отнесли в церковь. Я был уже большой хлопец, четыре года, оттого запомнил, как батюшка — высоченный, здоровенный, борода как стог сена — обрызгал меня водой, дотронулся до лба крестом и всунул в рот ложечку с божьей кровью. Сладкая, она мне отчего-то не понравилась, я скривился. Крестная треснула меня по лбу, я надулся, но не заплакал, видно, напуганный громадностью храма и ритуалом. Сестру же окунули в купель с головой, она зашлась в плаче, как резаная, и я на всякий случай спрятался за спину крестного. Еще схватят за ноги да головой в корыто... Огромная пятерня крестного накрыла мою стриженую голову, как шапкой: не бойся, хлопец. Батюшка ловко завернул сестру в одеяло, и мы теми же огородами вернулись в хату крестных, где уже ждали веселые мама с батькой. Взрослые выпили, я со своими новыми братьями и сестрами побегал по улице, — крещение состоялось.

Но ведь не секрет, что все записи церковных книг в то время внимательно проверялись, о нашем крещении сразу стало известно, батьку вызвали на бюро райкома. Он, конечно, врал, что жена сама, без его ведома, отвезла детей в Денисковичи и окрестила, он же, как говорится, ни сном, ни духом, — ему объявили строгий выговор с занесением. А я вот до сих пор не знаю, удачно он врал или нет. Некоторых ведь и из партии выгоняли, и с работы...

Одним словом, в середине пятидесятых годов я был окрещен в православном храме в Западной Беларуси, где были, конечно, и костелы, в которых крестились белорусы-католики.

Может, Л.Н. Гумилев, убеждая себя и читателей, что в Беларуси нет православных церквей, имел в виду что-нибудь другое? Может, то, что православных храмов в Беларуси меньше, чем католических? Возьмем «Сбор памятников истории и культуры Беларуси», ту его часть, где описывается Гродненская область. Эта область всегда граничила с польскими землями, она была ядром Черной Руси, и ее памятники, архитектурные и исторические, полнее всего отображают сложный процесс сосуществования двух конфессий на одной земле.

По моим подсчетам, всех православных церквей в Гродненской области около шестидесяти, сюда входят и действующие, и заброшенные храмы, полуразрушенные или частично реставрированные. Скажем несколько слов о самых интересных из них. О Борисоглебской церкви в Гродно, Коложе, я уже говорил, сейчас только напомню, что это памятник древнерусской архитектуры двенадцатого столетия, и сравниться с ним может лишь церковь Покрова на Нерли.

Знаменитая Сынковичская церковь-крепость конца XV — начала XVI века. Толстенные кирпичные стены, по углам мощные башни, узкие окна-бойницы, витые лестницы внутри. Памятник оборонительной архитектуры. Собственно, чтобы кое-что понять, эту церковь обязательно надо увидеть своими глазами. Видно, в XV, XVI и XVII веках нашим предкам никак нельзя было обойтись без храма-крепости, в которой можно было пересидеть и осаду крестоносцев, и отбить татарский набег. Ядра московских орудий, конечно, обошли ее потому, что высокую крышу крепости и маковки четырех угловых башен венчали православные кресты. Историк М.

Ткачев считает, что по своим архитектурным достоинствам Сынковичский храм стоит на уровне памятников мирового значения. Построенный на меже двух культур, на меже двух стилей — западного, готического, и восточного, русско-византийского, — храм сейчас нам видится как гениальный образец белорусского зодчества.

Борисоглебская церковь в Новогрудке, построенная в 1519 году на месте древнего храма двенадцатого века, слепленного из известняковых кубов и плинфы. В XIV веке при храме действовал мужской православный монастырь, с 1624 года — женский, с 1628 года — мужской монастырь базильянцев, с 1839 года православная церковь. Сейчас это (после нескольких перестроек) храм ступенчатых очертаний, самые высокие части его — восьмигранные ярусы башен, накрытые шатровыми головками, апсиды немного ниже основного объема, накрыта многосклонной крышей. Памятник архитектуры, в котором сохранились отдельные элементы готики и ренессанса. В этой церкви наиболее ярко воплощена борьба католичества и православия в первой столице Великого княжества Литовского: сначала православный храм, при нем мужской и женский монастыри, затем в XVII веке монастырь базильян, с 1839 года опять православная церковь. Конечно, не так просто осуществлялись эти переходы из одного качества в другое, но останавливаться на них мы не будем. Скажу только, что недалеко от церкви, рядом с замчищем, стоит фарный костел, построенный в 1713—1723 годах на месте заложенного в начале XV века храма. В этом костеле крестился великий Адам Мицкевич. Не правда ли, насколько все близко, и в прямом, и в переносном смысле? Церковь, костел, замок, православие и католичество. Кстати, на территории знаменитого Новогрудского замка стояла церковь XIV века, в которой до 1775 года происходили сессии Трибунала — высшего апелляционного суда

Великого княжества Литовского. Разрушена она в XIX веке.

Еще одна церковь-крепость в деревне Мураванка Щучинского района, так называемая Маломожейковская церковь. Построена в 1524 году из камня. До XIX века в церкви были опускные двери. Пластика фасадов базируется иа выразительном соединении красных кирпичных стен с оштукатуренными побеленными нишами, проемами окон и бойниц. В центре храма под полом складское помещение для хранения оружия, боеприпасов и церковных ценностей. Памятник оборонительной архитектуры со стилевыми чертами белорусской готики. Храм настолько твердо, надежно и уверенно стоит в окружении старых деревьев, что, кажется, никакие силы не сдвинут его с места. Ждет своего часа церковь-крепость. Неужели еще будут отсиживаться в ней в осаде люди?..

Кстати, необычная, вытянутая вверх форма постройки Маломожейковской церкви (как и Сынковичской) дала основание некоторым исследователям высказать мысль, что образцом для обоих храмов были мусульманские минареты. Но про следы татар на белорусской земле мы скажем чуть ниже. Сейчас же только отметим, что эти храмы, построенные как крепости, много воевали. Например, Маломожейковская церковь держала осаду во время русско-польской войны, была сильно повреждена в 1656 году, а в 1706 году ее обстреляли войска Карла XII, которые шли на Полтаву. Видно, необычный вид церкви испугал бравых канониров, и они схватились за оружие.

Тем не менее величественный храм остался стоять — и пугает наших врагов.

Ну и еще один архитектурный памятник, о котором нельзя не сказать, это ансамбль Жировичского монастыря базильянцев, что на Слонимщине. Основанный в первой половине XVI века, сначала он был деревянным, сго-

рел в 1635 году. В 1672—1825 годах монастырь отстроен из камня. Успенский собор (1650 г.) заложен как главный храм монастыря. К собору примыкают церкви Покрова Пресвятой Матери Божьей и Рождества Иоанна Предтечи. Собор построен в стиле барокко, после реконструкции (1828 г.) приобрел черты классицизма. Иконостас трехъярусный, деревянный, резной. Выделяется алтарный образ Жировичской Матери Божьей в чеканном серебряном окладе.

Крестовоздвиженская церковь, храм-кальвария, построена в 1769 году из кирпича, памятник архитектуры рококо. Богоявленская церковь, тоже построенная в 1769 году, безбашенный однозальный храм, памятник архитектуры позднего барокко. Кроме того, на территории монастыря были семинария (XVII—XVIII вв.), жилой и хозяйственный корпуса. Весь ансамбль монастыря — памятник архитектуры XVII—XIX веков, в котором соединены черты барокко, рококо, классицизма.

Большая же часть православных храмов в деревнях, местечках, городках и городах Гродненской области поставлена в XVII—XIX веках, некоторые из них действуют, некоторые разрушаются, кое-где используются под склады и хранилища. В архитектуре этих церквей в основном господствуют псевдорусский стиль, стиль позднего классицизма, народного зодчества, изредка неоготики либо модерна. Многие церкви построены из кирпича или бутового камня — Покровская церковь начала XX века в Гродно, Троицкая церковь в Зэльве, которая возведена в XIX веке на фундаменте деревянной церкви 1443 года, кирпичная Троицкая церковь в Мире (построена в 1533—1550 годах), Покровская церковь в деревне Турец Кореличского района (1888 г.). Есть храмы сложной, если не сказать — трагической судьбы. Например, церковь в деревне Гриневичи Свислочского района была построена в 1792 году как костел францисканцев

архитектуры позднего барокко, в 1870 году (вскоре после восстания Кастуся Калиновского) она стала православной церковью. Однако нельзя сказать, что это типичное явление, мол, все костелы в XVIII—XIX веках превратились в церкви. Костелов на Гродненщине не меньше, чем церквей, если не больше. Я просто хочу сказать, что на этой земле, пограничье православного и католического миров, издавна стояли рядом костелы и церкви, смотрели друг на друга, может, и с напускным равнодушием, но и без особой вражды. А в Слониме недалеко от монастыря бенедиктинок, монастыря бернардинок, монастыря бернардинцев и современного костела стоит бывшая синагога, построенная в 1642 году. В Ивье, стараясь не замечать высоченные стены монастыря бернардинцев (1600—1833 г.), горделиво протыкает воздух острым шпилем-минаретом деревянная мечеть, построенная в 1884 году.

Кстати, мало кто знает, что первое крупное переселение татарских орд на белорусские земли произошло после разгрома Золотой Орды в 1395 году. Хан Тохтамыш, тот самый, который поджег Москву, привел под руку великого князя Витовта остатки своих войск. С 1396 по 1399 годы Тохтамыш жил в Лидском замке. Витовт хотел использовать его в борьбе против Московского княжества, но битва на Ворскле положила конец и Тохтамышу, и надеждам Витовта. Последний золотоордынский хан Ахмед нашел пристанище под Щучином. С 1434 по 1443 годы в Лидском замке жил еще один татарский хан-изгнанник — Давлет Хаджи-Гирей, но его судьба намного счастливее судьбы Тохтамыша. С помощью Великого княжества Литовского Давлет Хаджи-Гирей стал ханом перекопских татар, основателем династии ханов Гиреев в Крымском ханстве. А родом он был из-под Троков (Тракая), так сказать — литвин. Так что появление войск хана Бити-Гирея под Новогородком в

1503 году отнюдь не случайность: шел на родину своих предков. Мне своими глазами довелось увидеть грамоту XVI века, в которой даровались шляхетские привилегии нескольким татарам, отличившимся при защите земель Великого княжества Литовского. Кстати, Витовт и другие великие князья охотно принимали к себе орды крымчаков, которые следили за порядком в подвластных этим князьям землях. До сих пор во многих белорусских, литовских и польских городках есть татарские слободки. И как свидетели о татарах-союзниках (даже не союзниках — соотечественниках) стоят сейчас остатки мечетей в Новогрудке, Довбучишках, Ловчанцах.

Здесь самое место вспомнить об определенной толерантности властей Великого княжества Литовского к представителям самых разных конфессий. Возможно, это государство и было самым веротерпимым в Европе. Кроме церквей, костелов, синагог и мечетей на территории княжества действовали чуть ли не все религиозные секты Средневековья, от лютеран и кальвинистов до антитринитариев. И это несмотря на то, что Кревская (1385 г.) и Городельская (1413 г.) унии даровали большие привилегии католикам по сравнению с православными и другими жителями Великого княжества Литовского. Но тем не менее сам великий князь никогда не вмешивался в дела православной церкви: «Также которые будут, литвин, либо лях, крещенные были в Витебске в рускую веру, и кто с того рода и теперь живет, того нам не бурить, права их христианского ни в чем не ломити» (грамота великого князя Александра Казимировича, 1503 г.). В том же Новогородке в середине XVI века был один костел и десять православных церквей.

Сымон Будный, просветитель и религиозный реформатор, напечатавший в 1562 году в Несвиже «Катехизис» на белорусском языке, один из наиболее неукротимых средневековых еретиков, достаточно свободно вел по-

лемику и с русским православным богословом Артемием, и с иезуитскими теологами о бессмертии души. Он активно участвовал в арианских синодах, где высказывал более чем вольные взгляды на светскую власть. Из одного только этого примера видно, какое большое место занимали возрожденческие и реформаторские идеи в социально-политической жизни Великого княжества Литовского. На восточных землях, объединенных Москвой, такого не было. Некоторые историки считают, что единоверие и только оно вывело Московскую Русь в число крупнейших и могущественных держав мира. А Великое княжество Литовские погибло от излишней свободы и веротерпимости. Сильная власть стоит на костях, как с этим не согласиться.

Но вернемся к православным церквям. Из деревянных храмов, вероятно, стоит упомянуть Петропавловскую церковь в деревне Трабы Ивьевского района, построенную в 1784 году. Наибольшей ценностью в ней является резной двухъярусный иконостас, завершенный ажурной резьбой растительного рисунка, в композицию которого включены живописные полотна. Чудесной работой выделяется и иконостас Петропавловской церкви в деревне Валевка Новогрудского района, построенной в XVIII веке из дерева как костел монастыря базильян. В XIX веке костел был переделан в православную церковь. Двухъярусный иконостас в ней декорирован накладной деревянной резьбой с позолотой.

Ну а церковь Александра Невского в деревне Крева Сморгонского района интересна только тем, что возведена она рядом со знаменитым Кревским замком, в котором было заключено соглашение о союзе Великого княжества Литовского с Польшей — Кревская уния 1385 года.

Так что же все-таки имел в виду историк Л. Гумилев, когда писал, что в Беларуси нет православных церк-

вей? Может, то, что в наших церквях мало собственно православной архитектуры, русско-византийской? Что некоторые из них переделаны в церкви из костелов? Или все-таки то, что в восточной части Беларуси церквей значительно меньше, чем в западной? Полистаем «Сбор памятников истории и культуры Беларуси. Витебская область». Православных храмов на Витебщине около шестидесяти (пятьдесят девять, по моим подсчетам), католических почти вдвое меньше — тридцать три. На Гродненщине, как мы помним, православных церквей тоже шестьдесят, но костелов больше в два раза. Так и географически Гродно намного ближе к Польше, чем Витебск, ничего странного.

Я умышленно не касаюсь вопроса о том, сколько храмов (не важно, православных или католических) в данный момент действуют, а сколько нет. Помните известное выражение — «как Мамай прошел»? По нашим землям действительно прошелся нигилистически-атеистический «Мамай». Так вот, новоявленный «Мамай» обрушился на наши храмы лишь недавно, и в его ордах, которые разрушали и уничтожали, принимали участие совсем другие силы: бездуховность, необразованность, равнодушие, глупость. Они, эти силы, сидели почти в каждом человеке, и они почти не имели отношения к конфессиональным спорам. Как и к спасению татарами Золотого пояса вокруг Москвы. А проще говоря: наши предки храмы строили, мы их почти уничтожили. И нечего наводить тень на плетень. Да, внутренний враг победит гораздо скорее внешнего.

После университета я поехал учительствовать, попал в деревню Крайск, стоящую на старинном Долгиновском шляху в двадцати километрах от Плещениц. Рядом с Крайском проходила межа, которая до сих пор еще, незаметно для глаза, делит Беларусь на восточную и западную. Сам Крайск восточный, деревенька Кобы-

лье, при Советах переименованная в Первомайское, западная, а расстояние между ними три километра. Так вот, в Крайске была церковь, в соседнем местечке, западном, стоял костел из красного кирпича. Я пишу «была» и «стоял» несмотря на то, что и церковь, и костел еще существуют как материальные объекты. Чуть ли не сразу после революции церковь перестала быть церковью, с нее сбили крест, скинули со звонницы колокол. Долгое время она стояла никому не нужной, батюшка перебрался в часовню на кладбище, в ней отправлял службу и отпевал покойников. Потом батюшка умер, и вскоре часовню ограбили школьники во главе с физруком. Баба Зося, моя хозяйка, рассказывала, что физрук вывез из часовни на мотоцикле с коляской много старых церковных книг и образов. «А может, и золото какое вывез, кто ведает?» — обязательно добавляла она в конце своего рассказа. Школьники же, подростки, забавлялись тем, что вытаскивали из склепа истлевших покойников и выставляли в окна часовни черепа на палках.

В войну церковь понадобилась для иного. Вокруг Крайска лежали большие леса, из которых на немецкие гарнизоны нападали партизаны. В какой-то день немцы согнали в церковь жителей Крайска, старых и малых, и во имя нового порядка подожгли ее... Кстати, военные повести и романы Ивана Пташникова как раз об этих местах и об этих людях, он родом из-под Крайска.

После войны церковь была перестроена в клуб. Сделали в ней кинозал, отвели помещение под библиотеку, даже нашлось место для биллиардной. Я застал крайскую церковь-клуб уже в непотребном виде. Ободранные стены, дырявый пол, сырая и холодная библиотека, в которой пропадают книги вместе с хозяйкой. Толстые церковные стены еще стоят, но то, что внутри, гниет, истлевает, гибнет. Собственно, уже невозможно этот клуб переделать и назад в церковь.

А костелу в соседнем местечке, можно считать, повезло больше, ну хоть бы в том, что в нем не жгли людей. При поляках, конечно, он стоял величественный и полный, по праздникам в нем шла литургия, и люди, подходя к нему, снимали шапки. Однако после войны и на его воротах повесили амбарный замок, в ограде вокруг него появились сначала небольшие дырки, детские, потом через них стал проходить взрослый человек, и, наконец, в дыры полезли коровы, по одной, а то и стадом. Из стен, конечно, как бы сами собой начали вываливаться кирпичи, из окон потянуло холодом нежилого, на камнях появилась плесень. А еще через несколько лет веранды в домах вокруг костела засияли разноцветным стеклом. Костельные витражи исчезли, зато заиграли под солнцем веранды, и не исключено, что отделывали их те самые дядьки, которые совсем недавно снимали перед костелом шапки.

Еще раз повторюсь: так где же те силы, что уничтожали наши храмы? А они только в нас самих, и нечего искать врагов на востоке или на западе, в Москве или в Риме. Конечно, тотальное одичание само не приходит, оно распускается пышным цветом на подготовленной, хорошо удобренной почве. Сначала отдается приказ о закрытии храма, потом сгоняется с места поп или ксендз — в некоторых случаях можно дождаться и его смерти, люди, к счастью, не вечны, — и тогда загорается стекло на верандах, а из окон часовни глядят на старые шляхи черными глазницами черепа.

Вот и доигрались, что ни цели впереди у людей, ни духовного поиска, о подвиге я уже и не говорю. А новоявленные духовные пастыри зовут в сытный рай, где главнейший Бог — золотой телец. Какой там будет звучать язык? Да все тот же: звон монеты и блеск бриллиантов.

Именно в связи с этим мне хочется задать вопрос: а такие ли они безобидные, игры с историей, с истори-

ческими фактами? Судите сами. Опровержение факта существования на Руси монголо-татарского ига приводит к выводу, что вся русская история искажена. Если не было этого самого ига, значит, не было и борьбы против него, не было освобождения, которое шло через подвиг, как ратный, так и духовный (деятельность Дмитрия Донского, с одной стороны, и Сергия Радонежского, с другой). Неправильное представление об образовании Московского государства — очевидно, что его расцвет вытекает не из завоевания независимости в борьбе с Золотой Ордой, а из чего-то другого — приводит к неправильному выводу о роли этого государства в историческом контексте. Если его прошлое — не такое героическое и не такое славное, — то мы ошибаемся в оценке его современного существования и его будущего. Государство с лживой историей достойно только оплевывания, не так ли? Вот и плюют со всех сторон. Палитра обвинений самая разнообразная. Демократы с радикалами, выделившиеся из собственно русского населения, нажимают на имперское мышление власть предержащих (от Ивана Грозного до Брежнева). Национал-демократы из республик, еще большие радикалы, подтверждают этот тезис мыслью, что метрополия всегда угнетала провинцию экономически, духовно и физически. Таким образом, империя как историческая реальность должна исчезнуть, и радикалы всех мастей ей в этом помогут. Определенная часть политических деятелей готова пожертвовать целым поколением людей — только ли одним поколением? — во имя довольно-таки абстрактной идеи гуманистического общества. Вероятно, страну-империю и на самом деле можно загнать в лоно западной цивилизации (а где гарантии, что она гуманистична?), но вот только какой ценой...

История всегда требовала к себе уважительного отношения, хорошо было бы не забывать об этом всем тем, кто ее наново переписывает.

Между прочим, Л. Гумилев, говоря о Беларуси, убеждает, что противники «нашей культуры» были не на Волге, а на Висле, и именно с Запада шла самая большая угроза Русской державе. В качестве пострадавших от этой агрессии он называет белорусов: «Как жили белорусы в XIX веке, про это рассказывать не надо, плохо жили...» Тут историк, как это ни странно, смыкается с той самой официальной великодержавной историографией, которую он перед этим опровергал. Действительно, в XIX веке белорусы жили плохо, но к этому моменту они уже долгое время находились в составе Российской империи. А в XVI веке, который во многом можно считать показательным, в Беларуси развилось мощное реформаторское движение, около пятидесяти белорусских городов и местечек имели Магдебургское право. Вероятно, теперь, когда мы мечтаем о переходе к рыночным отношениям, не надо говорить, что это были богатые города, потому что самостоятельные? А всего на территории Беларуси было к тому времени около сорока городов и двухсот местечек. В 1613 году Т. Маковский, который составлял карты Литвы и Беларуси, писал: «Великое княжество Литовское — огромнейшая и богатейшая страна с рыбными прудами и озерами, большими и знаменитыми реками, из которых судоходными являются Хронон, который называется Неман, Рубон — теперь Двина, Борисфенес, теперь в народе званый Днепр, Буг, Припять, Вилия, Березина, Щара, Невяжа, Свислочь, Случь, Лань, В этой стране много лесов, которые дают хорошую добычу в охоте, сборе меда, строительный материал и золу... Немаловажное значение имеют города Троки, Ковно, Гродно, Брест, Полоцк, Менск, Могилев, Новогрудок и их районы, Слуцк, Несвиж и Биржи и одноименные княжества».

А в обобщение всего сказанного о католических и православных храмах на белорусской земле могу еще

раз отметить: костелы и церкви всегда стояли в наших городах, местечках и деревнях, но еще бы немножко, и в XX веке, который во многом явился продуктом нигилистически-атеистических идей социалистов Запада, их, этих храмов, могло не оказаться совсем. К счастью, этого не произошло.

Вот мы и подошли к главному вопросу, который будет занимать наше внимание: создание белорусского этноса. Свою универсальную теорию создания этносов предложил Л. Гумилев. Вот что он пишет в статье «Никакой мистики» («Юность», 1990, № 2).

«Как любое природное явление, этнос дан людям в ощущениях. Когда мы видим человека, принадлежащего другому этносу, мы даже не можем определить, почему он не свой. Но мы чувствуем, что он не свой. Лучше всего такой первый шаг в этой классификации сделали древние египтяне. Они считали, что все люди делятся на четыре породы, то есть большие этнические группы. Себя они рисовали желтыми, негров — черными, семитов с Синайского полуострова, из Аравии — белыми, а ливийцев — красно-коричневыми. Это было уже очень много, потому что греки смотрели на это дело проще: эллины, а все остальные — варвары... Евреи, создавшие замечательный памятник — Библию, делили всех людей на два сорта; обрезанные и необрезанные, евреи и неевреи... Появились римляне, которые завоевали почти всю Западную Европу и Ближний Восток. И тут потребовалась уже более сложная система классификации народов. Правда, они ее строили по эллинскому принципу: римляне и варвары. Но варварами нельзя было считать карфагенян и тех же эллинов. Надо было вносить какие-то подразделения... Потомки римлян в V веке или вымерли, или влачили жалкое существование. И тут возник новый принцип деления: конфессиональный, религиозный. Оказалось, что вопрос не в том, какой ты

человек, а какому богу веруешь. Те, кто верил в Христа, те считались христиане, и все христиане считались одинаковыми. Те, кто почитал Ормузда и ненавидел его врага Аримана, — они назывались персы и называли себя благородными...»

«Для того, чтобы стать членом этноса, мало иметь какие-то черты характера. Это как раз не имеет никакого значения. Нужно войти в состав этноса. Это делается довольно долго. Во всяком случае, ребенок в чреве матери ни к какому этносу не принадлежит. Неэтничен. В течение трех-пяти лет после рождения у него складывается на базе общения этническая принадлежность. То, что для него было близким, знакомым и приятным в первые годы его жизни, — это и определяет его этническую принадлежность. И он никак не может ее изменить. Она ему кажется единственно возможной. И самой лучшей... Вы спросите, что же это за среда.

Надо прийти к одной мысли, которая еще не так давно, лет двадцать назад, категорически запрещалась. Считалась еретической. Биополе. Что такое поле (энергетическое)? Поле — это продолжение предмета за его пределами. Колебания, которые окружают каждого из нас. И если эти колебания настроены в данном ритме, в данном темпе, то человек чувствует себя среди своих... Вот это физическое явление и лежит в основе этнической диагностики».

«Этнос является системной целостностью и возникает в определенном историческом времени, в том или ином веке. Существует примерно от 1200 до 1500 лет и потом распадается в результате неубывающей энтропии — закона всего сущего».

«Он (академик Вернадский. — *А. К.)* сформулировал наличие на Земле биохимической энергии живого вещества биосферы, — особый вид энергии. Природа ее химическая, встречается она только в животных и раститель-

ных организмах... То есть это обыкновенная форма энергии, но специфическая для нас — связанная с жизнью».

Согласимся с манерой высказывания автора, с его системой доказательств, — и попытаемся спроецировать его теорию на вопрос о происхождении белорусского этноса.

Прежде всего надо сказать, что даже с материалистической точки зрения проблема возникновения этносов является одной из самых таинственных (если не мистических). Летописи, самые первые письменные источники, доносят до нас названия тех или иных народов уже как данность: свеи, англяне, ляхи, литва, русь и так далее. Но вот славяне, которые происходят от племени Иафета — этнос это или нет? Может, каждый язык и есть этнос? Да, в любом случае начинать надо с языка.

Существует много доказательств, что «народ славянский от племени Иафета» имел единый язык, понятно, с теми или иными диалектными особенностями. Но эти особенности, видно, первоначально не имели большого значения, и чех понимал серба, а лях дреговича и полочанина. «Повесть временных лет» недвусмысленно говорит, что славяне «прозвались именами своими от мест, на которых сели». Значит, один большой народ с единым языком расселился на огромной территории от Татр до Ильменя и от Двины до Понтийского моря, которое называлось Русским.

В первой части эссе мы уже говорили об общеевропейском языковом единстве, из которого выделились кельты, италики, германцы, иллирийцы, славяне и балты. Эти праэтносы существовали на протяжении долгого времени, но основным признаком их развития было последовательное раздробление, деление на новые этносы. Единое целое распадалось на свои составные. С шестого столетия нашей эры началась интенсивная инфильтрация, проникновение славян в южные и юго-восточные

области балтского ареала. Это столетие в истории известно как время Великого переселения народов, биохимическая энергия которых (по Л. Гумилеву) достигла своей критической точки — и вынудила их к безостановочному движению. Цели многих перемещений племен и народов нам уже никогда не будут известны, но я хочу сказать, что к VI столетию большинство этнических групп Европы уже оформились в целостные единицы, в «народы». Эту мысль подтверждают и византийские источники VII—IX веков. Как мы знаем, многие этноязыковые изменения в центральной Беларуси произошли именно в связи с расселением дреговичей, которых византийские историки называли драгавитами (другавичами). Так вот, оформившись в самостоятельные племена на Балканах, драгавиты-дреговичи в VII—VIII веках двинулись в заприпятские земли. Надо сказать, что драгавиты-другавичи-дреговичи были зафиксированы и среди полабских славян, в связи с чем возникает вопрос: а когда они там появились? Если принять во внимание висло-одерскую теорию прародины славян (а именно она имеет больше всего сторонников среди ученых), то народ драгавитов сначала колонизировал Балканы, затем начал интенсивно действовать в северном и северо-западном направлениях (Ф. Климчук). Осмысливая этот факт, мы сталкиваемся с несколькими вопросами. Почему направление колонизации так резко изменилось с южного на северное? Вынужденный ли характер имела колонизация? Под воздействием каких внешних и внутренних сил она началась? Что осталось от драгавитов на Балканах? И где этому народу искать могилы своих пращуров?

Да, мы очень мало знаем о путях народов, — как и об их (народов) возникновении.

Надо заранее оговориться, что этнос — категория подвижная. Что я имею в виду? Во все периоды своего существования этнос всегда находится в развитии. Сна-

чала этническая общность развивается в направлении выделения ее из еще большей общности — праэтноса. Затем эта общность стабилизируется в системе сложных соотношений с другими этносами, отсюда и переселения народов, и исходы из родных степей, пустынь и гор, и завоевания новых территорий, и просто физическое исчезновение, как в случае с пруссами или ятвягами. Следующий этап — это оформление этнической общности в нацию, когда национальное самосознание становится доминирующим для абсолютного большинства людей, из которых состоит эта общность. Но и тут у нас перед глазами естественный распад таких мощных этнических единиц, как древние греки и римляне. Однако нельзя сказать, что эти этносы-колоссы погибли, исчезли бесследно — на их почве возникло множество других этносов; так что в данном случае тоже можно говорить о выделении отдельного из целого.

Теперь славяне, славянская целостность, которая дала начало могучему русскому этносу, а вместе с ним и великой русской культуре.

Неординарный взгляд на развитие русского этноса высказал известный русский философ Иван Ильин, который был пожизненно изгнан из Советской России в 1922 году. В статье «Против России» (1948 г.) он писал: «Западная Европа нас не знает, во-первых, потому, что ей чужд русский язык. В IX веке славяне жили в самом центре Европы: от Киля до Магдебурга и Галле, за Эльбой, в «Богемском лесу», в Коринтии, Кроации и на Балканах. Германцы систематически завоевывали их, вырезали их верхние сословия и, «обезглавив» их таким образов, денационализировали, Европа сама вытеснила славянство на восток и на юг. А на юге их покорило, но не денационализировало турецкое иго...

Западная Европа не знает нас, во-вторых, потому, что ей чужда русская (православная) религиозность. Ев-

ропой извечно владел Рим — сначала языческий, потом католический, который воспринял основные традиции первого. Но в русской истории была воспринята не римская, а греческая традиция. «Греческое вероисповедание, отдельное от всех остальных, дает нам особенный национальный характер» (Пушкин). Рим никогда не соответствовал нашему духу и нашему характеру. Его самоуверенная, властная и жестокая воля всегда отталкивала русскую совесть и русское сердце. А греческое вероисповедание мы, не искажая, восприняли настолько своеобразно, что о его «греческости» можно говорить только в условном, историческом смысле.

Европа нас не знает, в-третьих, потому, что ей чуждо славянско-русское созерцание мира, природы и человека. Западноевропейское человечество движется волей и разумом. Русский человек живет, прежде всего, сердцем и воображением и только потом — волей и разумом...

Из всего этого выросла глубокая разница между западной и восточнорусской культурой. У нас вся культура — другая, своя; и притом потому, что у нас другой, особенный духовный уклад. У нас совсем другие храмы, другое богослужение, другая доброта, другая храбрость, другой семейный уклад; у нас совсем другая литература, другая музыка, театр, живопись, танец; не такая наука, не такая медицина, не такой суд, не такое отношение к преступлению, не такое чувство ранга, не такое отношение к нашим героям, гениям и царям. И притом наша душа открыта для западной культуры: мы ее видим, изучаем, знаем и когда есть чему, то учимся у нее; мы овладеваем их языками и ценим искусство их лучших художников; у нас есть дар ощущения и перевоплощения.

У европейцев этого дара нет. Они понимают только то, что на них похоже, но даже и это искажая все посвоему. Для них русское инородно, беспокойно, чуждо, странно, непривлекательно. Их мертвое сердце мертво

и для нас. Они горделиво смотрят на нас сверху вниз и считают нашу культуру то ли ничтожной, то ли какой-то великой и загадочной несуразностью...»

Можно по-разному относиться к этим словам русского философа, однако нас в этих рассуждениях интересует прежде всего такое последовательное и целенаправленное разделение восточного и западного начал. Дело в том, что белорусский этнос, который только в XIX веке оформился в нацию (Л. Лыч), волей исторической судьбы всегда существовал на меже востока и запада, на меже леса и степи, на меже православия и католичества. Тем интереснее проследить развитие этого этноса и его возможный конец.

Вначале я уже говорил о том, что этнически белорусы возникли в результате метисации славян и балтов. В Приднепровье этот балтский элемент почти незаметен, зато в Понеманье он очень силен. Но какое из славянских племен оказалось доминирующим в процессе этногенеза белорусов? Мы знаем три больших славянских племени, которые формировали белорусскую нацию: кривичи, дреговичи, радимичи. На берегах Двины, Немана, Припяти, Березины и Днепра они столкнулись с балтскими племенами: литвой, латьголами, делтувой, жемайтами, нальщей, пруссами и ятвягами. Возникает следующий вопрос: а какое же из этих племен было самым многолюдным и самым жизнеспособным? Иначе говоря, какое из них оставило самый значительный след в крови теперешних белорусов?

По моему мнению, процесс зарождения современных белорусов происходил так.

Кривичи и радимичи были потомками племен зарубенецкой культуры, которые занимали громадные пространства по обеим сторонам верхнего Днепра. Вторая часть племен зарубенецкой культуры, которая расселилась по Десне и Оке, пополнила балтское население.

А вот дреговичи, как мы уже знаем, оказались пришельцами. Оформившись в самостоятельную этническую единицу на Лабе, в этой ойкумене всего славянства, драгавиты-дреговичи двинулись на Балканы, где не растворились среди многочисленных племен и народов, но остались самими собой. Через какое-то время они ушли и с Балкан. Не ужились с соседями? Не понравилось южное солнце? Не выработали своего жизненного уклада на склонах Балканских гор? Истинной причины их исхода сейчас не скажет никто, но в IX веке нашей эры драгавиты-дреговичи точно уже были за Припятью. И в связи с этим возникает еще один интересный вопрос — взаимоотношения пришельцев и коренного населения.

Кривичи и радимичи, как мы уже знаем, тоже колонизировали местное население (чаще всего балтское), но эта колонизация не имела никакого отношения к завоеванию. Скорее всего, шел естественный процесс ассимиляции, когда племена (не такие уж далекие по языку и этническим чертам) приходили к общему знаменателю. Отчего побеждал славянский язык? Вероятно, он был более простым и более разработанным (об этом говорил в свое время Адам Мицкевич). Кривичи-полочане далеко раздвинули границы славянского мира в сторону Балтийского моря, радимичи прочно заняли место в междуречье Днепра и Сожа. Об этих племенах легче говорить и по той причине, что они создали самобытную материальную и духовную культуру, одни только города Смоленск и Полоцк чего стоят. Если же принять во внимание все славянские племена, которые заселили к тому времени Восточную Европу, то кривичи вместе с полянами были, пожалуй, самыми многочисленными и энергичными. Поляне далеко оттеснили от берегов среднего и нижнего Днепра тюркоязычные кочевые народы Великой Степи, кривичи, повторяю, приняли в себя большую дозу балтской крови (надо думать, она им не повредила).

Радимичей «Повесть временных лет» подает как прямых потомков ляхов, «...радимичи же и вятичи — от рода ляхов. Были ведь два брата у ляхов — Радим, а другой — Вятко; и пришли и сели: Радим на Соже, и от него прозвались радимичи, а Вятко сел с родом своим по Оке, от него получили свое название вятичи». Радимичи не были такими многочисленными, как кривичи, зато они всегда жили компактной группой в междуречье Днепра и Сожа, интенсивно развивая земледелие.

Из всех восточнославянских племен наиболее интересным был путь, как уже говорилось, у драгавитов-дреговичей. Но прежде чем проследить его, вернемся еще раз к балтам, точнее, попробуем определить место их проживания на территории современной Беларуси.

Начнем, понятно, с литвы, роль которой не только отражается в названии огромного средневекового государства (от Балтийского до Черного моря в XVI веке). С XIV до XIX века литвинами назывались и собственно белорусы, и значительная часть теперешних украинцев, и многие из русских, которые этнически принадлежат к западной ветви восточнославянского древа. Как отзвук этого родоплеменного единства мы можем вспомнить многочисленные фамилии Литвин, Литвинко, Литвинович, Литвинов и т. д. Собственно говоря, литовцами в нынешнем значении слова в те времена были жмудины (жемайты) и аукшайты, две большие этнические балтские группы. Мы уже знаем, какое исключительное место отводилось племени Литва в древнерусских летописях. Историк М. Ермолович считает, что летописная Литва врезалась клином между Полоцко-Менской, Турово-Пинской и Новогородской землями. Рядом с Литвой находилась Нальщанская земля, на территории которой стояли города Ошмяны, Крево, Гольшаны. Далеко за Неманом жили аукшайты, а на северо-запад от Немана — жемайты (центр — Ковно). Латыголы соседствова-

ли с кривичами в придвинском бассейне, но надо учитывать, что древней этнической группой самой Латгалии были и белорусы. Эти латгальские белорусы сформировались, во-первых, из кривичей, которые жили в верховьях реки Зилупе еще в конце первого тысячелетия нашей эры вместе с латгальцами, во-вторых, из тех же кривичей, которые переселились сюда во времена Руси Полоцкой, и в-третьих, из дреговичского элемента, самого подвижного в Беларуси.

Так вот, тот же М. Ермолович недоуменно заметил, что ни одно имя литовских князей не объясняется литовским языком. Это обстоятельство не только удивляло, но и подталкивало к определенным выводам. Писатель Иван Ласков провел лингвистическое исследование, в результате которого выяснилось, что слово «литва» угро-финского происхождения. Как индоевропейское d/h/on (древнеиндийское danu) означало «вода», «источник», «поток», так и элемент «ва» (лит-ва, морд-ва, Моск-ва) в древних угро-финских названиях значил «река», «вода». На территории Беларуси исследователь насчитал тридцать шесть названий рек с элементом «ва» — Зельва, Моства, Прорва, Нарва, Кернава, Лахва и т. д. Исследователь перевел многие названия рек, городов, имена литовских князей. Зельва — дождевая вода, Сож — приток, Ваверка* (река) — бродяга, Жигимонт — страшный человек, Скирмунт — злой человек, Ольгерд — живая краснота, Ягайло — молодой сосняк, отцовская вода (молодой сосняк над отцовской водой?), Вильня — новая река... Название «Литва» И. Ласков перевел как «племя пяти родов».

Конечно, гипотеза И. Ласкова небезупречна, на что резонно указал белорусский писатель из Польши С. Янович. По его мнению, название «Литва» — «Племя пяти

---

* *Ваверка* — белка *(бел.)*.

родов» правильнее было бы перевести как «Пятиречье». А сам угро-финский элемент в этногенезе белорусской нации не первоначальный, а только третий после славянского и балтского. Он же вспомнил польского ученого Яна Чакановского, который на антропологическом материале выявил длительное существование в Жмуди (Жемайтии) значительного угро-финского анклава. Эти же анклавы он находил и на восточной Славянщине. По его мнению, между белорусами и литовцами и латышами существует отчетливая расовая идентичность (нордический тип).

Но при всех ее недостатках гипотеза об участии угро-финского этнического элемента в возникновении белорусской нации является той частью, без которой нет целого.

Таким образом, в конце первого тысячелетия нашей эры на территории современной Беларуси вырисовывается следующая ситуация. К двум большим этническим общностям, славянской и балтской, которые издревле жили на Днепре, Двине, Соже, Немане, Припяти и Березине, добавляются пришельцы — угро-финны (литва), радимичи (лехитская группа из Мазовии), дреговичи (полабские славяне, которые пришли с Балкан). И я не вижу ничего странного в том, что именно эти «пришлые» народы приняли самое активное участие в этногенезе белорусов. Они оказались той самой донорской кровью, которая вызвала пассионарный толчок, а вместе с ним дала начало условно новому этносу. Кстати, возникновение новых этносов именно и есть «перетекание» определенной субстанции из одного сосуда в другой (понятно, с изменением качества этой самой субстанции). Что я имею в виду? Да тех же древних греков или римлян, которые, с одной стороны, исчезли, а с другой — дали начала новым этносам на Апеннинах или в Элладе.

Пришельцы, племена угро-финнов, радимичей и дреговичей, оказались своеобразным ферментом, с добавлением которого в старых жилах потекла новая кровь.

Попробуем подтвердить эти слова новыми фактами. Я уже писал о феномене Новогородокской земли, организующего центра будущего Великого княжества Литовского. Самобытная славянская культура, которая сложилась в IX—XI веках, стала мощным фундаментом, на котором выросло сильное восточноевропейское государство, символами его явились замки Новогородка (Новогрудка), Гродно, Крево, Лиды, Гольшан, Несвижа, Мира и других городов. Но каковы истоки этой культуры? Возьму на себя смелость сказать, что родоначальниками понеманской культуры были дреговичи, которые пришли сюда с Балкан. На рубеже VI—VII веков многолюдное славянское племя полноводной рекой влилось в озерно-лесистую землю Принеманья. Ареал расселения дреговичей можно очертить следующим образом: на юге припятские болота, на западе густозаселенные земли мазуров, братьев по крови, на востоке кривичи, тоже братья, за Неманом и за Вилией, по всему Балтийскому побережью, они сталкивались с мелкими, но многочисленными балтскими племенами. Ни в коем случае не хочу сказать, что все эти заприпятские земли до прихода дреговичей пустовали. Однако очевидно, что большие пущи и непроходимые болота определенным образом сдерживали (до поры) колонизацию этой части Беларуси. Нужна была мощная экспансия, большое людское сообщество, которое захлестнуло бы леса, возвышенности и болота, как весенний паводок, и преобразило бы их.

Да, с приходом дреговичей земля начала менять свой облик. Приблизительно в одно время, на рубеже первого и второго тысячелетий, возникли города: Дорогичин, Мельник, Берестье, Сувалки, Белосток, Городня, Волковыск, Слоним, Новогородок, Несвиж, Клецк, Слуцк, Менск... Почему я включаю в этот ряд города, ко-

торые могли возникнуть и в результате кривичской колонизации, например, Городню, Слоним и Волковыск? Для этого есть основания.

Прежде всего, обращает на себя внимание факт внезапного, «взрывного» возникновения городов в заприпятско-понеманском регионе. Во-вторых, почти все здешние города имели единую планировку: замок, детинец, посад. В-третьих, наиболее древние памятники архитектуры, которые дошли до наших времен, говорят о самостоятельной школе монументального зодчества, отличной, например, от киевской и полоцкой.

Ну и самое главное — ареал распространения так называемых центрально-белорусских городов, язык населения которых позже лег в основу литературного белорусского языка. Изоглоссы этого ареала тянутся с запада на восток, верхняя граница их проходит по линии Белосток — Городня — Новогородок — Менск, нижняя (южная) по линии Берестье — Пинск — Туров — Мозырь — Лоев (здесь сильнее всего видно языковое взаимодействие дреговичей и полян), а третья, самая отчетливая, идет в центре Беларуси от Дорогичина на Ганцевичи и дальше через Слуцк до Рогачева на Днепре. Как мне кажется, центрально-белорусские говоры и были самыми устойчивыми, они меньше всего подпадали под то или иное языковое влияние, и оттого им легче было оформиться в государственный язык.

К сожалению, в современном языкознании нет работ, в которых исследователи попытались бы определить языковые особенности кривичского, дреговичского и радимичского элементов в белорусском языке. Отдельные работы по балто-славянским языковым связям время от времени еще печатаются, а вот исследований на предложенном уровне, диалектно-племенном, нет.

Говоря о взаимодействии и взаимопроникновении славянских и балтских языков, нельзя не остановиться

на терминах «субстрат» и «суперстрат». В языкознании субстратом называются следы воздействия языка коренного населения, которые усвоил язык пришельцев. Суперстрат — это следы воздействия языка пришельцев, которые усвоил язык коренного населения.

Мы уже не однажды замечали, что на территории современной Беларуси испокон века жили как славяне, так и балты. И именно в результате взаимодействия славянских и балтских языков образовался древне-белорусский язык, официальный язык Великого княжества Литовского, которое возникло в XIII веке. Древнебелорусский язык, безусловно, восточнославянский. А литовский, ятвяжский, прусский и латышский — балтские. Кто же из носителей всех этих языков пришельцы, а кто коренное население? Бесспорно, что радимичи и дреговичи пришельцы. Кривичи, хотя бы в рамках двух тысячелетий, коренное население. Балты — тоже коренное, и они в числе первых выделились из древнеевропейской языковой общности. Что и говорить, картина вырисовывается очень пестрая.

Но основное, что мы должны принимать во внимание, — это доминирующая роль кривичского населения на всех пространствах по Днепру, Двине и Березине. А пришельцы дреговичи и радимичи были условными пришельцами, потому что их язык только диалектными особенностями отличался от языка кривичского. Колонизация заприпятских и присожских земель проходила только как их освоение, понятно, с добавлением собственно дреговичского и собственно радимичского элементов. Конечно, никакой вражды между всеми тремя славянскими племенами не было и не могло быть.

Другое дело балты. Сразу бросается в глаза, что балтское сообщество жило небольшими компактными группами, которые только изредка контактировали между собой и с соседями славянами. Это первое. Во-

вторых, те же ятвяги зафиксированы как на Припяти, о чем мы знаем из Галицко-Волынской летописи, так и в восточной Польше и принеманском бассейне. Я. Отромбовский в своей работе «Язык ятвягов» говорит, что «территорией ятвяжского воздействия стала восточная Польша, в состав которой входили Мазовше и Малопольска». Ипатьевская летопись под 1279 годом зафиксировала: «Голод был на всей земле, и в Руси, и у Ляхов, и в Литве, и у Ятвягов. После этого ятвяги прислали послов своих к Владимиру, говоря: «...подкорми нас, пошли, господине, нам жито свое продать, а мы его купим и дадим чего захочешь, воску ли, белок ли, бобров ли, черных куниц ли, также и серебром отдадим». Князь удовлетворил просьбу: «Послал к ним жито в лодиях по Божьей воле с людьми с добрыми».

Таким образом, мы можем сказать, что в XIII веке ятвяги занимали значительную часть территории современной Беларуси и Польши, но позже упоминание о них из летописей практически исчезает.

Теперь возьмем пруссов. Под 1276 годом та же Ипатьевская летопись сообщает: «Пришли Пруссы к Тройдену из своей земли, не хотя неволи от немцев. Он же принял их к себе и посадил часть их в Городне, а часть их посадил в Слониме». Правда, под пруссами Я. Отромбовскнй понимал ятвягов, и он же считал, что последними потомками ятвягов являются литовцы, которые живут в околицах Дятлово (Беларусь). Но как бы там ни было, со временем наименование пруссов тоже исчезло из летописей. Они, как и другие балтские племена, постепенно растворились, вошли как составная часть в восточнославянское этническое единство.

Значит, на территории Беларуси значительная часть коренного (балтского) населения усвоила язык пришельцев (славян), и мы можем говорить только о явлении субстрата, это значит, о следах воздействия языка бал-

тов, которые ассимилировались, на язык славян, которые приняли их в себя. Подтверждается теория, что белорусы — балтославяне, но обязательно надо ставить акцент на преимущественной роли славянского элемента в их этногенезе.

Собственно, все вышесказанное позволяет нам лучше понять историю возникновения Великого княжества Литовского, славяно-балтского государства, в котором сформировалась одна из трех ветвей восточнославянского древа — белорусская.

И мы опять пришли к языку как к главной компоненте этноса. Киевская Русь, несмотря на ее племенную пестроту, была государством с единым языком — древнерусским. Великое княжество Литовское, которое объединило литовскую, жемайтскую, новогородокскую и полоцкую земли, тоже взяло как официальный старобелорусский, а чуть позже, когда к нему присоединились другие земли Киевской Руси, и староукраинский языки. Оба эти языка в те времена назывались «русским» языком. Этнически Киевская Русь была более-менее однородной, а вот уже в Великое княжество Литовское входило несколько этносов. Официальный язык Великого княжества показывает, какой из этносов был доминирующим. Русь (кривичи, дреговичи и радимичи) создала это государство, она же дала ему свой язык. Кстати, собственно литовский язык долгое время оставался бесписьменным, не зафиксировано на нем ни светской переписки великих князей, ни летописей. Таким образом, в наличии два бесспорных факта: 1) государство называлось «Литовским» и великими князьями его были только литовцы; 2) экономическое могущество и культурная особенность этого государства брали начало в Киевской Руси, и государственный язык, а главное, язык судопроизводства, был в нем белорусский. Немало копий было сломано вокруг этой двойственности, ломаются они и сейчас.

Теперь я хочу остановиться на развитии белорусского этноса в рамках трех государств: Киевской Руси, Великого княжества Литовского и Российской империи. Конечно, многие из этносов проходили через разные государственности, но вряд ли найдется еще один, который, подобно белорусскому этносу, формировался на меже востока и запада, на меже католичества и православия, а вместе с этим — на меже славянской и балтской праоснов. Что помогало этносу оставаться самим собой на протяжении столетий? Мы ведь знаем, что Корона смотрела на белорусов как на плохих поляков, российский двуглавый орел видел в них «плохих русских», а с точки зрения третьих, людей со стороны (иностранцев), белорусы были непонятными литвинами, чем-то средним между поляками и московитами — и ничем больше. Так вот, Ф.М. Достоевский в 1864 году написал: «... народная вера в себя и в собственные силы — совсем не застой, а, наоборот, залог жизнестойкости и энергии жизни и совсем не исключает прогресса и всяческих успехов. Без этой веры в себя не выстоял бы, например, на протяжении веков белорусский народ и не спас бы себя никогда».

Сразу привлекает к себе внимание факт, что, начав формироваться довольно рано — с XIII—XIV веков,— национальное самосознание белорусы приобрели только в XIX веке, когда появилась собственно белорусская литература и когда идеи национального освобождения вылились в восстание 1863 года. А что же происходило на этой земле на протяжении шести веков? Все опять упирается в необычность местонахождения белорусов (литвинов) в пространстве и времени. Восточные славяне выковывались (в широком смысле) на границе Леса и Степи, отсюда, вероятно, их особая динамичность, здесь коренятся первопричины их миграционных путей. А западная ветвь восточнославянского древа (белорусская)

подпала под сильное воздействие двух родственных, но тем не менее враждебных конфессий: западно- и восточнохристианской. Постоянное столкновение этих конфессий придавало белорусам, во-первых, особую ментальность, а во-вторых, создавало хорошую питательную среду для идеи религиозной унии. Надо учитывать, что идея унии всегда инициировалась со стороны Ватикана, она рассматривалась им как первый шаг к католизации многих миллионов белорусов и украинцев. Православная же церковь ожесточенно сопротивлялась унии, справедливо видя в ней отрыв этих же миллионов от истинной церкви.

Но вернемся к размежеванию в белорусском обществе. Родовитая шляхта, в руках которой была власть (не только светская), в зависимости от обстоятельств ориентировалась на восток или на запад — там и привилегии, и деньги, и великие дела. Вспомним, сколько славных имен белорусского происхождения составили гордость польской или русской культур: Симеон Полоцкий, А. Мицкевич, М. Каялович, М. Огиньский, А. Меншиков, М. Глинка, — их множество. Но дело даже не в этом. В связи с непрестанной борьбой восточного и западного начал происходило распыление центральной власти, и великие князья вынуждены были идти на одну унию, вторую, третью. С 1385 года (Кревская уния) до 1596 (Брестская) было провозглашено целых шесть уний, и самая важная из них Люблинская (политическая) 1596 года. Все эти унии искали согласия, а на деле создавались новые Сцилла и Харибда — для белорусов. И, тем не менее, народ существовал, В чем причина? А в том первоначальном соединении, из которого вырастает этнос. Сплав кривичского, дреговичского и радимичекого племен с угро-финскими и балтскими элементами оказался жизненно перспективным и крепким. Этническая сопротивляемость белорусов позволила им остаться бе-

лорусами и в разных конфессиях, и в разных государствах. Но издержки, которые накапливались с каждым историческим промежутком времени, очевидно, достигли своей критической массы. В конце XX века белорусский народ почти утратил свой язык, а язык, по выражению одного из основателей белорусской литературы Ш. Ядвигина, — это «кровь народа». Значит, переливание крови произошло? Не будем спешить ставить точку. В данном случае наша задача как можно глубже осознать прошлое, чтобы с его помощью овладеть будущим.

В последнее время проявилось очевидное возрождение интереса к происхождению этносов в целом (труды Л. Гумилева), к этногенезу славян в частности (лингвисты В. Мартынов, Ф. Климчук, В. Топоров, О. Трубачев, историки и археологи Л. Лыч, Л. Поболь, В. Исаенко, М. Пилипенко). Конечно, происхождение этносов должно изучаться во взаимодействии разных наук: истории, языкознания, географии, археологии, биологии, психологии. Возьмите тот же белорусский этнос. Разве можно не учитывать в его формировании такое обстоятельство, как леса и пущи? Лингвист О. Трубачев убежден, что Беларусь в ее современном виде невозможно было заселить ни с запада, ни с юга. По его мнению, на пути любых племен между Беларусью и Польшей, а также по Припяти непреодолимой стеной вставал первобытный лес. Значит, и дреговичи, и радимичи пришли в Беларусь с востока. Но какой же лес мог испугать племена, родина которых именно лесные пространства Европы? Мне кажется, в данном случае мы имеем дело с натяжкой. Любой первобытный европейский лес все же не амазонская сельва, славяне (как и балты, и угро-финны) чувствовали себя в нем достаточно свободно, так что заступить им дорогу могли разве что пустыни или поднебесные горы. А что писали о славянах византийские историки? Люди леса, не больше не меньше. В лесу живут,

лесом спасаются, врага бьют намного лучше в лесу (никак не в поле), видом своим напоминают лесных (лесовиков?). Так что же для этих племен первобытный лес — дом или что-нибудь иное?

В конце концов, откуда бы ни шло заселение Беларуси дреговичами, радимичами и кривичами, славянский корень этого этноса не вызывает никакого сомнения. Каковы основные фенотипические черты белорусов? Вот что писал об этом в своем очерке «Земля под белыми крыльями» Владимир Короткевич: «Типичного белоруса я довольно легко отличу среди прочих, хотя бы он еще не сказал ни единого слова (когда скажет, тогда уже, даже если он говорит на другом языке и без акцента, его легко узнать по особому построению предложения, по тому, что, сколько воздуха набрано в легкие, столько и отдано, щедро, до последнего, даже с лишними словами, чтобы мелодия предложения была завершена. Он не скажет: «Чем это кончится?», а скажет: «Так чем, может, уже вы мне скажете, кончится это — а, может, скажете вы?»

Это то, что в облике почти неуловимо. Пересказать его трудно. Оно в форме носа, ушей, в глазницах и разрезе самих глаз, в манере двигаться, жестикулировать, говорить, да мало ли еще в чем. Северный белорус ростом преимущественно высокий (не редкость верзилы под два метра). На юге часто попадаются люди среднего роста, более приземистые (повторяю еще раз, что это не общий закон, а только наиболее распространенные черты), зато более кряжистые...

Чернявых среди белорусов немного. Чаще всего они встречаются в Полесье, на юг от Припяти и, отчего-то, преимущественно среди мужчин, да еще в некоторых местах на Гродненщине («Гродненцы — грачи»), что часть ученых объясняют остатками примеси древней ятвяжской крови. Преобладают в Беларуси волосы

светло-русые или даже белые. Темно-русых и шатенов меньше. Соответственно и цвет глаз чаще всего голубой, серый или синий.

Черты лица мягкие, сложение кажется на первый взгляд немного хрупким, но эта хрупкость обманчива. Проявление внешней силы, которая изумит на минуту, да и свянет, заменяются здесь выносливостью, жиловатостью, тяговитостью. Там, где другой может опустить руки, белорус будет тянуть. Иначе, в древние времена, человек просто не выжил бы среди этих дремучих лесов и необозримых болот, на этой скуповатой земле. И закалка эта осталась в его характере на века».

Что ж, писательскому взгляду присущи непосредственность, независимость и, конечно, меткость. А главное, Короткевич действительно нарисовал типичного современного белоруса, который происхождением оттуда, из времен кривичско-дреговичско-радимичских. Правда, лично я к этому добавил бы еще кое-что. Ну, хотя бы интонацию произношения белоруса, вопросительную. Ей-богу, наш брат белорус концовку любой фразы так затянет, что и чужой человек вместе с ним, бедолагой, непременно удивится: а и правда, есть ли кто-нибудь в хате-е?..

А что уж свистящие и шипящие согласные... Запиши на магнитофонную ленту любого белоруса, даже и того, кто уже хорошо научился «говорить по-рюски», и подумаешь, что магнитофон тебе попался из рук вон. Видно, родившись среди болот, мы и шипеть стали подобно тамошним пестрым змеям.

Мне повезло, что сызмала я жил в разных местах Беларуси,— а значит, видел и разные типы земляков. Родился я на севере Полесья, в Ганцевичах, некогда знаменитом болотно-лесном крае. Еще в не столь давние времена Ганцевичи со всех сторон обжимал могучий лес (верно, тот самый, которого побоялись, по О. Тру-

бачеву, дреговичи), вывозили его и поляки, и немцы, но уже на моей памяти вдруг запылала длиннющая эстакада вдоль железной дороги, — и леса уже осталось только на дрова. Здешний полешук у людей, которые им руководили — а известно, что после войны сюда на руководство съехались со всего Союза — считался мужиком упрямым и недалеким. Кажется, и выслушает все, и согласится, хмыкнет-сплюнет, сдернет с головы шапку и опять наденет, — а сделает все по-своему. На хуторах сидел до последнего. Можно сказать, давно закончилась коллективизация, постаскивали на центральные усадьбы всех старых и малых, отрапортовали начальники в центр, что задание выполнено, — и где-нибудь под Раздзяловичами сидел в осаде последний хуторянин. Под Раздзяловичами сидел, под Мальковичами, под Хатыничами, даже под Денисковичами, а это уже совсем близко от Ганцевичей. Их, этих тараканов-сидельцев, и в рапорты не включали, нехай они провалятся, болотяники. Но ведь недаром наша власть считает, что на каждого вредителя есть своя отрава. Нашли. Не взяла коллективизация — пустили на хуторянина мелиорацию. Да так хорошо пошла! Высыхает болото — горит с ним и хутор, только треск стоит. Другой человек и скажет: все, конец полешуку-хуторянину, черта лысого ему на голой земле выжить, — но я пока с эпитафией не спешу. Вот уже и атомную атаку провели вслед за мелиорационной — и все равно я молчу. Почему? А своих земляков знаю. «Помирать собирайся, а жито сей» — вот их принцип. И сеют, и подновляют хутор, и выживать будут с таким упорством, что когда-нибудь напишут о них: не должны были бы выжить при таких дозах радиации и на такой искалеченной земле, но выжили. Про полешука сказано: сдается, не из черта он, а такой дюжий.

Так вот, родился я в Ганцевичах, крестился в Денисковичах, но корень мой все же не из этой земли. Мать

родом с поселка Вишенский, что под Костюковкой, батька из деревни Велин из-под Речницы. Восточные. Если Вишенский — название самое обычное, говорит оно про хаты, стоящие рядом в тени вишняков (на Гомелыцине — вишенников), то про днепровскую деревню Велин можно сказать чуть больше. Некоторые лингвисты считают, что три-четыре тысячи лет назад на огромном пространстве от Беловежи до Днепра (и дальше) жило многолюдное балтское племя велин. Возможно, оно на самом деле было балтским, это племя, но другие исследователи, лингвисты и археологи, говорят, что в те времена существовало балто-славянское языковое (и этническое) единство, из которого сначала выделились балты, за ними славяне. Но как бы там ни было, деревня Велин до сих пор стоит на высоком берегу Днепра. Над хатами шумят тополя и вербы, внизу, на заливном лугу, остановилась вереница утомленных дорогой осокорей, шли-шли куда-то не одну сотню лет, — наконец устали. Над водой кричат чибисы и чайки, изредка бьет в омуте жерех, летит вниз по воде цапля. Сколько тысяч лет прошло, а деревня Велин стоит. И могилы на высоком берегу. Под плакучими ивами и развесистыми березами лежат в песке мои деды и бабки. Я хоть и не жил в этой деревне ни одного дня, но корень свой чувствую сильно. Да и как не почувствовать, если уже на Гомельском железнодорожном вокзале встречаю одного похожего на себя человека, второго, а вон и третий. Л. Гумилев пишет, что признаком этноса надо считать стереотип поведения и ничего больше. Я же, встречаясь на Днепре или Соже со своими двойниками, добавляю к этому сначала язык, затем чувство национального самосознания и последней — родовую принадлежность.

Всего несколько лет, с десяти до четырнадцати, прожил я в Речице. Видно, это не самые важные годы в человеческой жизни, но и не последние. Во всяком случае,

чувство реки, любой реки, осталось со мной с Днепра. Речная вода меня волнует, затягивает, мне понятны ее звуки и запахи, и вижу я рыб, которые скользят в рыжевато-зеленой глубине. Днепро, главная река восточных славян, протекает в моем сердце всегда. Да, родовую принадлежность я чувствую только на Днепре.

А вот национальное самосознание пришло ко мне, если так можно сказать, в Новогрудке, Новоградке, Новогородке.

Последние мои школьные годы прошли в городке, который действительно стоял на груде (холме), вот только ни груд давно уже не был новым, ни черепичные крыши на домах старой постройки, ни мостовая, которая постепенно затягивалась асфальтом, неровным и каким-то очень слабым перед здешними дождями. Школа стояла на улице Мицкевича, неподалеку в сквере скромно ютился сам дом-музей Адама Мицкевича, в то время бедный и неказистый, еще дальше, под замковыми стенами, стоял костел, в котором великий Адам крестился, и оттого, наверно, костельный шпиль с таким гонором утыкался в небо. Но ведь кроме имени Адама Мицкевича, которое было повсюду (во всяком случае, для меня), над городом возносились руины древнего замка, и даже по этим развалинам было видно, что некогда замок был из самых могучих. Костелы, церкви, крамы-магазины на центральной площади, которые толщиной стен и узкими окнами очень напоминали оборонительные сооружения, старые деревья в парке под замком, дорога на знаменитое озеро Свитязь, покатые холмы, поросшие соснами и дубами, в белом мху под ними черные с шоколадной пыльцой шляпки боровиков...

Тени предков угадывались среди дубов, на заброшенном замчище. В беседке над посеребренной водой Свитязи сидела с книгой в руках если не сама паненка Марыля, то ее правнучка. Порой на улицах город-

ка слышалась польская речь, туристы гуськом тянулись на курган Мицкевича, и чуть не каждый день по нашему огороду проходил долговязый войт (староста) — рассказывали, что он сторожит свою землю, которую отобрали большевики, — но у меня никогда не возникала мысль, что эта новогородокская земля, с легким флером польщизны, чужая. И замок, и Мицкевич, и войт, который хоть и ругался по-польски, но сам с собой говорил только по-белорусски, — все было своим. Как написано в белорусско-литовских летописях, на горе красной в четырех милях от Немана встал столец Великого княжества Литовского, нашего первого государства, — и это уже не вычеркнуть. Именно на здешних холмах оформилась государственность белорусов, а государственности без национального самосознания не бывает. Другое дело, что это самосознание прошло своеобразный путь. В XIII—XIV веках оно проявилось (пассионарный взрыв Л. Гумилева). В XVI веке достигло своего пика (так называемый «золотой век»). В XVII—XVIII веках произошел постепенный, но неуклонный спад, когда терялись привилегии белорусской шляхты и мужик загонялся в крепостное ярмо, когда запрещались язык и национальная одежда (за то, что человек появлялся в шляхетской одежде в государственном учреждении, могли потащить в суд), когда само упоминание о Литовском государстве искоренялось не только из документов, но и из памяти. Сами же литвины стали называться белорусами, и это породило большую путаницу в дальнейшем. Все, что было связано с «Литвой», перешло на балтскую ветвь балто-славянского древа. Сначала исчезла разница между литвинами и литовцами, затем между литовцами и аукшайтами и жмудинами, а в результате Великое княжество Литовское было объявлено собственно литовским государством, летувисским, в котором славянский элемент был вторичным. Противо-

поставление Руси и Литвы, как это ни странно, было выгодно всем, востоку и западу, оно сознательно подогревалось католическим и православным клиром, его вводили как данность в ортодоксальную науку московские и варшавские ученые. Примитивизация истории часто бывает удобным и действенным средством в борьбе за сферы влияния, каждый раз мы сталкиваемся с ней и удивляемся как чему-то новому.

Но вернемся к национальному самосознанию белорусов. В XIX веке произошел новый толчок народного волеизъявления (опять пассионарность?). Выявилась определенная консолидация шляхты с крестьянством (восстание 1863 года), возникла литература, и к началу XX века вновь созрели условия для возникновения белорусского государства. Мы не будем затрагивать вопрос о формах государственности и о путях ее возможного развития в рамках тогдашней политической ситуации в Европе. Отметим только, что временной промежуток национального возрождения в Беларуси был необычайно коротким, и сразу за ним начался очередной упадок, размеры которого можно сравнить только с тотальной катастрофой. Глубина атрофии национального самосознания белорусов, конечно, была отягощена теми условиями, в которых оказался народ в XVII и XVIII веках. Экономическое и национальное угнетение страшно не в своих повседневных проявлениях, а в перспективе, сейчас это можно сказать определенно.

Таким образом, к концу XX века белорусский народ как этнос достиг той нижней критической точки, за которой отчетливо видится его самоликвидация. В чем она проявляется? Прежде всего, в утрате своего языка. Второе — в размывании национальных традиций. Третье — в отказе от национальных амбиций, от борьбы за место под солнцем. И четвертое — в равнодушии к своей земле. Физически же белорусский этнос какое-то время еще будет существовать в рамках восточнославянского этно-

са, который сейчас носит название «русского». Значит, вспоминая нашу «Повесть временных лет», приходишь к мысли, что все возвращается на круги своя? «По размещеньи же столпа и по разделеньи языкъ прияша сынове Симове въсточныя страны, а Хамове сынове прияша западъ и полунощныя страны. От сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ словенескъ, от племени Афетова... От техъ словенъ разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше на которомъ месте».

Что ж, был когда-то один славянский народ — и мы к нему возвращаемся? Припоминая эту цитату, невольно соглашаешься, что классики марксизма-ленинизма в своем прогнозировании будущего общества, в котором все народы сольются в один, были недалеки от истины...

Но даже их «гениальные» предвидения, к счастью, имеют склонность к самоликвидации (это говорит о том, что в человеческой мысли вместе с ее величием заложена и неполноценность, так сказать, первоначальная «напрасность»). Национальные процессы приобрели новое качество не только в нашей стране, бывшей и нынешней, но и во всем мире, и не оказались ли мы в конце одного и в начале следующего спирального витка в развитии человечества?

Народы появляются и уходят, и на месте цивилизаций простираются пустыни.

И тем не менее, белорусы еще существуют в границах своего государства. В. Короткевич показал нам типичного белоруса, которого он узнает среди многих других людей, я же к его портрету хочу добавить только одну деталь, но, как мне кажется, немаловажную. Давно определено, что в обрисовке национального характера не последнее место занимает юмор. Действительно, только через юмор мы можем разглядеть сущность народа, потому что в нем, юморе, мы смотрим на мир гла-

зами того, кто смеется и над кем смеются. Да, настоящий юмор — это умение смеяться сначала над собой, а уж потом над соседом.

Что касается белорусов, мне кажется; начав смеяться над собой, они на этом и успокоились. Еще соседа в деревне наш человек иной раз зацепит, а уж соседа-русского, соседа-украинца, соседа-литовца, даже и поляка-соседа не оскорбит никогда. Видно, в этой особенности проявился исключительный эгоизм белоруса, занятого только собой, да своим хозяйством, да детьми, ну и женку раз в год вспомнит. «На этом свете ни в ком правды нет ни грошки, только у меня, да у моей женки трошки». Правда, и женки своих мужиков не больно... «Что вы, мои детки, если б я на вашего батьку надеялась, я бы вас не имела». Но, повторяю, в абсолютном большинстве случаев наш человек занят только собой. Да и занят, как бы это сказать... «На безлюдье и мы люди», — вот и весь гонор моего земляка. И все-то этот человек оправдывается, прощения просит, кланяется по три раза одному столбу, «каб же я кому когда что якое, а то ж никогда никому ничего ниякого». Ну что тут скажешь — слепил Бог душу, ни в пень, ни в грушу.

Я долго думал над природой нашего мужицкого юмора, сопоставлял его с юмором соседей, тех же поляков и украинцев — и постоянно возвращался к тому, с чего начинал: единоличие. Хуторянская психология неизбежно сводила все рассуждения человека, молодого и старого, к одной особе — к себе, любимому. Встретился человеку святой на дороге — а какую из этого можно иметь выгоду? Может, святой этот вспашет ему поле, чтоб доброе жито выколосилось? Или хотя бы золотовку даст, чтоб заглянуть в корчму?.. Самой типичной шуткой о нашем мужике я считаю вот эту.

Стоит мужик и задумчиво смотрит, как горит его гумно. А оно хорошо горит, с треском, диво ли — весь урожай в гумне, жито, пшеничка, овес, ячмень, горох.

Даже немного гречки было, ишь как гречневой кашей припахивает. Мужик смотрит, лезет в кисет за табаком — хоть закурить без кресала, вон как угольки стреляют, — и вдруг поворачивается к соседу, который, конечно, стоит рядом, сочувствует:

— А, Микола? Но ведь и мышей, скажу я тебе, ляснуло!

И в этом весь он, мужик-хуторянин. Осмотрелся, оценил, прикинул — и нашел-таки для себя наибольшую выгоду. Щемило, видно, сердце, когда слышал он в гумне мышиную возню. День и ночь грызли, паразитки, зерно, жрали, как не в себя, — нехай вот теперь погрызут.

Таким образом, с психологическим моментом в белорусском юморе мы разобрались. Вторая же его особенность, которая тоже сразу бросается в глаза, это то, что он рождается из ничего. На что нам что, когда у нас вот что. Что что? Да то самое. Непонятно? А с этим, простите, уже ничего не поделаешь. Так, дак так, не так, дак поменявши. Дошло? То «что» меняется на это «что».

Опять не ясно?! Объясню на пальцах. Например, есть два абсолютно разных живых существа: конь и свинья. Наверно, доводилось видеть? На конях сотки распахивают, бульбу возят, дрова, сено. Свиньи же в закуте хрюкают, перед колядами из них колбасы, пальцем напиханные, делают, окорока, может, кто-нибудь и пробовал. Так вот, конь и свинья. Наш мужик, тот самый хуторянин, подойдет к любому городскому человеку и растолкует: что конь, то не свинья.

По-моему, разобраться можно. Конь большой, ноги длинные, хвост, грива, ест траву и ячмень. Свинья толстая и на коротких ногах, хвостик баранкой или завитушкой, как кому нравится, ест все, что выковыряет из земли лычом. Конь ржет, свинья хрюкает либо визжит. Наш мужик поднимет палец вверх и скажет: что конь, то не свинья.

Из этого же «ничего» родилась и такая вот поговорка: что два, то не один. Кое-кто, услышав ее, начнет объяснять: мол, имеется в виду брак, рождение семьи. Два человека, сначала просто хлопец и просто девка, чуть позже муж и жена, пара, объединение которых освятил Господь, в сравнении с одним человеком, даже самым умным и самым красивым, приобретают новое качество, которое ставит их выше одного человека (выше одного хуторянина!). Пара выше единицы. Категорически с этим объяснением не согласен. Мой пращур, тот самый белорус, который впервые доказал себе и всему свету, что два — это не один, как раз и имел в виду отличие цифры «два» от цифры «один». Что два, то не один, и делайте что хотите, только оставьте человека в покое. Первобытный примитивизм? Ну и пусть, когда-нибудь ведь мы должны вернуться к себе первобытному...

На протяжении многих веков существования каждый этнос несет потери, но не дай Бог дожить конкретному человеку до понимания, что он уже имеет совсем мало общего со своим не столь уж давним предком. Человек со своей мужицкой мовой, со своим умением делать колбасы и окорока, умением коптить паляндвицу (да и мало ли еще каким умением?), со своей психологией «сидельца на отрубе», который горбатится на небольшом, но своем, поле, который держит коров и коней (своих), который разводит пчел (божьих, но ведь и своих), человек с особенным, не похожим на какой-то другой, выговором (интонация вверх, свист, шип, всегда твердые «р» и «ч»), с юмором тоже очень своеобразным, — этот человек остался в прошлом. Нет, еще встречаются по деревням деды и бабки, умеющие рассказать сказку и немного поворожить, но в большинстве своем современные белорусы говорят, шутят и ворожат по-другому. Я даже сказал бы: поют с чужого голоса.

Разница между тем и этим белорусом, как мне кажется, настолько большая, что, читая, например, повесть

Александра Погосского «Господин колодник» (родился писатель в 1816 году в Полоцке), уже ему и не веришь. «Такой красотой одарил Господь бедную сторонку нашу, что куда ни глянь — даже душе светло: леса тенистые, воды светлые, холмы да пригорки будто золотом посыпанные, луга, как ситец дорогой — всякими цветами пестрят, и почти из-за каждого веселого перелеска видится будто кусок зеркала — край синего холодного озера. А воздух чистый, легкий; небеса бестуманные, и с каждым ветерком несется тебе какая-нибудь душица приятная: то смолка слышна из сосняка густого, то клевер сладкий от зеленых лугов, то можжевельник да черемуха пахнет!.. И очень простые и задушевные все наши люди, и у каждого лицо веселое, сердце доброе, да немного же ему надо — чуть поотляжет горе, едва промелькнет радость — все забыл! Хлебца краюха да миска колотухи гороховой — вот и все. А если при этом пива полгарнца, да загудит дуда — все вон:

Ходи ты, ходи я,
Ходи, печка, ходи все!..

Да так он, наш брат белорус, и дома, и в гостях, так и зовется; голый да вострый! Ну, да и любит же он свою бедную красавицу, — свои пески теплые, боры шепотливые, речки звонкие, озера тихие, любит он, как сын мать, свою убогую родину».

Не та земля, не те люди... Не кто иной, как благодарный сын, ставит атомные станции на своей земле, осушает болота и обваловывает реку Припять, — и он же отрекся от своей мовы.

Да, дело именно в том, что почти весь XX век белорусы перемалывались в чудовищных жерновах специфической социально-экономической системы. В журнале «Expresse» было напечатано интервью с русским писа-

телем-эмигрантом Александром Зиновьевым (который, кстати, одинаково критиковал коммунистическую идеологию и западную демократию). Вот небольшая выдержка из этого интервью:

«*Жорж Нива*. В СССР в двадцатых годах говорили о культурной революции и о создании нового человека. Вот как вы думаете: сегодня «новый» человек вытеснил старого?

Александр Зиновьев. Уже появились миллионы людей, адекватных советской системе. Я не идеализирую: это довольно-таки отвратительное создание, способное и на лучшее, и на худшее, но оно умеет хорошо приспосабливаться. «Гомо советикус» — это существо наученное. Сегодня система держится только благодаря «гомо советикус». Это новое существо, которое знает, как оно может выстоять в этой публичной драке».

Духовный упадок белорусского народа во многом и объясняется адекватностью подавляющего большинства его представителей системе, которой не нужны народы как таковые. Казалось бы, нет уже системы, но «гомо советикус» по-прежнему существует. Вчера был мужик-пахарь, мужик-философ, мужик-острослов, сегодня он неизвестно кто, и разница между ними больше, чем между черным и белым цветами.

Рассуждением о «белой» и «черной» сущности белорусов, прежних дреговичей, кривичей и радимичей, затем литвинов, я и закончу.

Между лесом и степью

Споры вокруг происхождения названия «Белая Русь» (Беларусь) ведутся уже на протяжении нескольких столетий, и не видно, чтобы вопрос этот был закрыт исследователями раз и навсегда. Я не однажды подчеркивал, что белорусский вопрос осложнялся несколькими обстоятельствами, важнейшее из которых — пограничье востока и запада, пограничье географическое, конфессиональное, этническое (славяне и балты). Узел, который завязался на этой земле более тысячи лет назад, легко не развяжешь. На политической карте мира есть несколько регионов, где соединение и меньшего числа проблем рождает постоянные конфликты и войны. Беларусь, бесспорно, стоит в ряду критических точек, что подтверждают не только Вторая мировая война, но и Чернобыль, явление мирное, а оттого еще более страшное. Но, идя к истокам, что мы и пытаемся делать на протяжении всей книги, нельзя не коснуться именно этого аспекта — происхождение названия. Почему — Белая Русь, которой как бы и противостоит Русь Черная? Почему — белорусы вместо прежних литвинов? В чем разница между белорусами, русскими и украинцами? И единым ли было Великое княжество Литовское с таким разным этническим составом — славянами, балтами и угро-финнами? В чем истоки подобной трансформации — Литва, Белая Русь, Северо-Западный край? Вопросы можно было бы ставить бесконечно, но пока остановимся на этих.

Не вызывает сомнения, что название «Белая Русь» надо выводить из Руси Киевской. Вероятно, это единственный факт, с которым согласится любой исследователь. Мы уже говорили, что по А. Кузьмину только на территории Восточной Европы существовали четыре «Руссии» — в среднем Поднепровье, Прикарпатье, Причерноморье и на побережье Каспия. Кроме этого, в четырех местах известна «Русь» в Прибалтике (в том числе и в устье Немана, отцовской реки белорусов), упоминается она на Балканах и в Мордовии. Но Белая Русь, наша, происходит только из Руси Киевской, здесь вопросов нет.

А вот дальше начинаются недоразумения. Киевская Русь — понятно, Московская — тоже, с Литовской Русью все более-менее ясно (под Литовской Русью в первую очередь понимается принадлежность к Литовскому государству; русь, которая живет в Литве).

Так вот — Белая. Самое простое направление в рассуждениях об этом определении в отношении к Руси — этнографическое. Белая оттого, что жили в ней преимущественно светловолосые люди (белые), да и одевались они во все белое. Действительно, загляните в альбом «Белорусская народная одежда», там вы увидите белые рубахи, белые юбки, белые намитки (головные уборы), и рушники в большинстве своем тоже белые, шляпы, валенки... Белая с красной оторочкой одежда. А вот насчет белых волос... Да, белокурые люди у нас встречаются, где-то пополам с чернявыми, а так преимущественно русые, русоволосые (не отсюда ли название «русы»?). Значит, с первой гипотезой мы разобрались: страна, в которой живут бело-русые люди (а в Черной Руси, что понад Неманом, вероятно, черно-русый люд).

Второе направление рассуждений — географически-политическое. Белая Русь потому Белая, что независимая. Хан Батый завоевал Рязанскую, Владимир-

скую, Киевскую земли, а вот Полоцкая земля устояла. Белая — значит, вольная, независимая, свободная от дани монголо-татарам, не приезжали в ее города и селения баскаки за ясаком, не надо было идти ее князьям в приемные сыновья в Сарай к хану, чтобы получить ярлык на княжение. Таким образом, существовала Русь, захваченная татарами «погаными», и была Белая Русь, независимая.

Третье направление — конфессиональное. Соотносительно с понятием «конфессиональность», принадлежность к той или иной церкви, «белыми» назывались племена и народы, которые не были окрещены. Византийский император Константин Багрянородный называл белых хорватов «белыми» потому, что они жили по языческим обычаям, поганским, не хотели принимать крещения ни от востока, ни от запада. Рассматривая принцип конфессиональности, некоторые исследователи считают, что в XII—XIII веках Белая Русь в сравнении со всей остальной Русью была языческая. Но надо сразу сказать, что это суждение ошибочно. Археологические раскопки свидетельствуют, что как в Белой Руси (восточной части современной Беларуси), так и в Черной (западной) уже в XI—XII веках стояли православные храмы. Процесс христианизации всей Киевской Руси проходил стремительно и величественно, недаром три Софии почти одновременно вознеслись в трех главных городах — Киеве, Новгороде, Полоцке. Другое дело, что крестьянская часть населения могла равнодушно относиться к христианской идее (чтобы не сказать — снисходительно), однако из-за равнодушия или снисходительности получать свое наименование — это чересчур.

Все эти гипотезы происхождения названия «Белая Русь» могут показаться наивными, чтобы не сказать больше. Действительно: «белая», потому что цвет волос или одежды белый... Однако надо учитывать, что

первоначально подобные гипотезы выдвигали не ученые в нашем понимании, а люди, обычные люди: путешественники, торговцы, служивые, воины, миссионеры (последние чаще других). Одним словом, те, кто волей судьбы был заброшен в чужую землю — и описал ее, рассказал о ней своим соотечественникам. Мы уже говорили о происхождении названия «Русь». Но в связи с вышесказанным приведем еще одну гипотезу о происхождении русов. Австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн, который был посредником на переговорах между королем Речи Посполитой Сигизмундом I и великим князем Московским Василием III, писал следующее: «О происхождении названия Russia существуют различные мнения. Одни полагают, что оно произведено от Русса (Russus), брата польского государя Леха, поскольку этот рус (Русс) был-де государем русских. Другие ведут его от имени древнего города Русы, неподалеку от Новгорода Великого. Есть и такие, которые объясняют это название смуглостью жителей, однако большинство считает, что «Руссия» — это измененное имя «Роксолания». Сами же московиты, отвергая подобные мнения, как не соответствующие истине, уверяют, будто их страна изначально называлась «Россея», а имя это указывает на разбросанность и рассеянность ее народа, ведь «Россея» на русском языке значит «разбросанность» или «рассеяние». И дальше: «Руссией владеют ныне два государя; большая ее часть принадлежит (великому) князю Московскому, вторым является великий князь литовский, третьим — король польский, сейчас владеющий как Польшей, так и Литвой».

Что слышал и видел человек, то и записал, и какие-нибудь претензии в его адрес необоснованны. Собственно, без таких вот «Записок» («Записки о Московии») мы знали бы о себе значительно меньше. Вспомним хотя бы многочисленные «Хроники», начиная с «Хроники» Ген-

риха Латвийского (XIII век). Что и говорить, со стороны часто можно увидеть глубже и дальше, примеров множество. Мы привыкли осмысливать так называемый славянский вопрос только со своей стороны, со славянской. На самом деле это наш вопрос, это наша боль, и только наши глаза видят правильно. Мы (белорусы) еще можем прислушаться к мнению братьев (прежде всего русских и украинцев), в меньшей степени к аргументам западных или южных славян, изредка можем принять во внимание рассуждения литовцев либо латышей, потому что вместе с ними создавали свое первое государство, — остальные же понимают и мало, и неправильно. Тенденциозный взгляд на проблему присущ человеку во все времена, как в Средневековье, так и в наши дни, но зерно истины при желании можно извлечь из любого мусора. Да и, повторяю, взгляд со стороны, не под традиционным углом, часто дает неожиданный эффект. Тот же Сигизмунд Герберштейн, прекрасно знавший Западную Европу, записал: «Славянский язык, ныне искаженно именуемый склавонским, распространен весьма широко: на нем говорят далматинцы, босняки, хорваты, истрийцы и далее вдоль Адриатического моря до Фриуля, карны, которых венецианцы называют карсами, а также жители Крайны, каринтийцы до самой реки Дравы, затем штирийцы ниже Граца вдоль Мура до Дуная, мизийцы, сербы, болгары и другие, живущие до самого Константинополя; кроме них чехи, лужичане, силезцы, моравы и обитатели берегов реки Вага в Венгерском королевстве, а еще поляки и русские (властвующие над обширными территориями) и черкесы-пятигорцы у Понта и, наконец, остатки вандалов, живущие кое-где на севере Германии за Эльбой. Все они причисляют себя к славянам, хотя немцы, пользуясь именем одних только вандалов, называют всех, говорящих по-славянски, одинаково вендами, виндами или виндскими (народами)»

Не правда ли, эта запись немного расширяет наше представление о стране Славянии?

Так вот, подобные записки, хроники и заметки, кроме всего прочего, заключали в себе и первоначальные, так сказать — очевидные гипотезы и теории (вроде теории о «рассеянных» русских). Положение начало меняться, когда к свободным, не отягощенным точностью записям добавилась серьезная наука, первоначально синкретическая. Примером такого синкретизма может быть польский хронист XVI века Матвей Стрыйковский, на которого и сейчас ссылаются многие исследователи. Правда, еще больше ученых считают, что его «Kroneka polska, litewska, zmodska i wszystkiej Rusi...» (1582 год) написана в жанре фантастико-приключенческом, оттого верить ей нельзя ни в коем случае. Но, тем не менее, это уже история, подробное описание польских, литовских, белорусских и русских земель, да и источниками Матвей Стрыйковский пользовался такими, каких уже никогда не увидеть, — нет, отказываться от его истории было бы по меньшей мере недальновидно. К тому же именно у Стрыйковского мы впервые встречаемся с последовательным разделением Белой и Черной Руси, о чем подробно написал Н. Улащик в своем «Введении в изучение белорусско-литовского летописания».

По Стрыйковскому, Белой Русью чаще всего называлась Русь Московская, и только изредка в нее включалась современная Беларусь. Вообще-то название это у Стрыйковского «блуждающее», Белая Русь лежала и в Московии, и на юге, и на Волыни (вместе с Русью Черной). Князь Иван Калита назывался князем белорусским; с другой стороны, когда Стрыйковский писал о борьбе литовских князей Свидригайлы и Сигизмунда, он отметил, что Свидригайло, захватив Полоцк, Смоленск и Киев, завладел всей Белой Русью. Но подобная путаница была в традициях XVI века, кстати, «золото-

го века» Реформации в Великом княжестве Литовском. Дело в том, что входили в противоречие традиции прежнего государства Руси Киевской и двух новых: Московской Руси и Великого княжества Литовского. А второе немаловажное обстоятельство — зарождение исторической науки в ее реформаторском качестве. Ну, и последнее: Стрыйковский пользовался древнерусскими и белорусско-литовскими летописями, многие из которых мы уже никогда не увидим. Кроме того, эти летописи часто противоречили одна другой из-за разного времени написания.

Таким образом, еще в XVI веке название «Белая Русь» путешествовало по бескрайним просторам славянской страны, и каждый тянул одеяло на себя — Московия и Литва.

Далее — Русь Черная. Н. Улащик отмечает, что по одной версии Стрыйковского Черная Русь находилась на юге от Киева, по другой — на западе (Львов — «голова» Черной Руси). Это тем более странно, что позже название «Черная Русь» однозначно относится к среднему Понеманью с центром в Новогородке (Новогрудке).

Подводя некоторые итоги, надо сказать, что в дальнейшем (после Стрыйковского) название «Белая Русь» закрепилось за восточной частью современной Беларуси, а название «Черная Русь» совсем исчезло из употребления.

Следующая веха в осмыслении истории возникновения названия «Белая Русь» — это труды русского историка В. Татищева, который тоже, в отличие от современных историков, пользовался многими неизвестными летописями. Вот что он пишет в своем «Лексиконе историческом, географическом, политическом и гражданском» (40-е годы XVIII в.): «Белая Россия есть средняя часть в Российском государстве, между Великою и Малою. Границы его древние с Великою об реку Волгу до

Медведицы, потом за Волгою с Поморием до Вологоцкой области, далее с болгарским и мордовским владениями до устья Оки реки, где на границе Нижней Новгород построен, к югу прежде были печенеги и команы, или половцы, по Иваньозеро с Черниговским княжением, в Вятичах, видится, Волхов был последней, с Литвою река Береза, впадающая в Днепр. Но сии границы владениями разных князей часто переменяли. Древние звания или владения в ней знатных были: 1) Меря, где, видимо, древняя столица Ростов; 2) Поле, где древняя столица Шуя, и видимо, что тут единственно в Сарматех короли были, ибо Плиний и Птоломей около того кладут сарматов базилеев, или царских, имя же Шуя значит на их языке престольный град, потом Суздаль, Владимир на Клязьме, напоследок Москва; 3) Мурома, или Озерная, во оной город Муром древний и после построенной Касимов, где татарские ханы подданные российские жили; 4) Тмуторокань, в нем Резань, последи Переславль; 5) Вятичи, главный город Козельск, Волхов и не вдавне Калуга; 6) Креви, или Верховье, главный Смоленск. О имени же, от чего и когда Белая названа, неизвестно, некоторые мнят от множества снегов, другие — от белого платья, третие — от преимущества пред прочими, что, видится, достовернее. Герб Белой России — человек на коне с копием белой, под ногами змия черная в красном поли».

Некоторые историки отказывают Татищеву в объективности, мол, великодержавный историк умышленно разместил Белую Русь в границах Московии, чтобы оправдать этим захват Московской Русью земель Великого княжества Литовского, бывшей части Киевской Руси. Однако что же факты? Татищев говорит, что впервые термин «Белая Русь» упоминается в Раскольнической и Ростовской рукописях под 1135 годом при названии Ростово-Суздальского княжества. В 1157 году великий

князь Владимиро-Суздальский Андрей Боголюбский взял себе титул князя Белорусского. Татищев в своем «Лексиконе» сообщает: «Владимир Белорусский и Володимер, на левом берегу реки Клязьмы в Московской губернии, город провинциальной, от Москвы 144 версты. Построен около 1152 году Юрием II-м во имя отца его Владимера Мономаха, и был прежде пригород суздальский в епархии ростовской. Андрей Боголюбский, учиняся великим князем, в 1157 году престол из Ростова во Владимер перенес и, получа архитекта от императора Вридерика Барбароссы, церковь соборную и врата градские построил, которые доднесь хотя чрез раззорение многое лепоты их утратили, однако ж еще видения достойны. 1238 в феврале Батыем взят и вконец был разорен, но Ярославом III-м паки обновлен, а его правнук, великий князь Симеон сын Данилов, престол великих князей в Москву перенес, о чем хотя от тверских и суздальских князей многое противление и кровопролитие произошло, однако ж в Москве утвердилось».

Таким образом, В. Татищев считает, что название «Белая Русь» первоначально было присуще Владимиро-Суздальской земле. Писатель К. Тарасов в статье «Отчего Белая Русь — Белая?» предлагает свою версию. После того как Андрей Боголюбский в 1169 году захватил и разрушил Киев, он, чтобы подчеркнуть свое первенство и чистоту своего православия (в отличие от Киевского, где вместе с церквями существовали костелы, синагоги и мечети), назвался князем белорусским, это значит «князем земли чистого православия».

В дальнейшем, по Тарасову, название «Белая Русь» в результате монголо-татарского нашествия переместилось вместе с духовенством в Смоленск. Но и Смоленск в 1276 году был захвачен ордынцами, и наименование «Белая Русь» перенеслось на Полоцкую, Витебскую и Могилевскую земли, где и закрепилось.

Здесь можно спорить по нескольким пунктам. Историк Г. Саганович в статье «Название отчизны» («Літаратура і мастацтва», 23.IX. 1988 г.) пишет, что название «Белая Русь» впервые употребляется под 1135 годом, когда еще не было нужды подчеркивать чистоту православия какой-то отдельной земли. Во-вторых, Андрей Боголюбский взял себе титул князя «Белой Руси» уже в 1157 году, задолго до похода ростово-суздальцев на Киев и формального переноса столицы. Оттого последнее событие не могло стать причиной появления нового названия.

Но откуда известно, что это название — новое? Возможно, до тех пор оно просто не было зафиксировано в отношении к Владимиро-Суздальской земле.

Кстати, возвращаясь к суждению историка В. Татищева, мне хочется обратить внимание читателей на небольшую статью «Лексикона» под названием «Бел». «Бел, бог у славян вандалов во идолопоклонничестве, злый бог или диавол. Сие у них, мнится, во употребление произошло, когда они в Африке или Азии в горячих местах обитали, как и доднесь арапы диавола белаго, ангела чернаго изобразуют. Якоже и у славян черный бог был добрый».

Это название я привел не соотносительно с поисками происхождения названия «Белая Русь», а только чтобы показать, какими многозначными (а часто и диаметрально противоположными по смыслу) могут быть, казалось бы, совсем простые, понятные слова. Да и сам бог Бел почти не вводится в пантеон языческих богов ни средневековыми, ни современными исследователями. А жаль. Белобог и Чернобог — адекватны ли они своей изначальной природе? И какое их настоящее место в языческом пантеоне?

Как бы там ни было, обращает на себя внимание факт, что во многих источниках названия «Белая Русь»

и «Черная Русь» подаются рядом. Вот название раздела в «Кронике» М. Стрыйковского: «О Белой и Черной Руси, восточных, северных и южных народах древних, и их князьях: великоновгородских, изборских, псковских, белозерских, киевских, луцких, владимирских, волынских, галицких, подгорских, подольских и т. д.». Возможно, Белая и Черная Руси — это одна и та же земля, простирающаяся с севера на юг либо с востока на запад, и определения «белый» и «черный» в данном случае — всего лишь обозначения двух полюсов одной территории?

Мы подошли к пространственной ориентировке по цветам, которая, как нам кажется, и является стержневой в происхождении названии Белой, Черной и Червоной Руси.

Надо сразу сказать, что объяснение самых запутанных исторических вопросов (как в случае с Русиями) стало возможным только в результате взаимодействия нескольких наук: собственно истории, археологии, лингвистики и других. Выше мы приводили гипотезы, которые принимали во внимание только политический аспект в употреблении названий Белая и Черная Русь. Действительно, не вызывало сомнения, что Белой Русью называлась Русь независимая, чистая, свободная от дани.

Ситуация резко изменилась, когда появились лингвистические исследования В. Иванова, О. Трубачева, В. Топорова, В. Мартынова. Нетрадиционный взгляд на проблему привел к неожиданным выводам. В. Иванов в статье «Цветовая символика в географических названиях в свете данных типологии. (К названию Белоруссии)» отметил, что первые известия о названии Беларуси относятся ко второй половине XIV века. В стихотворении австрийского поэта Петера Зухенвирта, посвященного памяти рыцаря, умершего в 1360 году, встречается на-

звание Wezzen-Reuzzen, что, очевидно, было переводом названия Белой Руси. Правда, к этому надо добавить, что Ипатьевская летопись упоминает название «Белая Русь» еще раньше, при рассказе о женитьбе (1325 г.) польского короля Казимира на дочке великого князя литовского Гедимина Анне. И в том же XIV веке известный польский хронист подканцлер Янка из Чарнкова (1333—1385 гг.) назвал Полоцк «крепостью Белой Руси».

На карте монаха Фра Мауро, который умер в Венеции около 1457 года, употреблены уже три переводных названия Русий: Rossia blancha, Rossia rossa i Rossia negra (Белая, Червоная (Красная) и Черная Русь). Далее В. Иванов пишет: «В начале XV в. прусские рыцари употребляли название Weise Rewsen в отношении к Московской Руси, что находит продолжение и в характерном для начала XVI в. словоупотреблении Rutheni albi в противоположность Rutheni rubri, которое относилось к восточнославянскому населению западных земель, входивших в Великое княжество Литовское».

Вероятно, эти самые факты имеет в виду Г. Саганович, когда пишет, что в 1413 году великий магистр Пруссии сообщает чешскому королю о подготовке Витовта к войне и соглашениях его с соседями; оттого им, прусским рыцарям, придется воевать «unit den Wessen Russen». Г. Саганович приводит и высказывание А. Гваднини (1575 г.), который в то время служил в Витебске: «А Русь есть троякая: одна Белая, вторая Черная, третья Червоная (Красная). Белая возле Киева, Мозыря, Мстислава, Витебска, Ворши, Полоцка, Смоленска и земли Северской, которая издавна принадлежит Великому княжеству Литовскому». Черная Русь у Гваднини — Московская держава.

Запись Густинской летописи, датированная примерно тем же временем: «Вестно есть всем, яко сии все... Москва, Белая Русь, Волынь, Подоля, Украина, Подго-

ря... единокровны и единорастлны, ибо суть и ныне все общееди́ным именем Русь нарицаются».

Правда, из этой записи непонятно, что имеется в виду под Белой Русью: владимиро-суздальская земля или часть современной Беларуси. Хотя западноевропейские торговцы и дипломаты на этот счет не имели никаких сомнений. Под 1620 годом рижский ратман (староста) Бенедикт XI записал, что приехали торговцы из Витебска и Полоцка, городов «weissreusland». В 1622 году папский нунций в Варшаве Торрес в своем послании в Рим отметил: «Белая Русь, которая простирается от Риги, столицы Лифляндии, до Московской границы и включает Полоцк, Оршу, Витебск, Могилев...» В обращении православной шляхты Беларуси и Украины к сейму (1623 г.) перечислены города Белой Руси: Полоцк, Витебск, Мстислав, Орша, Могилев, Дисна и другие. Под 1632 годом польский писатель, историк и публицист Симон Старовольский записал: «Червоная Русь... граничит с юга с Венгрией, Молдовией и Бессарабией, с востока — со степями Скифии и могучим царством Московии, с севера — с Белой Русью, которая лежит при реках Стырь и Припять, с запада — с Малой Польшей». В своей книге «Польша, или Описание положения королевства Польского» он относил к Белой Руси шесть воеводств: Новогрудское, Мстиславское, Витебское, Минское, Полоцкое и Смоленское.

И, наконец, в начале русско-польской войны 1654—1667 годов царь Алексей Михайлович в дарственной грамоте боярину Бутурлину (8.V.1654 г.) впервые назвался «Государь, царь и великий князь всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец». Когда же русские войска заняли большую часть Беларуси, Украины и город Вильно, царь отдельной грамотой от 3.IX.1655 г. официально и окончательно добавил к своему титулу «великий князь Литовский, Белыя России и Подольский». Таким обра-

зом, пространствовав по просторам страны Славии, название «Белая Русь» закрепилось за восточной частью современной Беларуси.

Кстати, интересную запись о слове «белый» в отношении к царскому титулу сделал уже известный нам Сигизмунд Герберштейн: «Некоторые именуют государя [Василия Иоанновича.— *А. К.]* Белым царем (Albus *rex,* wiesser Khunig). Я старательно разузнавал о причине, почему он именуется Белым царем, ведь ни один из государей Московии ранее не пользовался таким титулом, кроме того, я при всяком удобном случае часто и откровенно заявлял самим (его) советникам, что мы признаем в нем не царя, а великого княэя. Большинство оправдывало однако (его) царское имя тем, что он имеет под своей властью царей, но название «белый» они никак не могли объяснить. Я полагаю, что как (государь) персов называется ныне по причине красного головного убора Кизилпаша, т. е. «красная голова», так и те именуются белыми по причине белого головного убора».

Но вернемся к статье В. Иванова. Анализируя географическую схему этих трех названий, исследователь обращает внимание на очевидные их соотношения, точнее, на противопоставление: белый — черный и белый — красный (соотносительно со сторонами света). Он считает, что традиции цветовой символики сторон света попали в Европу с Востока вместе с кочевниками Евразии во времена переселения народов. В азиатских источниках встречается символическое значение белый — западный. Белые народы — западные, белые города — тоже. Но, с другой стороны, у славян существует традиция, по которой словом «белый» называется что-то очень значительное, большое, важное. Так, города Белград, Белгород, Белая Церковь — большие города. Мне кажется, что и Белая Вежа — высокая, центральная вежа (башня) на западной окраине русской земли.

Употребление слова «белый» в таком значении В. Иванов связывает с общеевропейским мифом об озере, в котором хранятся сокровища. Из этого озера вытекают все реки мира. Отсюда, вероятно, столько озер с названием Белое на территории всех трех Русий, Великой, Малой и Белой. Об этом же говорят многочисленные белорусские легенды о чудесном происхождении озер, вспомним хотя бы озеро Свитязь, которое разлилось на месте непокоренного города.

В индоевропейской иерархической символике жреческое сословие всегда соотносилось с белым цветом, воинское — с красным. Ж. Дюмезиль связывал три рода богов с животными белой, черной и красной мастей. А в хеттском ритуале вызывания духов боги выходят соответственно по белой, красной и голубой дорогам. Цвета красный — черный — белый являются основными для наскальной живописи эпохи верхнего палеолита. Кстати, бело-красный цвет — это древний солярный знак славян (отсюда бело-красно-белый стяг наших предков). Одним словом, по В. Иванову, схема соотношений названий Белой, Черной и Червоной (Красной) Руси в общих чертах совпадает с общеевразийской схемой. Формирование символической системы из трех цветов могло быть, «с одной стороны, косвенным продолжением индоевропейских триад, со второй, имеет соответствие и в системе трех мифологических родоначальников составных частей восточнославянского (как и западнославянского) населения. Триады восходят к древнеславянской символике, позже переосмысленной под воздействием евразийской».

В этом же направлении развивает свои исследования А. Рогалев, который тоже считает, что названия Белая и Черная Русь — не что иное, как западная и северная Русь. Он приводит летописный факт, что в IX веке Хазарский каганат брал дань с полян, северян, радими-

чей и вятичей, а вот дреговичи, кривичи и другие племена с верховий Днепра и с бассейна Западной Двины (чудь, меря, весь, словены) хазарам не подчинялись. Относительно этих земель в хазарском окружении и появилось впервые, на его взгляд, географическое определение «Черная Русь», т. е. северная. С тюркоязычными народами Евразии — гуннами, аварами, хазарами, булгарами, печенегами, половцами — славяне всегда имели надежные и интенсивные контакты, и именно для кочевников Русь могла быть Белой либо Черной (западной и северной). Правда, не следует отбрасывать и приведенную В. Ивановым славянскую традицию, по которой белый цвет символизировал верховное, божественное начало. Западнославянский Белобог связывался исключительно с положительными качествами, с удачей и счастьем. Гора лужицких сербов Белый бог соотносилась с добром, в то время как гора Черный бог связывалась с нечетом, с цифрой три, которая удачи не приносила.

Таким образом, по мнению А. Рогалева, Белой Русью первоначально назывались владимиро-суздалъская земля, Галицкая Русь и Полоцкое княжество. Название же «Черная Русь» в период распространения христианства (X—XII века) окончательно утратило географические ассоциации и постепенно закрепилось за землями, жители которых упорно сохраняли языческие обычаи. В дальнейшем, считает А. Рогалев, Белой Русью стали называться восточнобелорусские земли, где преобладало православие. Западная часть Беларуси, где население было этнически более пестрым и где преобладали (? — *А. К.)* католики, получила название «Литва», а переходная зона с Новогрудком, Слонимом, Волковыском и Слуцком называлась «Черной Русью».

В связи с этим мне еще раз хочется вернуться к вопросу «блуждающих», или «двойных» названий. Несомненно, что «блуждание» и приводит к «двойственности», во всяком случае, они взаимосвязаны. Мы

упоминали уже другавитов (драгавитов) Балканского полуострова и дреговичей (драгавичей) заприпятских. Подробное исследование на эту тему провел Л. Побаль («Славяне по письменным и археологическим источникам (I—IX вв.)»). Балканские драгавиты упоминались в византийских источниках под 610, 614 и 615 годами, дальше их путь лежал на север (об этом уже говорилось). Под 610 годом византийским историкам известны «смоляне» в северной части Греции, на берегу Эгейского моря. О Смоленске, столице днепровских смолян, знают все. Под 580 годом те же византийские источники упоминают «северян» между Дунаем и Черным морями на территории современных Болгарии и Румынии. «Повесть временных лет» размещает «север» на Десне, главный их город Чернигов. Под 448—558 годами и позже на Балканах зафиксированы «с(к)лавины» («хорваты»), «словены» («словани»); под 600 и 603 годами — «словенцы» («славины», «хорутяне»). В наших летописях «словены» заселяли Новгородскую землю. Болгарским «мараванам» и «абадритам» имеются параллели «Моравские славяне» в Чехии и Словакии и в северной Австрии и «абадриты» VI века на побережье Балтики в Германии. «Древлянам» и «дулебам» правобережья Припяти соответствуют племена с такими же названиями на территориях Германии (древляне), Чехии и Словакии и Югославии (дулебы). Параллельно с «волынянами» на территории современной Украины существовали «волыняны» между Вислой и Одером, а «полянам» среднего Поднепровья соответствовали «поляны» в бассейне Варты на территории Польши. Ну и нельзя не упомянуть племя «русь», которое на рубеже VI—VII веков овладело городом Солун, родиной Кирилла и Мефодия, а в 629 году достигло острова Крит.

Надо сказать, что подобные «двойные» названия целиком вписываются в предложенную выше схему переселения драгавитов-дреговичей с Балканского полуост-

рова на территорию современной Беларуси. Если прародиной славян считать междуречье Вислы и Одера (а именно там зафиксированы первые славянские племена культуры подклошевых захоронений), то «двойные» названия легко объясняются. Наиболее интенсивное движение славянских племен происходило в периоды переселений народов (самый характерный в этом смысле VI в. н. э.). Вместе с драгавитамн-дреговичами двинулись в поход смоляне, поляне, волыняне и многие другие. Славянская колонизация земель современной Беларуси шла с конца I тысячелетия до н. э. и до VIII в. н. э,, когда ареал славянского этноса достиг линии Псков — Новгород — Москва (Ф. Климчук). Что касается собственно Беларуси, она заселялась выходцами из степной и лесостепной зон Славии (племена колочинско-берцаровской культуры). Ареал этого заселения в конце I тысячелетия н. э. достиг линии Новогрудок — Браслав — Великие Луки — Смоленск.

Возвращаясь к направлениям заселения Беларуси (в контексте происхождения этноса), нельзя обойти гипотезу О. Трубачева, который считает, что древняя Беларусь заселялась исключительно с востока. Такие языковые явлении, как аканье, дзеканье и цеканье, по его мнению, пришли из региона Верхнего Дона — Верхней Оки. Он же считает, что на пути миграционных направлений с запада и юга неприступной стеной вставал первобытный лес (об этом уже говорилось). Дреговичей О. Трубачев относит к собственно белорусскому племени, название которого этимологически восходит к слову «дрыгва» («трясина», «болото»). Радимичи — ляшское племя, но в Беларусь оно тоже вошло с востока, в обход того самого непроходимого леса. Обходили этот лес-прорву радимичи вместе с вятичами, и последние принесли в русское окружение большой «ляшский» топонимический ландшафт, в том числе название поздней-

шей русской столицы Москва (с соответствием в польской земле Мазовше). Трубачев по-своему объясняет и древнее литовское название белорусов «гудасы». По его мнению, оно восходит к слову «гот» («gъdъ»). Готы ушли с низовий Вислы не позже II—III веков н. э. Как радимичи и вятичи, готы тоже обошли Беларусь с севера, но балты, которые с ними столкнулись, перенесли это название на белорусов. Племя же кривичей, по О. Трубачеву, вошло как в белорусский, так и в великорусский этносы, оно единственное из протобелорусских племен было известно балтам по названию (латышское krievs до сих пор означает «русский»). Исходя из всего вышесказанного, О. Трубачев считает, что само название «Белая Русь» происходит от западной ориентации белорусского этноса, от его последовательного и неизменного движения с востока на запад. Отправная точка этого движения — упомянутые уже верховья Оки и Дона, пространства Великой Руси. Кстати, сама «Великая Русь» получила свое название от пространственной оппозиции: «великая» — «новая», «далекая», «малая» (Малая Русь) — «изначальная».

Подытоживая все приведенные теории и гипотезы, мы склоняемся к мысли, что заселение территории Беларуси славянами шло все же двумя путями — с юго-запада (дреговичи и радимичи) и с востока (кривичи). Отсюда, вероятно, и этническая неоднородность белорусов, в среде которых до сих пор живет устойчивое деление на «восточных» и «западных». Конечно, надо отдать должное и соперничеству двух конфессий, православной и католической, однако первоначально это размежевание проходило именно в этнической сфере.

Что же касается названий «Белая Русы», «Черная Русь», «Червоная Русь», то и они изначально исходили из пространственной ориентации по сторонам света. В дальнейшем к этой цветовой символике, которая бра-

ла начало в восточной традиции тюркоязычных народов Евразии, добавился фактор разделения одного и того же народа на «христиан» и «поганцев» (Белая Русь противопоставлялась Черной). Окончательное же закрепление названия «Белая Русь» за землями Беларуси произошло в свете политических событий, в разрешении военного конфликта между Восточной Русью (Московским княжеством) и Западной Русью (Великим княжеством Литовским). Кривичи, дреговичи и радимичи, позже русь и литвины с XVIII века получили название белорусов, и это название объединило в себе как разные этносы, так и две близкие, но тем не менее враждебные церкви, православную и католическую. Отсюда начался новый виток развития белорусского этноса.

Наверное, немного подробнее надо остановиться на политическом аспекте переноса названия «Белая Русь» на земли, которые раньше назывались «Литвой». В XVI веке у Сигизмунда Герберштейна не было никаких сомнений насчет местонахождения Литвы. «Ближе всех к Московии Литва. Я имею в виду здесь не одну (собственно Литовскую) область, но и прилегающие к ней страны, которые разумеются под общим именем Литвы. Она тянется длинной полосой от города Черкассы, расположенного у Борисфена, до самой Ливонии... Столицей народа является Вильна; это обширный город, расположенный между холмами при слиянии рек Вилии и Вильны... Ныне Вильна опоясана стеной, и в ней строится много храмов и каменных зданий... Но храмов русских там гораздо больше, чем римского исповедания. В литовском княжестве три епископства римского исповедания, а именно: Веленское, Жемайтийское и Киевское. Русские же епископства в королевстве Польском и Литве следующие: Виленское, где ныне пребывает архиепископ, Полоцкое, Владимирское, Луцкое, Пинское, Холмское и Перемышльское. Промысел литовцев со-

ставляют мед, воск и поташ... В изобилии Литва поставляет также смолу и лес для постройки судов, а также хлеб... Литва чрезвычайно лесиста; в ней имеются огромные болота и множество рек; одни из них, как Буг, Припять, Тур (?), Березина (протекая) на восток, впадают в Борисфен, другие же, как (Западный) Буг, Кронон (Неман. — *А. К.)* и Нарев, текут на север. Климат суров, животные всех пород малорослы; хлеба там в изобилии, но посев редко достигает зрелости».

А вот по записи могилевского епископа П. Могилы (1635 г.) земли, которые принадлежат к епископиям Мстиславской, Оршанской и Могилевской — это уже «белорусские края». В 1661 году посол германского императора Мейерберг записал, что под Белой Русью надо понимать земли между Припятью, Днепром и Двиной и городами Новоградком, Менском, Мстиславом, Смоленском. Витебском и Полоцком и их околицами. Под 1772 годом «Starozytna Polska» сообщает: «Воеводства Полоцкое, Витебское, Мстиславское и часть Минского называются Беларусью». Таким образом, перед нами очевидное расширение употребления названия «Белая Русь» за счет прежней «Литвы». Несомненно, эта замена происходила в результате войны 1654—1667 годов, которая вдвое уменьшила население этих земель. Вообще-то войны между Московией и Великим княжеством Литовским с самого начала были жестокие и упорные. Тот же С. Герберштейн, особа более-менее нейтральная, в «Записках о Московии» рассказывает о войне за Смоленск: «Хотя после смерти Александра у Василия (сына Иоанна Великого. — *А.К.)* не было никакого повода к войне с Сигизмундом, королем польским и великим князем литовским, он, видя, что король склонен более к миру, чем к войне, и что литовцы тоже не желают сражаться, все же нашел случай к войне. Он стал говорить, что сестра его, вдова Александра, отнюдь не встречает

с их стороны подобающего ее сану обхождения; кроме того, он обвинил Сигизмунда в том, будто тот поднял против него татар. Поэтому он объявил войну и, подведя пушки, осадил Смоленск, хотя никак не мог взять его. Меж тем Михаил Глинский, происходивший из знатного рода и семейства русских государей, который некогда, при Александре, пользовался большой властью, бежал к великому князю московскому... он тут же убедил Василия взяться за оружие, обещая ему взять Смоленск, если его осадят снова, но с тем условием, чтобы московит уступил ему это княжество. Когда Василий, согласившись на условия, предложенные Михаилом, опять обложил Смоленск тяжкой осадой, Глинский посредством переговоров, а вернее подкупа, овладел городом...

Возгордившись от этой победы, Василии велел своему войску немедленно двинуться в глубь Литвы, а сам остался в Смоленске.»

С. Герберштейн подробно рассказывает о битве между русскими и литовскими войсками под Оршей (8 сентября 1514 г.), в которой русские были разбиты.

К тому времени Великое княжество Литовское, Литва, представало как злейший враг Москвы, и война 1654—1667 годов окончательно установила «зверхностъ», первенство последней. По мнению некоторых исследователей, в этой войне погиб каждый второй литвин-белорус (вероятно, в данном случае надо говорить все же о жителях прифронтовых областей Великого княжества Литовского). А о том, что война была жестокая и губительная, говорит следующий факт: на невольничьих базарах Кафы литвин-христианин шел по три рубля за голову. И с той, и с другой стороны воевали православные люди...

Разбираясь в «блужданиях» названий «Белая Русь», «Черная Русь», «Литва» и так далее, надо согласиться, что чаще всего это было вызвано политическими мо-

тивациями. В XV веке восточные земли Великого княжества Литовского начали называться «Белой Русью» в чисто символическом смысле: «белая», западная часть прежней Руси, которая теперь собирается под рукой Руси Московской, Московии. В XVI—XVII веках название «Белая Русь» имело уже ярко выраженное политико-географическое значение. Москва должна была подтвердить свои интересы прежде всего на западе. Без интеграции в Европу не могло быть и речи о создании империи. Те, кто формировал политику Московского государства, прекрасно это понимали. В XVIII веке необходимость в этом названии отпала, потому что Великая Русь закрепилась именно в границах Великой России, поглотив как Белую, так и Черную, и Червоную, и Малую Руси. Беларусь получила название Северо-Западного края, в котором с XIX века были запрещены белорусский язык, старошляхетская одежда, униатское вероисповедание и т. д. Создавался русский моноэтнос, но это предмет отдельного разговора. Вероятно, в своем развитии человечество от наций приходит к конгломератам наций, когда начинают действовать особые экономические, социальные и нравственные законы. Один из таких конгломератов, «американский народ», сейчас представляется устойчивым этническим объединением. Но пример «советского народа», конгломерата, разрушившегося в одночасье, заставляет воздерживаться от категорических выводов. Необходимо проанализировать подобные этнические объединения в Азии и Африке, привлечь представителей самых разных наук, прежде чем сказать что-то определенное. Мы же, обозначив эту тему, ставим точку.

Третий ангел

Начавшийся войнами и революциями XX век, который заканчивается экологическим противостоянием человека и природы, противостоянием культур технократической и гуманитарной, подвел земную цивилизацию к определенной черте, выход за которую имеет непредсказуемые последствия.

Пример Беларуси, как мне кажется, во многом типичен, потому что именно на ее земле произошли наиболее очевидные природные и духовные катаклизмы. Земля, разместившаяся между реками Припятью, Днепром, Двиной и Неманом, оказалась едва ли не целиком отравлена Чернобылем, и ее народ практически отказался от своего языка, а значит, и от своей культуры. Мы уже говорили, что подобная трансформация в рамках одного столетия не происходит, этот процесс охватывает весь временной отрезок существования этноса. Для того чтобы лучше понять, что же все-таки случилось с народом и его землей, вероятно, надо переосмыслить его историю, определить причины его нынешнего трагического положения.

Народы исчезали по разным причинам, в том числе и по природным, вспомним хотя бы легендарную Атлантиду. Что отождествлялось у людей с «концом света»? Землетрясения, потопы, моры... Существует «Тысячелетняя летопись необычных явлений природы». С чем

встречались белорусы и их предки за те две тысячи лет, которые более-менее описаны человеком? Пройдемся по летописям, задумаемся.

Последние две тысячи лет дают основание сказать: Беларусь находится в одном из самых спокойных мест на Земле. Действительно, Центральная Европа лежит далеко от горных массивов, ее обходят тайфуны, метеоритные дожди тоже почти не зафиксированы. Лето не очень дождливое и не очень засушливое, зимы чаще мягкие, нежели студеные. Только европейское болото — Полесье с его взбалмошными реками не давало покоя человеку, да голод, который чаще случался от войн, чем от неурожаев, да моры, посылавшиеся, понятно, на людей Всевышним по грехам их.

Под 34 г. нашей эры Хронограф западно-русской редакции подает: «Бсть глад велик по всей Вселенной». Неизвестно, по какой причине случился этот «глад», но факт упоминания в летописи говорит сам за себя,

510 г. н. э. — «Трус велик по всей Вселенной (этот и все дальнейшие факты взяты из «Полного собрания русских летописей»). Трусы, землетрясения чаще всего попадали в поле зрения летописцев, совсем же недавние сдвиги земной коры в Армении, Иране и Тихом океане только подтверждают: масштабы подобных катаклизмов будут ужасать человека во все времена. Невольно задумаешься — не сбывается ли мрачное пророчество одного из современных русских писателей: придет час, когда исстрадавшаяся и изнасилованная земля скинет с себя человека, как опротивевшую вошь...

736 г. Византия. «Трус был страшен: стены иже на суше, Цараграда падоша, и церкви мнози и монастыри. И два лета земля трясашеся, и мнози изомроша, и море от предел изыде и многи веси потопи». Этот факт не из истории собственно русской земли, однако в то время

еще не стояли на ней большие города, и судьба Царьграда во многом для нас показательна. Византийская столица передавала нам не только свою культуру, но и свои несчастья.

791 г. Русь. «Великий мраз, егва померзе море» (вероятно, имеется в виду Понт, Русское море, оно же Черное).

911 г. Русь. Явилась на западе большая звезда в виде копья.

979 г. Русская земля. Летом наблюдались «великие страшные грозы и сильные ветры с «вихрем». Отмечались знамения и в солнце, и в звездах. «И много пакости причинило людям, скоту и зверям, как лесным, так и степным (полевым)».

В 1000 году, на рубеже тысячелетий, 29 марта произошло сильное землетрясение на всем земном шаре (например, в Кракове было разрушено множество зданий). В Русской земле было сильное наводнение: «Бысть поводъ велиеп», после него суровая зима, и холода стояли очень долго. Не символичен ли переход из одного тысячелетия в следующее?

1065 г., Киевская земля. «На Западе явилась звезда великая, с лучами как бы кровавыми, с вечера выходившая на небо после захода Солнца, и так продолжалось 7 дней...» Дальше в тексте приводятся рассказы о подобных явлениях в других землях в давние времена: «Знамения ведь на небе или со звездами, или с солнцем, или с птицами, или с чем иным не к добру бывают, но знамения эти ко злу бывают или войну или голод или смерть предвещают».

1067 г. Белая Русь (наша, «белорусская»). Во время походов Ярославичей — Изяслава, Святослава и Всеволода — стояла жестокая великая зима, во время битвы на Немиге «снег велик был». Недобрая битва произошла в недобрый час, и результаты ее были недобрыми.

1184 г., опять Белая Русь. «Городен (Гродно) погорело весь, и церков каменная от блистания молнии и шибения грома».

1202 г. Русская земля. «Тое же зимы быша знамения многие на небеси... В 5 часу ночи потече все небо и стало красным как кровь». Снег на земле и на крышах хором... представлялся таким красным, словно пролитая кровь. Многие наблюдали «течение звезд и звездный дождь». Люди пришли в ужас, считая, что наступил конец света. По словам летописца, такие знамения предвещают поражения, голод, эпидемии. Уже собиралась, погромыхивала на юго-востоке гроза, и тряслась земля от топота монголо-татарских туменов. Через двадцать лет, в 1223 году, произошла, как известно, битва на Калке, а после нее и поражения, и голод, и эпидемии.

1436 г. Литовская земля. Много лиха было на всей земле Литовской и Русской. «Много кровопролития сталося, брат брата своего рожоного убивал». Такого «страха старые люди не помнят. И в тот час четверть была жита по три копы грошей».

1440 г., пожар в Полоцке: «...и погорел Полоцк весь».

1506 г., большая эпидемия в белорусской земле: «...в ту же зиму был большой мор в Минске и был он не малое время на всей земле».

1534 г., голодный год в Беларуси: «...пришла саранча... и поела жито, и ярину, и траву».

1542 г., опять «пришла саранча на Литовскую землю, Ляуцкую и около Берести, и около Менска, и Свержона, и Кондовова, Ивенца и поло (поела) и жито, и яри, и траву».

1547 г., северные сияния в Вильне: «...на облаках в ночи были видны воины, которые вели между собой страшную битву».

1733 г., эпидемия в Бресте, Вильне, Гродно: «Поморох явывся и там ляхов, козаков и жидов много вымерло».

И, наконец, 1883 год, страшный год в истории нашей планеты в отношении сейсмических и вулканических явлений (так писалось в тогдашних газетах). Всего в тот год на Земле было зарегистрировано 353 землетрясения.

Вытекает ли из этой «летописи несчастий» катастрофа (а это уже можно утверждать), которая настигла мой народ в XX веке, в последние годы второго тысячелетия от Рождества Христова? Наверно, найдется немало земель, где моры, потопы, землетрясения и засухи случались чаще, и были они много страшнее, чем у нас, но трагедия общечеловеческого масштаба, так сказать — уникально-апокалипсического, стряслась все же с Беларусью. С одной стороны — духовный упадок, отказ от своей культуры, с другой — отравленная земля, где и леса, и воды, и воздух стали горькими. Я читал о необычайных явлениях и событиях, которые происходили на моей земле, и постепенно утверждался в мысли, что природные катаклизмы напрямую связаны с самоликвидацией нации. Чернобыль ядерный находится в одном ряду с Чернобылем духовным, и остановить этот процесс почти невозможно.

Мы уже знаем, что ядерный Чернобыль был предсказан в «Откровении» Иоанна Богослова: «И когда Он снял седьмую печать, сделалось безмолвие на небе, как бы на полчаса. И я видел семь ангелов, которые стояли перед Богом; и дано им семь труб. И пришел иной Ангел, и стал перед жертвенником, держа золотую кадильницу; и дано было ему множество фимиама, чтобы он с молитвами всех святых возложил его на золотой жертвенник, который перед престолом. И вознесся дым фи-

миама и молитвами святых от руки Ангела пред Бога. И взял Ангел кадильницу, и наполнил ее огнем с жертвенника, и поверг на землю: и произошли голоса и громы, и молнии и землетрясение.

И семь Ангелов, имеющие семь труб, приготовились трубить.

Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю; и третья часть дерев сгорела, и вся трава зеленая сгорела.

Второй Ангел вострубил, и как бы большая гора, пылающая огнем, низверглась в море; и третья часть моря сделалась кровью, и умерла третья часть одушевленных тварей, живущих в море, и третья часть судов погибла.

Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде «Полынь»; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки».

Да, третья часть земли нашей и третья часть вод стали горьки, и третья часть людей умирают от вод.

Что же касается Чернобыля нравственного... В том же «Откровении» сказано: «Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань; число их как песок морской».

Кончается тысяча лет, и не на самом ли деле вызволен сатана, искушающий народы? Нравственное противостояние света и тьмы, белого и черного достигло своего апогея. Что же в таком случае произошло с рекой воды живой моего народа? Как мы подчеркивали уже не раз, эта река протекает между Востоком и Западом, и

суждено ей вобрать в себя все доброе и худое, что находится на обоих ее берегах. Реки воды живой не исчезают бесследно, ибо сказано: «И показал мне (Ангел) чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл, исходящую от престола Бога и Агнца. Среди улицы его (города), и по ту и по другую стороны реки, древо жизни, двенадцать раз приносящее плоды, дающее на каждый месяц плод свой; и листья дерева — для исцеления народов. И ничего уже не будет проклятого; но престол Бога и Агнца будет в нем, и рабы Его будут служить ему. И узрят лице Его, и имя Его будет на челах их. И ночи не будет там, и не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их; и будут царствовать во веки веков».

Знаем ли мы, в чем исцеление народов? Сейчас, как никогда раньше, словом, сказанным и записанным, подчеркивается противостояние «востока» и «запада», на западе — добро, на востоке — зло. Настойчиво проводится мысль, что именно на западе построен святой город Иерусалим, и в нем царствуют свобода и демократия, милосердие и благотворительность, доброта и радость. «Стена его построена из ясписа, а город был чистое золото, подобен чистому стеклу. Основания стены города украшены всякими драгоценными камнями; основание первое яспис, второе сапфир, третье халкидон, четвертое смарагд, пятое сардоникс, шестое сердолик, седьмое хризолит, восьмое вирилл, девятое топаз, десятое хризопрас, одиннадцатое гиацинт, двенадцатое аметист. А двенадцать ворот — двенадцать жемчужин: каждые ворота были из одной жемчужины. Улицы города — чистое золото, как прозрачное стекло... И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего, ибо слава Божия осветила его, и светильник его — Агнец. Спасенные народы будут ходить во свете его, и

цари земные принесут в него славу и честь свою. Ворота его не будут запираться днем; а ночи там не будет. И принесут в него славу и честь народов. И не войдет в него ничто нечистое, а только те, которые записаны у Агнца в книге жизни».

Может, и построен западной цивилизацией город из золота и драгоценных каменьев, однако не золотой ли телец поставлен в главном его храме? И не поклоняются ли тельцу этому, как идолу, и не приносят ли ему жертвы?.. Потому что недаром сказано: «Храма же я не видел в нем (святом Иерусалиме), ибо Господь Бог Вседержитель — храм его, и Агнец».

Есть, есть много людей на востоке и на западе, которые одинаково обеспокоены всеобщим снижением духовного уровня наций. Им кажется, что груз накопленных человечеством духовных знаний лег на плечи отдельного конкретного человека непосильной ношей — и тот старается сбросить его, чтобы вздохнуть легко и свободно. А иные философы и пророки, в пику вышеупомянутым, говорят, что поднять человеческую нравственность на должную высоту можно только через желудок. Накорми человека, и он построит святой город...

Вероятно, надо все же согласиться, что проблема человеческого духа (вместе с проблемами национальными и экологическими) в скором времени резко обострится в одинаковой степени на Востоке и на Западе, но универсального средства ее разрешения человечество пока не имеет. Главное, в чем должен каждый отдельный человек разобраться, это — какой он город строит: Вавилон блудников либо Иерусалим святых. И тот город, и этот — из драгоценных каменьев и чистого золота. Только один погибнет, а другой будет стоять вечно.

Течет река воды живой моего народа, впадают в нее чистые и отравленные ручьи и речушки, полнится она дождями, тоже разными. Немного изменились берега этой реки за полторы тысячи лет, но самые большие изменения еще впереди. Неведомо человеку, куда впадают живые воды рек. Он оглядывается назад, смотрит перед собой — и задумывается.

Течет вода, струится, поет, нам в ней оставаться до конца концов.

Часть вторая
ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ. СОБЫТИЯ И ПЕРСОНЫ

Сыны Палемона

В 1258 году, 750 лет назад, литовский князь Ердивил, или Радивил, перейдя Неман, увидел «гору красную», на которой был замок, разрушенный Батыем. Он построил на этом месте новый замок, занял большую часть русской земли и стал именоваться великим князем литовским, жмойтским и русским новгородокским. С этого момента на политической карте Европы появилось новое государство — Великое княжество Литовское.

На самом деле годом основания Великого княжества Литовского следует считать 1246 год, когда папа римский Иннокентий прислал Миндовгу, правившему в Новгородке (современном Новогрудке), корону. Параллельно он короновал и галицко-волынского князя Даниила. Если учесть, что до Миндовга Новгородок подчинялся Даниилу, то этим фактом папа признавал существование двух независимых княжеств — Галицко-Волынского и Новгородокского.

Однако из песни слов не выкинешь, и, согласно Хронике Литовской и Жмойтской, в 1258 году «Радивил збудовал замок и осел без розляня крови... опановал великую часть Русской земли и почал писатися великим князем новгородским (новгородокским. — *А.К.*). Потом... збудовал замок другий и назвал его Городок, а оттоля тягнул на Подляше, где в той час ятвяги мешкали (жили. — *А.К.*), найшол там Бересте, Хмельник, Дороги-

чин, Сурож, Белско, Бранско... принял их ласкаве в свою оборону, и они ему на послушенство присягали».

Некоторые историки считают, что Миндовг был литовским князем, которого Новгородок, ставший к тому моменту одним из центров западнорусских земель, призвал к себе на службу. Сам Миндовг был язычником. В зависимости от обстоятельств Миндовг мог принять христианство, неважно, православие или католичество, и так же легко от него отказаться.

Так кто же они, эти язычники, пришедшие на Русскую землю и надолго на ней основавшиеся? Ведь Великое княжество Литовское просуществовало до 1569, а в союзе с Польшей — до 1795 года.

Хроника Литовская и Жмойтская, как и другие белорусско-литовские летописи, начинается с легендарной части, называющейся «Вывод и початок о Великом князстве Литовском и Жмойтском, отколь взмоглися и пошли». В этой вводной главе рассказывается о римском патриции Палемоне, который с пятьюстами шляхтичами вместе с их семьями и богатствами бежал от притеснений императора Нерона по морю до устья Немана. Здесь они высадились, нашли «горы высокие и дубровы пенкныи», множество зверя и рыбы, начали размножаться и назвали «тую землю Жъмонт, от размножения». Все они принадлежали к гербам Быка, Медведя, Колонн и Роз. Сам Палемон, предположительно, принадлежал к гербу Быка, что говорило о его главенствующем положении в династической иерархии.

Палемон «сплодил» сыновей Боркуса, Куноса и Сперу. Боркус взял земли над Неманом и заложил замок Юрборк. Кунос сел на реке Вилии и основал замок Ковно. Спера пошел к восходу солнца, перешел реки Невяжу, Сервету и Швету и построил замок Сперу.

От Палемона и ведет свой род Ердивил, или Радивил, ставший первым великим князем новгородокским.

Как считает историк Н. Улащик, эта «легендарная» часть летописей оформилась в XVI веке династией Гаштольдов. Тогдашние наместники и воеводы Новгородка были заинтересованы именно в такой легенде.

По свидетельствам же археологических исследований Новгородок возник в конце X века. Во второй половине XI века это уже крупный ремесленнический город с оборонительными сооружениями. Во второй половине XIII века в нем был построен замок с первой башней-каменицей. И литовский князь Миндовг, призванный на службу новгородокской знатью, с успехом использовал выгодное географическое и экономическое положение столицы Черной Руси, заложив основы для возникновения сильного государства.

Что же касается разрушения Новгородка «через Батыя», то другие исторические источники такого факта не знают. Татары приходили в Великое княжество Литовское в 1263, 1272, 1276 и 1284 годах, и во всех этих битвах они терпели поражение.

Историк XIX века И. Данилович писал: «Все литовские летописцы (летописи. — *А.К.*) написаны по-русски...» И далее: литовцы хоть и подчинили себе русские области, но тем не менее они приняли «язык русский за язык двора, науки, судопроизводства, права, дипломатии, и только с его помощью понимали друг друга и писали летописи». Н. Улащик в своем «Введении в изучение белорусско-литовского летописания» считает, что Данилович здесь имеет в виду белорусский язык — государственный язык Великого княжества Литовского.

Итак, литовские князья, подписывая грамоты на русском языке и говоря между собой по-литовски, добились стремительного укрепления и увеличения сначала Новгородокского княжества, а затем и Великого княжества Литовского.

Что же до их верований, то и через сто лет своих князей они хоронили по языческому обычаю. Например, великого князя Гедимина, убитого в Пруссии из ручницы, семеро его сыновей нарядили в богатые одежды, положили рядом с ним сагайдак, саблю, рогатину, по паре соколов и хортов, любимого коня с седлом, самого верного слугу, трех пленных немцев живых — и сожгли.

Они были истинными потомками языческого Рима.

Неистовый Миндовг

В 1966 году небольшой городок Гродненской области Новогрудок отмечал 950 лет со дня основания. Я тогда учился в седьмом классе, и для нас этот праздник был необычным. Он сильно отличался от Первомая, годовщины Великого Октября или дня рождения В.И. Ленина. До сих пор главной гордостью новогрудчан считался Адам Мицкевич, который хоть и родился на хуторе Заосье близ Новогрудка, но зато здесь крестился и вырос. Свою малую родину великий Адам любил самозабвенно, посвятил ей много стихов и поэм, и новогрудчане, вне зависимости от политических пристрастий, платили ему тем же. Рядом с Замковой горой возвышался курган, насыпанный поклонниками поэта. По рассказам, они приезжали из разных концов света, в основном из Польши, и приносили с собой горсть земли. Этот рукотворный курган высотой был метров двадцать. Как я сейчас понимаю, насыпали его, конечно, лопатами, но дело не в этом. В центре города, недалеко от площади с костелом, церковью и магазинчиками, располагался Дом-музей Адама Мицкевича. А сам я учился в школе, носящей его имя.

И вдруг все вокруг заговорили, что Новогрудок — первая столица Великого княжества Литовского! Одно дело, когда нам об этом рассказывал, понижая голос и оглядываясь на дверь, учитель белорусского языка и литературы Зеленевский, совсем другое — статьи в район-

ной газете, гости из Варшавы и Минска и прочее. Мы были потрясены.

Конечно, мы каждый день видели руины замка на горе, лазили по ним в поисках сокровищ, но представить, что когда-то он был королевским замком, нам было трудно. Не убеждала даже поэма Адама Мицкевича «Конрад Валленрод».

Но в то, что на Замковой горе похоронен литовский князь Миндовг, я отчего-то поверил сразу. Само его имя говорило, что князь этот был велик и ужасен, и две уцелевшие башни громадного замка, залезть на которые не отчаивались даже самые смелые из новогрудской пацанвы, были ему памятником. Таким же великим, как сам князь. На вершине одной из башен росла береза, что, вдобавок ко всему, было символом языческой Литвы, ушедшей от нас безвозвратно.

Позже я стал собирать сведения о Миндовге, и самый подробный рассказ об этой незаурядной исторической личности прочитал в хронике Литовской и Жмойтской. С его именем было связано образование Великого княжества Литовского, Жмойтского и Русского, государства, соперничавшего с Московской Русью. Но парадокс в том, что Новогрудок всегда был городом русским, то есть белорусским. При чем здесь Литва?

Миндовг, сын Рингольта Алгимунтовича, внука Тройняты, свою родословную вел от мифического Палемона. Далее хроника говорит, что «русь мела над ними (литовцами. — *А. К.*) зверхность и трибут от них отбирала, а меновите... веники и лыка на веровки». Продолжалось это до тех пор, пока не появились князья Миндовг, Витовт и Гедимин, которые Литву возвысили и сами стали брать с Руси дань. Таким образом, Миндовг был первым литовским князем, который стал княжить в белорусских землях, точнее — в Новогородке, современном Новогрудке.

Возникает вопрос: как он там оказался? Есть несколько версий. По самой распространенной, Миндовг завоевал Новогрудок. Белорусский историк Микола Ермолович считает, что на стол удельного новогородского князя его пригласила городская знать.

Став новогородским князем и приняв православие, Миндовг первым делом «зане Литву» и изгнал из нее своих врагов Товтивила, Ердивила и Викинта. Затем он с переменным успехом воевал с Червоной Русью и Орденом. Причем, оказавшись в тяжелом положении в борьбе с Даниилом Галицким, он, чтобы привлечь на свою сторону Орден, принял католичество. То, с какой легкостью Миндовг менял вероисповедание, показывает, что на самом деле он оставался язычником.

В 1253 году, ровно семьсот пятьдесят лет назад, Миндовг получил от папы римского Иннокентия IV королевскую корону. Он, во-первых, объединил белорусские и литовские земли, а во-вторых, стал вторым после Даниила Галицкого королем в восточнославянских пределах.

Но образ короля Миндовга был бы неполон без одного эпизода, описанного в хронике Литовской и Жмойтской. У Миндовга умерла жена, которую он очень любил, и он «послал до сестры жоны своей родной, которая была за Довмонтом, за аналзанским князем, просячи ее, абы приехала отдать сестре послугу остатнюю». Когда она приехала на похороны, король Миндовг «розмиловался ее» и сказал: «Сестра твоя, а моя жена умерла, и просила меня, чтобы я взял тебя в жены на ее место». Сестра отказала Миндовгу, но он «приневолил» ее жить с собой.

Довмонт, конечно, пришел в ярость, но, не имея сил воевать с Миндовгом, сговорился с Тройнятой убить его. И такой момент скоро настал. Миндовг отправил на войну с брянским князем Романом все литовские силы,

в том числе и Довмонта. На полпути тот повернул назад, съехался с Тройнятой, возглавлявшим жмойтское войско, ворвался в замок и убил спящего короля с сыновьями Руклей и Репинусом. «И так скончался в той час король Миндовг, который королем был лет 11».

Для христианина все в этой истории выглядит дико. Но я уже говорил, что в душе Миндовг всегда оставался язычником.

В детстве я верил, что Миндовг похоронен на Замковой горе в Новогрудке, и остатки башен на ней являются ему памятником. Сейчас я знаю, что погребен он был по древнему литовскому обычаю. Его тело сожгли на костре вместе с конем, слугой-постельничим, соколом, борзой и мантией. Прах его закопали в землю и положили рядом с ним рысьи и медвежьи когти, чтобы в Судный день, когда Бог, сидя на высокой горе, станет делить людей на праведников и грешников, они помогли ему на нее влезть.

Впрочем, Замковая гора в Новогрудке вполне могла быть местом, на котором было сожжено тело короля Миндовга.

Чернец Войшелк

В 1263 году был убит литовский король Миндовг. Как сказано выше, убили его «анализанский князь» Довмонт и князь жмойтский Тройнята. В княжестве Литовском и Жмойтском стал «пановать» Тройнята, племянник Миндовга.

Но в Лавришевском монастыре под Новгородком в это время жил и усердно молился Войшелк, старший сын Миндовга...

Впервые о Войшелке говорится в летописи, когда он в качестве заложника был отправлен Миндовгом в Галич к королю Даниилу Романовичу и его брату князю Василию, — тем самым Миндовг хотел продемонстрировать свои добрые намерения. Против Миндовга Даниил собирал коалицию из русских, польских и немецких войск, и Миндовг таким способом пытался выторговать себе передышку.

Войшелк в Галиче принял православие, постригся в монахи и стал жить в Полонинском монастыре под покровительством архимандрита Григория Полоника. С его благословения он даже предпринял попытку паломничества на Святою гору — Афон в Греции, но из-за «разбоев» дошел только до Болгарии и вернулся назад. Поверив в стремление Войшелка целиком отдаться служению Богу, Даниил отпустил его на родину. Вернувшись в Новгородок, Войшелк построил Лавришевский монастырь «на реце на Немне, межи Литвою и

Новымгородском», где и жил вплоть до гибели своего отца.

Узнав о смерти Миндовга, Войшелк бежал в Пинск и поселился в тамошнем монастыре. Он был единственным законным претендентом на престол Великого княжества Литовского, но, казалось, и не помышлял менять келью монаха-чернеца на покои великого князя.

События, однако, развивались стремительно.

Тройнята пригласил в Новгородок своего брата полоцкого князя Товтивила отпраздновать восшествие на престол. Но у Товтивила уже была договоренность с Войшелком, что тот за убийство Тройняты отдает ему свое право наследования. Об этом сговоре узнал полоцкий боярин Прокопий и донес великому князю. Тройнята дождался в Новгородке Товтивила и убил его. Теперь он стал владельцем богатого Полоцкого княжества, что существенно укрепило его державу. «Ударь первым», — таков был девиз Тройняты, и в то время он был не единственным князем, который им руководствовался.

Однако и у Миндовга оставалось много верных людей. Четверо его бывших слуг подкараулили Тройняту по дороге в баню, убили его и бежали к Войшелку в Пинск.

В Великом княжестве Литовском наступило безвластие.

В летописях говорится, что князья литовские и жмойтские, забыв о распрях, съехались в Новгородок и стали «радить», кого посадить на стол великого князя. Первым, конечно, называлось имя Войшелка. Но Войшелк в Пинске по-прежнему говорил лишь с Господом. Полочане, новгорожане, городняне, подляшане и мозыряне стали называть имена сыновей Даниила Галицкого — Льва, Романа и Шварна. Литовцы настаивали на Войшелке, этническом литовце.

А Войшелк молчал.

К нему направили знатных послов — Войшелк их не принял. Послы пришли к нему повторно, но уже со словами: «Если не учиниш того на прозбу нашу, то и гвалтом озмем тя на панство». Гвалтом — это силой, сие было понятно даже монаху. И Войшелк выехал из пинского монастыря сначала в Новгородок, а потом с княжеским поездом в Кернаву. Там «его вси панове, бояре и все посполство (народ. — *А.К.*) з великим веселем и радостию, «ладо», «ладо», взываючи... на столицы Великого князства Литовского, Жомойтского, Новгородокского, Полоцкого и Курляндского посадили». Но Войшелк и в дальнейшем держал себя «набожне в законе чернцем, бо завше (всегда — *А.К.*) на княжих сукнях светлодорогих, на голове зверху клобук чорный носил».

Теперь зададимся вопросом: вопреки своей воле стал Войшелк великим князем литовским — или же он все делал с умыслом? Мне кажется, он был сыном своего отца — расчетливым политиком, принимающим единственно верные решения. И в Пинске он выдерживал паузу не потому, что не хотел становиться великим князем. Он готовил почву для дальнейших действий.

Во-первых, сразу после избрания Войшелк «многих панов литовских, жомойтских и ятвязских помордовал», мстя за смерть своего отца. Во-вторых, после смерти короля Даниила Романовича он захватил несколько галицко-волынских замков, «а потом тягнул на Волынь, хотячи Лву Даниловичу выдрати з рук Володимер». Как и отец, Войшелк мечтал об одном — об усилении Великого княжества Литовского. И действовал он при этом жестоко и хладнокровно. Летописец даже написал, что противники от него «як пред Нероном утекали», а это сравнение дорогого стоит.

Как бы то ни было, чернец полонинский, лавришевский и пинский стал воевать за расширение границ своего княжества сразу на нескольких направлениях, но

первым делом он присоединил Нальщаны и Деволтву — сопредельные ятвяжские земли.

Однако самое интересное во всей этой истории — при каких обстоятельствах погиб чернец Войшелк, носивший вместе с великокняжеской горностаевой мантией черный клобук.

Лев Данилович, обеспокоенный притязаниями Войшелка на Волынь, пригласил во Владимир для переговоров самого Войшелка, Василия, князя галицкого, и своего дядю друцкого князя Шварна. Войшелк остановился с дружиной во Вронском монастыре святого Даниила, в котором когда-то жил монахом. Но Лев настаивал, чтобы великий литовский князь приехал «для приятелской намовы» с несколькими боярами именно во Владимир. Уговаривать его прибыли Василий и Шварн — и своего добились. Они поклялись на кресте, что Войшелку среди братьев по вере ничего не грозит.

В воскресенье Войшелк приехал в монастырь Святого Михаила Великого, что во Владимире, где его с великими почестями приняли Лев и его брат Роман. Назавтра всех гостей пригласил к себе на обед немец Миршколт, «найвышший справца и радный у Данилы короля», как написано в хронике. На обеде все знатно выпили, в том числе и Войшелк. После обеда Войшелк отправился назад в монастырь. Поздно вечером туда явился князь Лев и вызвал Войшелка из опочивальни со словами: «Напиймося еще, пане куме» (на обеде у Миршколта они стали кумовьями — «покумали»). Войшелк, ничего не подозревая, вышел ко Льву — и тот сразу начал обвинять его и Миндовга в обмане, в незаконном захвате русских замков и прочем. В гневе Лев выхватил саблю и «ростял ему голову, ажь мозок з ней бризнул на стену, и покинул его в монастыру забитого... И тым способом Лев учинил конец войне своей з Литвою».

Однако смерть Войшелка уже не имела принципиального значения для Великого княжества Литовского. Галицко-волынское княжество, его извечный соперник, было и без того ослаблено татарским нашествием, а после смерти Даниила Романовича оно вовсе распалось на ряд удельных княжеств. Подобные усобицы происходили на всех русских землях, находившихся под властью татар. Тевтонцы были бы не прочь включить Литву в сферу своего влияния, но у них не хватало сил. И теперь кто бы ни сел на великокняжеский престол в Новгородке, он становился единоначальным правителем Литвы, Жмойти, Нальщан, Деволтвы, Курляндии. Ядро же нового государства составляли новгородокские и полоцкие земли.

Интересно, что преемником Войшелка был избран жмойтский князь Свиндорог Утенесович, «который на той час мел лет 88». В «Хронике Литовской и Жмойтской» сказано, что «в том Войшелку забитом, сыну Миндовгови, скончилася фамилия Палемонова, княжати римского».

Этими словами была подведена черта под легендарной частью истории Великого княжества Литовского. С именем Палемона уходило мифологизированное прошлое. Начиналась новая история — с именами Гедимина, Витовта и Ягайлы.

Герб Наримонта

Выбор герба в истории становления того или иного государства имел большое значение. Наряду с троном, короной, скипетром, державой и гимном герб принадлежал к важнейшим атрибутам государства. Таковым он являлся и для возникшего в середине XIII века Великого княжества Литовского.

В изображении гербов часто встречались звери и птицы. Можно вспомнить мудрую сову Афин, римского орла, раскинувшего крылья над миром, галльского петуха. Российский двуглавый орел перелетел в герб Москвы из покоренного турками Константинополя в знак подтверждения имперских притязаний московских царей. В мусульманских странах, где религия запрещала воспроизводить живые существа, в гербе использовались узоры. Например, на гербе Самарканда были изображены три кольца — герб Тимура Тамерлана.

Гербом Великого княжества Литовского был избран конный воин с обнаженным мечом. Однако прежде чем сказать о символике этого герба, обратимся к историческим фактам.

Смерть Великого литовского князя Войшелка от руки волынского князя Льва в самые первые годы становления Великого княжества Литовского не остановила его укрепления. Объединенные под властью Новогородка (Новогрудка) белорусско-литовские земли стали ядром нового государства, с которым вынуждены были

считаться правители тевтонского ордена и татарской орды. В 1258, 1274 и 1277 годах Новогородок подвергся нападениям татарских орд под предводительством ханов Бурундая, Менгутимера и Ногая. В это же время крестоносцы обрушились на Аукштайтию и Нальщаны.

После убийства Войшелка Великим князем литовским стал 88-летний Свиндорог Утенесович. Он вскоре умер, оставив княжество сыну Гермонту. Гермонт, мстя за смерть Войшелка, вторгся на Волынь и разграбил Луцк и Владимир (Волынский). Умирая, Гермонт завещал Литовское княжество старшему сыну Алигимину, Жмойтское — Трабусу. Алигимин княжил неполных три года, и после его смерти Литовское княжество досталось Рамунту, у которого было пять сыновей: Наримонт, Довмонт, Голша, Гедрус и Тройден. В последующем между ними завязалась жестокая борьба за титул Великого князя литовского.

По традиции, стол Великого князя доставался тому, кто владел Литовским княжеством. Но когда умер Рамунт, Великим князем был избран его брат Трабус, князь жмойтский. Вероятно, сыновья Рамунта были еще малы, чтобы занимать столь высокий пост.

После смерти Трабуса по праву старшинства великокняжеский престол достался Наримонту. Как говорится в летописи, он перенес столицу Великого княжества Литовского из Новогородка в Кернаву. И далее: «Той Наримонт мел герб, або клейнот, рицерства своего таковый: в гербе муж збройный, на коню белом, в полю червоном, мечь голый, яко бы кого гонячи держал над головою, и есть оттоля названый «погоня».

Именно этот всадник и стал государственным гербом Великого княжества Литовского на долгие времена. К слову, на гербе Москвы, известном с XIV века, тоже был изображен всадник, «ездец». В XVIII веке этот «ездец» уже называется Святым Георгием. Случайно ли та-

кое совпадение? Мне кажется, в истории все случайности закономерны. В XIV—XVI веках Москва и Литва вели острую борьбу за владение всеми русскими землями, входившими в Киевскую Русь, и это нашло отражение в выборе герба. Всадник, устремленный с обнаженным мечом на врага, символизировал настроения тогдашних правителей Москвы и Литвы. Вперед, на врага!

После разделов Речи Посполитой в XVIII в. Великое княжество Литовское перестало существовать, но история с гербом «погоня» неожиданно нашла продолжение в XX веке. Во-первых, «погоня» стала гербом независимой Литвы, а во-вторых, «муж збройный, на коню белом, в полю червоном» дважды избирался гербом Белоруссии: после свержения российской монархии, когда была провозглашена Белорусская народная рада (БНР) и во время Великой Отечественной войны, когда было образовано белорусское правительство под протекторатом фашистской Германии. Но в обоих случаях белорусская «погоня» в официальном статусе просуществовала недолго.

Имеются ли основания для того, чтобы герб «погоня» был утвержден в качестве государственного герба независимой Республики Беларусь, как того добивается белорусская оппозиция? Вопрос этот во многом субъективный. Да, белорусы и литовцы несколько веков жили вместе в одном государстве — Великом княжестве Литовском. Но кроме них, в этом государстве были украинцы, русские, татары, евреи, поляки и другие народы, причем численно преобладали украинцы. Титульной же нацией, несмотря на ее малочисленность, оставались литовцы.

Белорусский историк М. Ермолович считает, что летописная Литва находилась в верховьях Немана, то есть на территории современной Беларуси. По его мне-

нию, корень Великого княжества Литовского был белорусским, и только много позже это название — Литва — перешло на Жемайтию и Аукштайтию. Возможно, древняя Литва действительно находилась в Беларуси, но это не означает, что она была заселена этническими славянами. Согласно лингвистическим исследованиям, более двух тысяч лет назад существовало балто-славянское языковое единство, и Литва могла остаться балтским анклавом в славянской среде. Но главное даже не это. Правителями в Великом княжестве Литовском всегда были этнические литовцы — жемайты и аукштайты. «Хроника Литовская и Жмойтская», «Хроника Быховца», летописи Баркулабовская, Аверки и Панцырного и другие были написаны в XVI веке на старобелорусском языке, и писали их, скорее всего, белорусы по происхождению. Но ни в одной из них не говорилось о доминирующем положении белорусской элиты в государстве. Наоборот, везде подчеркивалось, что при выборах Великого князя, когда прерывалась династическая линия, на престол избирался литовец.

«Погоня» всегда была и оставалась литовским гербом. В нынешней ситуации забывать об этом нельзя.

Вспомним, кстати, и о том, что Вильнюс, столица современной Литвы, когда-то был главным городом кривичей — Кривич-городом.

Железный волк

В 1323 году великий князь литовский Гедимин охотился в местах, где река Вильня впадает в Вилию. Неподалеку располагалась гора, на которой литовцы по древнему обычаю сжигали своих умерших предков. На охоте Гедимин убил «из куша», то есть из ружья, большого тура. Заночевали Гедимин с охотниками на этой самой горе, и ночью ему приснился огромный железный волк, который выл, будто сто волков разом. Утром Гедимин позвал к себе верховного языческого жреца Лаздейко и попросил растолковать сон.

— Князь! — сказал жрец. — Волк, склепанный из железа, это замок, который ты возведешь на Турьей горе. На этом месте появится большой город, слава о котором разнесется по всему миру, потому и воет железный волк, подобно сотне волков. Это будет твоя столица, князь!

Толкование Гедимину понравилось. Он собрал из разных концов княжества мастеров, и они построили на Турьей горе Верхний замок, а в Кривой долине — Нижний. Город получил название Вильня — от реки, впадающей здесь в Вилию.

К этому времени Великому князю Гедимину принадлежали огромные территории. В 1321 году после затяжной войны с «немцами, прусами и инфлянтами» в битве на реке Земила при помощи руси и татар он разгромил войско Тевтонского ордена. Решающую роль в битве сыграли выступавшие на стороне Ордена жемай-

ты. Несколько тысяч их стояли в середине войска, и в решающий момент они неожиданно повернули и ударили по немцам. Литве, руси и татарам осталось лишь окружить смешавшегося врага и почти полностью уничтожить. Как написано в «Хронике литовской и жмойтской», даже мужики выходили из лесов, с криком «Мушк немца!» стаскивали их с коней и убивали.

После этого Гедимин пошел на Волынь и захватил Владимир Волынский и Луцк. Перезимовав в Берестье, в 1322 году он двинулся на Киев. Киевский князь Станислав, позвав на помощь переяславльского князя Олега и брянского Романа, встретил его с войском на реке Ирпень. В жестокой битве победил Гедимин, войско которого состояло из литвы, жемайтов, новогородокской руси и татар. Взяв приступом Киев, Гедимин вскоре захватил города Белгород, Слеповрон, Канев, Черкасы, Брянск Северский, Переяславль и Путивль. Станислав, последний киевский князь из династии Рюриковичей, бежал в Рязань, где женился на дочери рязанского князя Ольге.

Таким образом, почти вся Киевская «монархия», как написано в летописи, оказалась в руках Гедимина.

Основав город Вильню, Гедимин сделал его столицей Великого княжества Литовского. Он поставил в нем большого «болвана Перунова», высеченного из кремня, перед которым день и ночь горел вечный огонь. Сейчас на этом месте находится костел святого Станислава, заложенный в 1387 году Великим князем Ягайлой.

Свои владения Гедимин разделил между семью сыновьями. Старший сын Монтвил получил прежнюю столицу Кернаву и Слоним с волостями. Наримунт правил в Пинске. Ольгерд сидел в Кревском замке, владея землями до Витебска. Кейстуту досталось Жемайтское княжество с Троками, Ковно, Городенем и Лидой. Кориат владел первой столицей Великого княжества Литовского Новогородком с Волковыском и Мстибогом. Любарт вместе с дочкой владимирского князя, ставшей его же-

ной, получил Волынь. Евнуту, младшему сыну, которого Гедимин любил больше других, он отписал Вильню с Ошмянским, Волкомирским и Браславским поветами. В случае смерти Гедимина Евнут и должен был стать великим князем. Свою единственную дочь Анну Гедимин выдал замуж за Владислава Локетку, сына польского короля Казимира.

Такова легенда об основании Вильни. Однако археологические исследования говорят, что этот город существовал задолго до 1323 года. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона указывает, что по сведениям русских летописей Вильня существовала в конце XII века, а польские источники ее основание относят к X и даже IX векам. Некоторые современные исследователи доказывают, что первоначальное название Вильни — Крив-город, город кривичей. Он и располагался в Кривой долине. Вероятно, первые поселения на территории Вильни относятся ко временам балто-славянского языкового единства, когда главный языческий жрец с кривым посохом в руках приносил здесь в жертву птиц и зверей, и назывался он Криво-Кривейто.

В словаре Брокгауза и Ефрона указывается, что при Гедимине в Вильне жили литовцы, русские (белорусы) и поляки. Каждая народность сохраняла свои веру и обычаи. По переписи 1875 года в Вильне жили 82 668 человек, из них 37 909 евреев, 27 781 католик и 13 093 православных. На 1889 год было зафиксировано 3 православных монастыря, 2 собора, 11 приходских церквей. Римско-католических — 3 монастыря, 1 собор, 14 церквей. Кроме того, в Вильне было 5 синагог и 72 молитвенных дома.

В силу своего местоположения — на границе славянского и балтского миров — Вильня всегда была многонациональным городом. При Ольгерде, Витовте и Сигизмунде большими привилегиями пользовались православные жители города, при Ягайле и Казимире Ягеллоне — като-

лики. Кстати, замечательный православный собор Пречистой Богородицы основала Иулиана Александровна, тверская княжна, вторая супруга Ольгерда. А красивейший костел Святой Анны был воздвигнут смоленской княжной Анной Святославовной, второй женой Витовта. Одна из наиболее известных чудотворных икон Божьей Матери находится в часовне над городскими воротами (Матка Боска Остробрамска), она почитается и католиками, и православными. Существует предположение, что написана она с Барбары Радзивилл, рано умершей жены короля Сигизмунда Августа. Познакомились они в Вильне, когда и Сигизмунд, и Барбара овдовели...

Вильня была и остается главным культурным центром литовцев, белорусов и поляков. В 1525 году белорусский первопечатник Франциск Скорина напечатал здесь свою наиболее известную книгу «Апостол». В 1574 году в ней открылась типография братьев Мамоничей, напечатавших много книг на белорусском и польском языках, в том числе Третий Литовский Статут. В Виленском университете, основанном в 1579 году как иезуитская академия, учились поэты Адам Мицкевич и Юлиуш Словацкий. В картинной галерее Вильни хранятся работы замечательного белорусского художника Ф. Рущица...

Летописный железный волк, воющий на сто голосов, — это общий дом литовцев, поляков и белорусов.

А Гедимин погиб в 1328 году. Он был убит «из ручницы» немцами в Пруссии. Сыновья привезли его в Вильню и сожгли. Памятником ему до сих пор возвышается в центре города величественное строение из камня — башня Гедимина.

Копье Ольгерда

«Хроника литовская и жмойтская», наиболее подробная из белорусско-литовских летописей, под 1373 годом сообщила, что великий литовский князь Ольгерд, «зобравши литвы много, варягов и жмоди, пошол на помочь к Мамаю».

Речь шла о знаменитой битве на Куликовом поле.

Хроникер в этом сообщении ошибся дважды. Во-первых, битва произошла в сентябре 1380 года, а во-вторых, во главе литовско-варяжских войск на помощь Мамаю шел Ягайло, сын Ольгерда. Сам же Ольгерд умер в 1377 году, то есть за три года до битвы.

О причинах этих ошибок мы скажем несколько ниже. Сейчас же обратимся к Ольгерду — одному из самых значительных и противоречивых героев того времени.

Ольгерд был третьим сыном князя Гедимина, присоединившего к Великому княжеству Литовскому Киевскую и Волынскую земли.

Великим князем Ольгерд стал при довольно щекотливых обстоятельствах, о которых говорят практически все белорусско-литовские летописи. Своим наследником Гедимин объявил младшего сына Евнута, которого он любил больше других. В 1328 году Гедимин был убит в Пруссии, и согласно его воле Евнут стал великим князем.

Кейстут и Ольгерд, его старшие братья, были сильно уязвлены решением отца. Оба они выделялись среди шести сыновей Гедимина «уродою (красотой — *А.К.*) и рицерством, и всеми приметами», а потому сговорились съехаться в Вильне и «скинути» с великокняжеского престола Евнута. Кейстут с войском пришел ночью из Троков, взял приступом Нижний и Верхний замки. Евнут в одном кожушке, как написано в хронике, бежал в лес, где обморозил себе ноги. Воины Кейстута его поймали и взяли под стражу. Вскоре в Вильню прибыл Ольгерд, и Кейстут отдал ему как старшему Вильню со всеми «скарбами и владзою». Дабы не обижать любимчика отца, они отдали Евнуту Жмойтское княжество.

В 1331 году Ольгерд, мстя за смерть Гедимина, разгромил в Пруссии войска крестоносцев. В 1332 году он пошел в Дикое Поле против татар. С ним были четыре сына новогородокского князя Кориата: Александр, Константин, Юрий и Федор. У Синей Воды они встретились с татарской ордой под началом царьков Котлубея, Катибея и Бекера. В жестокой сече литва и русь почти полностью уничтожили ордынские войска. Границы Великого княжества Литовского достигли Черного и Азовского морей. Ольгерд стал властителем всех западнорусских земель.

Владея Киевом, Ольгерд теперь имел полное право претендовать и на оставшуюся часть православной Руси. Но на востоке к этому моменту уже взошла звезда Москвы. Взаимоотношения Литвы и Руси достигли критической точки.

Можно по-разному объяснять причины столь стремительного взлета литовского государства, появившегося много позже Киевской Руси, Польши или Золотой Орды. Проще всего объяснить это воинственностью и

удачливостью литовских князей, тем, что историк Л. Гумилев называл «пассионарность». Но, отдавая должное той или иной личности, нельзя забывать и о таких прозаических вещах, как экономическое развитие, рост народонаселения, климатические условия и так далее.

Мы уже писали о том, что первоначально литовские князья приглашались в древнерусские города в качестве военачальников. Примером может служить Новогородок, первая столица Великого княжества Литовского. Литовское государство изначально создавалось как полиэтническое, и в дальнейшем оно все больше становилось славянским за счет присоединения — а точнее, добровольного вхождения в его состав — русских земель с православным населением.

Любопытен факт, что в 1368 году польский король Казимир, будучи уже в преклонном возрасте и бездетным, своим преемником видел подольского князя Константина Кориатовича, внука Гедимина. Казимир пригласил его в Краков, где поставил условие: перейти из православной веры в католическую. Только в этом случае князя из Литвы можно было избрать на сейме королем Польши. Однако Константин отказался от предложения.

Это говорило о том, что Гедиминовичи, являясь этническими литовцами, в то время имели ярко выраженную православную ориентацию. Сам Ольгерд первоначально женился на дочери витебского князя Иулиане, от которой у него было шесть сыновей: Владимир, Иван, Семен, Андрей, Константин и Федор. После смерти Иулианы Ольгерд женился на дочери тверского князя Марии, и от нее у него тоже было шесть сыновей: Ягайло, Скиргайло, Свидригайло, Корибут, Дмитрий и Вискут, в крещении Ва̀силий. Таким образом, обе жены Ольгерда были православными.

Конфессиональные противоречия в это время раздирали всю Европу. После смерти папы римского Григория XI, перенесшего папскую столицу из Авиньона в Рим, Италия, Германия и Польша папой избрали Урбана VI. Франция, Испания и Англия избрали себе другого папу. В Чехии вспыхнуло восстание под предводительством Яна Гуса.

А в восточных пределах Европы в неразрешимое противоречие вошли Литовская Русь и Москва. Оба государства в одинаковой степени претендовали на роль центра восточнославянских земель. Встал вопрос — кто сильнее. Ольгерд трижды ходил на Москву в 1368, 1370, 1372 годах, но взять ее так и не смог.

Вот здесь мы возвращаемся к ошибке летописца, приписавшего Ольгерду поход во главе литовского войска на Куликово поле. С именем этого великого князя был связан пик противостояния Литвы и Москвы, и потому для человека, писавшего «Хронику литовскую и жмойтскую», вполне естественно было видеть союзником Орды Ольгерда, а не Ягайло. Сравнивая скупые сведения об Ольгерде в Никифоровской, Супрасльской, Виленской, Слуцкой, Ольшевской и других белорусско-литовских летописях с пространными описаниями его походов в «Хронике литовской и жмойтской», невольно приходишь к выводу, что автором последней был человек творческий, сейчас бы сказали — писатель. Он не просто констатировал факты, но подавал их в авторской интерпретации.

Рассказывая, например, об убийстве литовского князя Войшелка галичским князем Львом, хроникер подробно описал обед у немца Миршколта, приезд в монастырь, где остановился Войшелк, подвыпившего Льва со словами: «Напиймося еще, пане куме», вспыхнувшую ссору, удар саблей по голове, от которого мозги брыз-

нули на стену... Это уже не летопись, а художественное произведение в современном его понимании.

О походе Ольгерда на Москву в 1372 году хроникер рассказал следующее. Якобы после победы в Куликовской битве великий московский князь Дмитрий решил отнять у Литвы Киевское, Витебское и Полоцкое княжества.

Дмитрий отправил к Ольгерду послов с обнаженным мечом и огнем.

— Князь! — передали они слова Дмитрия. — На велик день (пасху. — *А.К.*) я приду поздравить тебя с красным яйцом, а Литву завоюю всю огнем и мечом.

Ольгерд задержал послов у себя, объявил народное «рушение», то есть всеобщую мобилизацию, и спешно направился к Москве. Шел он кратчайшей дорогой, обходя укрепленные города и крепости, и уже через несколько дней встал лагерем на Поклонной горе. Дмитрий не ждал столь быстрого появления врага у своих ворот. Его войска не были готовы к битве. Он вступил в долгие переговоры, в результате которых литовцам была выплачена большая дань, а самому Ольгерду с несколькими воинами было позволено въехать в Кремль. В церкви его встретил Дмитрий, и там Ольгерд вернул ему красное пасхальное яйцо со словами: «Видишь, князь Дмитрий, кто из нас раньше на войну встал». После этого он ударил копьем в ворота Кремля и сломал его.

Дмитрий и Ольгерд договорились, что граница между Москвой и Литвой отныне будет проходить с одной стороны по Можайску, а с другой по реке Угре.

Как нам представляется, летописец рассказал об этом походе с большой долей вымысла.

В Супрасльской летописи, к примеру, об этом походе Ольгерда сказано: «Того же лета Ольгерд, князь ли-

товский, поиде ратию к Москве. Слышал же князь великий Дмитрий Иванович, собра вои многи и приде противу ему, и стретоша у Любуцку. И стояху прямо собе, а промежи их ров крут, нельзя снятися обоим полкам. И взя мир межи собою вечный».

Копье Ольгерда ударилось в московские врата и разлетелось вдребезги.

Это была последняя попытка Литвы полностью подчинить себе Русь.

Ягайло, король польский

В 1386 году умер король Польши Владислав. Сыновей у него не было, только дочь Ядвига. Польша оказалась на пороге большой смуты. На королевский престол могли претендовать многие представители знатных родов, и нетрудно было предугадать, чем все закончится. Королевство и без того было ослаблено — из Пруссии надвигались закованные в броню отряды крестоносцев, Мазовецкую землю совсем недавно опустошил литовский князь Ягайло.

И тогда в королевском замке под Краковом было принято решение пригласить на польский трон Ягайло, сына Ольгерда, одного из самых опасных врагов Короны.

Ягайло был старший сын Великого литовского князя Ольгерда от второго брака с тверской княжной Марией. Существовало лишь одно препятствие — но какое! Ягайло был крещен в православие, польский же сейм королем мог утвердить только католика.

Ягайло от предложения из Кракова не отказался.

Как мы уже говорили, матерью Ягайло была тверская княжна Мария. Он был любимцем Ольгерда, который взял со своего брата жмудского князя Кейстута слово: после смерти Ольгерда великокняжеский стол в Литве достанется Ягайло. У Кейстута тоже было шесть сыновей, любимцем среди которых был Витовт, но он клятвенно обещал брату, что Великим князем станет Ягайло.

Так оно и случилось. В 1377 году после смерти Ольгерда в присутствии знатных панов и бояр литовских и русских Кейстут надел на голову Ягайло великокняжескую шапку, на плечи набросил горностаевую мантию и вручил в руки меч. Ягайло стал великим литовским князем.

Он унаследовал мощное государство, простиравшееся от Балтийского до Черного моря, в котором следовало разделять и властвовать. Однако наличие одиннадцати (!) родных братьев, плюс шесть сынов Кейстута, спокойной жизни не обещало.

Собственно говоря, спокойной жизни не было ни у одного из великих литовских князей, но уже с княжения Гедимина династические традиции в государстве строго соблюдались. Убийство великого князя собственными слугами в бане или в пьяной ссоре, как это было с Войшелком, исключалось. Отныне великий литовский князь либо погибал на поле брани, как Гедимин, либо умирал в собственной постели, как Ольгерд.

Открыто выступить против законно избранного князя, повторяю, никто не осмелился бы, что же касается интриг, то их было в достатке при любом европейском дворе.

Среди приближенных Ягайло появился некий Войдило, по свидетельству летописца «незначной фамилии человек». При Ольгерде Войдило сделал карьеру от пекаря до постельничего, затем подчашего, а перед смертью князя он был уже секретарем, наиболее доверенным лицом Ольгерда. Ягайло еще больше приблизил к себе Войдило, выдав за него свою сестру. Этот поступок оскорбил Кейстута. В свою очередь, Войдило облыжно обвинил Кейстута в измене и уговорил Ягайло заключить союз с крестоносцами. Вместе с ними Ягайло отправился воевать, как написано в летописи, Русь Полоцкую. Воспользовавшись этим, Кейстут и Витовт вошли с

войсками в Вильню, где обнаружили документы, свидетельствующие о сговоре Ягайло с прусскими рыцарями. Кейстут посчитал, что инициатором предательского соглашения был Войдило, и приказал его повесить,

Ягайло, конечно, это не понравилось. Перекупив тех же крестоносцев, он отнял у Кейстута не только Вильню, но и родовой замок в Троках. Войска с обеих сторон приготовились к битве. Перед сражением Ягайло через своего брата Скиргайло пригласил Кейстута и Витовта на «розмову притятелскую», и когда они к нему приехали, захватил их в плен. Кейстута он отправил в Варшаву и приказал «удавити», а Витовта задержал в Вильне. Многие литовские паны и магистр немецкого ордена вступились за Витовта, прося освободить его, но Ягайло заточил того в Кревском замке. Он понимал, что оставлять столь сильного противника в живых было нельзя.

Понимал это и Витовт. В Кревском замке его навещала жена со служанками. В одну из темных ночей жена Витовта переодела его в женское платье, набросила на голову платок и вывела из замка между двумя служанками. Чтобы его не узнали, Витовт сбрил бороду. Он бежал сначала к мазовецкому князю Яну, а оттуда к крестоносцам.

Ягайло остался полновластным хозяином Великого княжества Литовского. А в 1386 году, как мы уже говорили, к нему в Вильню приехали послы из Кракова с предложением принять польскую корону. Посоветовавшись с матерью и панами рады, Ягайло согласился креститься в римскую веру, взять в жены дочь короля Владислава Ядвигу и стать королем Польши.

Возникает вопрос: почему Константин, сын Ольгерда от первого брака, от подобного предложения отказался, а Ягайло, сын того же Ольгерда от второго брака, его принял?

Все дело в том, что за двадцать лет ситуация в Восточной Европе резко изменилась. Ольгерд был последним Великим литовским князем, который пытался завоевать Московскую Русь. Все его три похода на Москву были неудачными. Ягайло, русский по матери, прекрасно понимал, что Московская Русь ему не подчинится. Гораздо более радужными перспективы были на западе. Раздираемая постоянными противоречиями Польша была, может быть, более своенравна, чем Москва, но и более уступчива. Одна красавица грозила кулаком, вторая призывно раскрывала объятия, и ясно, кого выбирал жених.

Но самое главное — литовские князья по-прежнему в глубине души оставались язычниками, с легкостью переходившими из одной веры в другую. Это у них было в крови — как и тяга к мечу. Любой литовский князь самой мягкой перине предпочитал жесткое седло коня. Дом у него был там, где конь останавливался — на одну ли ночь, на две, на многие. Но этот дом никогда не оставался единственным.

Погоня, «муж збройный, на коню белом, в поле червоном», устремилась на запад.

На польском троне утвердилась династия Ягеллонов. В Польше она была правящей с 1386 по 1572 год. Кроме того, эта же династия долгое время оставалась у власти в Венгрии и Чехии.

Что же касается Великого княжества Литовского, то там оставался Витовт...

Некоронованный король

Витовт был сыном жмойтского князя Кейстута и языческой жрицы Бириты. Кейстут как-то узнал, что в городе Полонде (Паланге? — *А.К.*) на берегу Балтийского моря живет прекрасная жрица языческих богов Бирита. Возвращаясь из прусской земли, Кейстут заехал в Полонду. Он был очарован умом и красотой девушки, дочери местного князя. Кейстут предложил ей руку и сердце, но Бирита отказала ему, поскольку была предназначена богам. Она обязана была сохранять девственность до смерти. Однако и у литовских князей были свои обычаи. Кейстут взял жрицу силой и увез к себе в Троки. Весталка стала женой и родила Кейстуту Витовта.

Ягайло и Витовт были двоюродными братьями. Но не только это связывало их. Оба они были прирожденными лидерами, пассионариями, которые не ждали милостей от богов — они их добывали мечом.

Сбежав при помощи жены из Кревского замка, о чем мы уже говорили, Витовт стал искать себе союзников. Ягайло, избранный королем Польши, своим преемником в Великом княжестве Литовском оставил брата Скиргайло, полоцкого князя. Но и Витовт мог претендовать на престол — его отец Кейстут был родным братом Ольгерда. Образовался треугольник — Ягайло, Скиргайло, Витовт, — который грозил большим кровопролитием Литве, и кровь скоро пролилась.

Витовт собрал войско из гродненцев и подляшан и попытался захватить Вильню (Скиргайло в этот момент находился в Полоцке), но поляки и виленские мещане нападение отбили. Требовались дополнительные силы, и гораздо более мощные. Витовт с женой Анной и всем своим двором отправился сначала к мазовецкому князю Янушу, а оттуда в прусский Мальбурк. Тевтонский орден охотно поддерживал беглецов вроде Витовта. У него тоже были свои планы на Литву.

При поддержке крестоносцев Витовт вновь осадил Вильню, защищаемую коронным подканцлером Миколаем Лянскоронским. Именно ему доверил командование войсками Ягайло, поскольку, по замечанию летописца, Скиргайло был «гнюсным пьяницей».

В 1399 году Ягайло сам двинулся на Литву. За десять дней он взял Берестье, затем Каменец-Подольский — и пришел под Гродно, где его с крестоносцами ждал Витовт. Не имея достаточно сил для защиты гродненского замка, Витовт ушел в Пруссию.

В том же году с тремя большими отрядами Витовт вновь вернулся в Литву. Один отряд возглавлял он сам, второй Конрад, магистр прусский, третьим командовал Ланкастер, королевич английский. У реки Вилии под Вильней они встретились с войском Скиргайло. Как написано в «Хронике», в жестокой битве, продолжавшейся полдня, войско Скиргайло потеряло 46 000 человек. Среди погибших были смоленский князь Глеб Святославович, жеславский князь Семен Явнутович, князь Глеб Константинович Чарторыйский...

Витовт осадил Вильню, обороной которой руководил пинский князь Наримунт, родной брат Ягайло. Один из немецких рыцарей вызвал Наримунта на поединок, сбил его с коня и взял в плен. Витовт приказал повесить Наримунта за ноги на вязе и собственноручно расстрелял его из лука. Но Вильню он так и не взял...

В 1400 году Ягайло тайно отправил к Витовту ленчицкого священника Генрика с предложением о мире. И тот, и другой понимали, что купить мир можно лишь титулом великого князя, и он был предложен Витовту. Витовт тайно отослал жену в Жмойть, собрал преданных ему литовских бояр, выехал из Мальбурка в Котерведерский замок под Ковно, где размещались крестоносцы, напал на них, порубил и сбросил тела в Неман. Он еще раз доказал, что союзник у литовского князя один — меч.

Вильня распахнула ворота перед новым хозяином.

Ягайло, узнав об этом, тут же выехал с королевой Ядвигой в свою бывшую столицу. Заручившись обещанием Витовта хранить «веру и приязнь» к королевству Польскому, в костеле святого Станислава он возложил на голову Витовта великокняжескую шапку и вручил ему в руки обнаженный меч, маршальский посох и печать.

Скиргайло и витебский князь Свидригайло, его брат, попытались выступить против Витовта, но поддержки у Ягайло не нашли. В Литве должен был властвовать сильный хозяин, а сильнее Витовта никого не было. Об этом знали не только в Кракове, но и в Москве. Когда Витовт жил в Мальбурке, к нему пришли послы от московского князя Василия с просьбой отдать Софью, дочь Витовта, в жены Василию. Витовт отправил дочку морем из Мальбурка в Псков, где московские бояре встретили ее с великой честью и проводили в Москву. Там Василий обвенчался с Софьей. Свадьбу гуляли шесть недель.

Войдя в родство с великим московским князем, Витовт, сам того не желая, столкнулся с татарской ордой. Впрочем, воин до мозга костей, он и не уходил от столкновения. Для истинного воителя тысяча верст — не расстояние, и когда в Смоленске Василий Дмитриевич попросил его о поддержке в войне с Тамерланом, Витовт без раздумий отправился за Дон. Тем более в кармане

у него был припрятан козырный туз. В Лидском замке Витовт приютил хана Тохтамыша, изгнанного из орды Тимуром. Тохтамыш, конечно, сжег Москву, но сейчас ему предоставлялся шанс искупить грехи. Это была бы хорошая рокировка: бесноватого хромца поменять на прирученного хана.

В битве под Азовом в 1407 году Витовт наголову разбил ногайских и заволжских татар, как писал хроникер, «Дон, Ворскла, и Синяя Вода, и Волга кровию плынули, татар погибло сто тысяч и больше». Кроме неисчислимых стад скота, из-под Азова одну татарскую орду Витовт отправил в Литву, а вторую в Польшу. Именно с этого времени в польских, белорусских и литовских городах появились татарские слободы.

Однако во второй битве с татарами, произошедшей в 1409 году, наголову был разбит уже Витовт. Он и Свидригайло с малой дружиной бежали в Литву. Предводителем татар остался Тамерлан, Тохтамыш свои дни окончил в Лиде. Татары под началом Едигея вновь ворвались в русскую землю, дошли до Киева, и киевляне откупились от них тремя тысячами серебряных рублей.

Воюя с крестоносцами и татарами, Витовт защищал интересы Великого княжества Литовского. Но он же был и первым литовским князем, который заключил унию (союз) с Польшей. Съехавшись в Литве, Ягайло и Витовт постановили: если бы Витовт не имел детей, а Ягайло имел, то дети его становились правителями обоих государств. Если же у Ягайло не было детей, а были они у Витовта, то правителями становились его дети. Литовская и польская знать присягнули друг другу, что отныне в Литве и Польше править будет потомство Ягайло и Витовта.

И здесь у Ягайло было неоспоримое преимущество — сыновья Владислав и Казимир. Любой из них, даже не дожидаясь смерти Витовта, мог претендовать на Лит-

ву. Витовт отправился к королю римскому и венгерскому Сигизмунду, недолюбливавшему Ягайло, и попросил его ходатайствовать перед папой римским о коронации Витовта в Литве. Под предлогом надвигающейся войны с турками в Луцке был созван сейм, где Сигизмунд и предложил короновать Витовта. Польской шляхте это не понравилось, и она предложила Ягайло покинуть сейм, что он и сделал. Сигизмунд и Витовт отправили послов к папе с просьбой благословить Витовта на королевство. Ягайло, в свою очередь, направил к нему послов с резкими возражениями.

Сигизмунд, однако, добился у папы разрешения короновать Витовта. Ягайло разослал по всем дорогам, ведущим из Рима в Польшу и Литву, заставы с приказом перехватить папских послов. И те, узнав об этом, повернули коней назад в Рим...

Это была последняя битва Ягайло и Витовта, и выиграл ее польский король. Вожделенная корона так и не увенчала седую голову литовского витязя. Узнав о том, что папские послы не смогли доехать до Литвы, Витовт занемог и умер. Это было в 1430 году.

Витовт княжил в Литве тридцать семь лет.

Куликовская битва

В Монастырщину мы приехали глубокой ночью. Моросил теплый дождь. В церкви, стоящей на берегу Непрядвы, светились окна. Внизу за рекой расстилалось огромное пространство. Это чувствовалось по разреженности воздуха, по двум-трем огонькам далеких огней, по сполохам зарниц, играющих на краю земли.

— Куликово поле, — сказал археолог Михаил, сопровождавший нашу группу.

— Сколько сезонов вы здесь провели? — спросил я.

— Больше десяти.

— Много откопали предметов, свидетельствующих о Куликовской битве?

— Два наконечника копий. Основные находки были сделаны в начале XIX века. А потом появился железный плуг.

— И что?

— Распахали Куликово поле...

— А останки погибших воинов? Ведь здесь столкнулись две огромные армии.

— Тоже пока не обнаружили. Но численность войск, участвовавших в битве, летописцами сильно преувеличена. Не больше десяти тысяч с той и этой стороны.

— Откуда такие цифры?

— Правобережье Непрядвы, где происходила битва, в XIV веке было густо изрезано балками. Летописная двухсоттысячная рать здесь не смогла бы развер-

нуться по фронту. Но это нисколько не умаляет значение Куликовской битвы.

Да, значение этого сражения русских и татарских войск трудно переоценить. Но в нем должна была принять участие и третья сила — войско великого литовского князя Ягайло...

В Москве в 1359 году великим князем стал сын Ивана II Дмитрий. Именно в период его княжения Москва отказалась платить дань татарам, что, конечно, не могло не вызвать ответной реакции.

И в 1380 году ордынский правитель темник Мамай во главе огромного войска двинулся на Русь, дабы наказать ослушника. Из Вильни ему на подмогу выступил с войском великий литовский князь Ягайло...

«Осень бо тогда бе долга и дние были теплые, и ночи светлы со воздушнею теплотою», — написал в «Хронике литовской и жмойтской» летописец.

Надо сказать, повесть о Куликовской битве включена в «Хронику» самостоятельным фрагментом. Исследователь белорусско-литовских летописей Н. Улащик считает, что она «вставлена чисто механически, без всякой попытки увязать ее с предыдущими и последующими текстами. Несогласованность эта особенно отчетливо проявляется в том, что сразу за повестью, враждебной в отношении к Ольгерду (в повести на помощь Мамаю шел не Ягайло, а Ольгерд), «Кройника» опять возвращается к обычному благоприятному отношению к великому князю литовскому».

Итак, три огромные армии с трех разных сторон направились к Куликову полю, расположенному между Непрядвой и Доном. Сейчас это — местность в Тульской области, находящаяся в сердце России. А тогда — южные пределы Московского княжества.

Битва состоялась 8 сентября 1380 года. В «Хронике литовской и жмойтской» говорится, что в страшной сече погибло «двесте пятдесят и три тысячи» русских воинов. Татарское войско было разгромлено полностью, «его же бяше дванадесят сот тисящь». Мамай с четырьмя князьями бежал в Кафу (Феодосию), но его там узнали и убили фраги (генуэзцы). «И тако злый зле погибе, зоставивши по собе вечный срам».

А что же Ягайло? Его войско находилось неподалеку от Куликова поля, но в битву так и не вступило. Летописец в «Хронике» сообщает, что Ягайло, «зобравши литвы много, варягов и жмоди», остановился возле Одуева. Вероятно, он пребывал в раздумьях. С одной стороны, ему представился уникальный шанс избавиться от соперника в лице московского князя Дмитрия. С другой — так ли уж ему хотелось помогать татарам, у которых были свои соображения относительно дальнейшей судьбы русских земель? Победив Дмитрия, Мамай вряд ли подарил бы литовцу Москву. Но самое главное, войско Ягайло в своем большинстве состояло из православных. Мы уже говорили, что в Великом княжестве Литовском основной частью населения были украинцы и белорусы, именно они шли под знаменами Ягайло.

Однако литовские воины все же приняли участие в Куликовской битве. Сыновья Ольгерда, полоцкий князь Андрей и брянский князь Дмитрий, с дружинами пришли к Дону и соединились с русским войсками в «месте, названном Березуе». Кроме того, «найлепший литовский воевода Димитрий Боброк, родом волынец», командовал засадным полком, сыгравшим решающую роль в исходе битвы. Все они были православными.

Князь Дмитрий, именно в те дни получивший имя Донской, стоял на поле еще восемь дней, «поки аж воинство все от погоне за татарами поверталося и поки розобрали тела христианскии от татарских и погребо-

ша христиан, а поганых телеса остались зверем и птицам на покарм».

Ягайло тихо и незаметно ушел назад в Литву. Через шесть лет он стал королем Польши. Это означало, что притязания Литвы на московский престол закончились. Понимал это не только Ягайло, но и его непримиримый противник Витовт, мечтавший о полной самостоятельности Великого княжества Литовского.

Впрочем, у них впереди была еще одна великая битва, имевшая огромное значение в истории Восточной Европы, — Грюнвальдская. В ней впервые единым фронтом выступили поляки, литовцы и русские.

Завершая рассказ о Куликовской битве, необходимо упомянуть, что всего через два года татарский хан Тохтамыш сжег Москву. Однако его поход на Русь Золотой Орде ничего не дал. Москва уже никогда больше не платила татарам дань, как и не принимала татарских ставленников на княжество ни в одном из городов русской земли.

Старый король

Великий князь литовский и король польский Жигмонт (Сигизмунд) I Старый, правивший в Литве и Польше с 1506 года, умер 1 апреля 1548 года.

О его избрании на престол в «Хронике Литовской и Жмойтской» сказано: «Року 1506. Отправивши погреб кролеви Александрови в Вильню, все панове и княжата литовские згодне все Жигмонта, брата Александра кроля, яко пана прирожоного на Великое князство Литовское ведлуг своего звычаю поднесли, а панове теж коронныи и все рицерство, скоро доведалися, же умер Александер кроль и похован в Вильню, зъехалися на сейм до Варшавы и там Жигмонта, князя литовского и руского, все едностайне на кролевство Полское обрали и з Литвы з великою охотою и радостию провадили до Кракова, и там его короновал на кролевство Андрей Рожен, арцибискуп гнежненский».

Практически в это же время, в 1505 году, великим князем московским был посажен сын Ивана III, Василий III, правивший на Руси до 1533 года. Именно в противостоянии Жигмонта и Василия решалась судьба русских земель, принадлежавших Литве.

Как известно, при Иване III под руку Москвы отошли Ярославль, Новгород, Тверь, Вятка, Пермь и другие города. При его отце, Иване III, в 1480 году произошло великое «стояние на Угре», после которого на Руси завершилось монголо-татарское иго.

Василий III подчинил себе Псков (1510), Смоленск (1514) и Рязань (1521). Московское княжество становилось действительно Великим, может быть, не таким, как Великое княжество Литовское, простиравшееся от Балтийского до Черного моря, но вполне с ним сопоставимым. Украинские и белорусские земли в этом славянском споре приобретали первостепенное значение. Кто становился господином в Киеве и Полоцке, тот получал право именоваться цесарем.

Кстати, для хрониста, писавшего «Хронику Литовскую и Жмойтскую» кириллицей и бывшего по вероисповеданию православным, события, происходившие в Москве, были столь далеки, что Псков и Смоленск в его редакции покорял не Василий, а Иван Васильевич. Для хрониста гораздо важнее представлялись борьба за власть между Жигмонтом и Михаилом Глинским или разгром князем Константином Острожским перекопской орды Менгли Гирея под Вишневцем.

В 1514 году, после взятия Василием III Смоленска, произошла битва под Оршей, которую некоторые историки считают самой крупной победой Литвы над Москвой. По свидетельству хрониста, московским войском командовал князь Иван Челядин, польским — гетман Ян Свирщевский, литовским — гетман Константин Острожский. Кстати, Острожский после поражения на реке Ведроши находился в московском плену семь лет и освободился только в 1507 году. Так что ему было за что мстить.

Сама битва состоялась на Рожество Пресвятыя Богородицы. Как говорится в «Хронике», «и помогл бог войску полскому и литовскому, иж всю москву наголову побили и настарших воевод их поимали». Среди «поиманых» воевод были князья Булгаковы, Пронские, Селеховские, Ромодановские, Колычовы, Путятич, Нащокин и многие другие. Сам Челядин «зостал на пляцу забитый есть».

После битвы под Оршей Константин Острожский ходил на Смоленск, однако город не взял.

Активные боевые действия Жигмонт вел и с прусами. «Року 1521. Повстал на кроля Жигмонта Албрихт, мистр пруский, сестренец его ж кролевский з войском своим, а кроль Жигмонт, зобравши войска свои, ишол до Торуня и подбил Албрихта под свою власть и учинил его княжатем пруским, и от того часу крол почал се писати княжатем пруским».

И дальше: «Року 1525. Албрихт, мистр пруский, учинил присягу королеви Жигмонтови в Кракове посрод ринку, на маестате седячому. Там же Албрихт скинул з себе плащ крижацкий и на князство Пруское от кроля есть преложен, и от того часу закон Крижацкий, с которым литва през килкасот лет розмаитые войны мевала в Прусех, загинул».

Это был конец Тевтонского ордена. Последний его гроссмейстер Альбрехт Бранденбургский принес ленную присягу польскому королю и обратил свои земли в светское герцогство.

В 1526 году к Короне отошли еще и мазовецкие земли, «бо их панове очистыи все померли».

Во время княжения Жигмонта I не прекращались войны с перекопскими татарами. Летописец отмечает татарские набеги в 1511, 1512, 1515, 1521 и 1524 годах. А в 1527 году состоялось наиболее крупное сражение с ними.

«Року 1527. Татары, гды великие шкоды починили в Полще, в Руси, и в Литве частыми своими утарчками, зараз панове литовские и руские зобралися против им охотнее... а найпервей Константин Острозский, гетман литовский; Юрей Семеновичь, княжа Слуцкое, Иван и Александер, княжата Вишневецкие; Андрей Немеровичь; воевода киевский, Евстафий Данкевичь, староста черкаский и каневский; и инших княжат и панят много,

которые гонили татар за Киев миль 40, аж на Олшаницу, которых было с царевичем Малаем 24000, которых за помочию божиею литва и русь з волынцами сщасливе наголову всех поразили, а полону звязаного христианского обоих станов з Руси, Подоля и Подгоря 80000 отгромили, и добытки и здобычи отняли, а татар на пляцу положили и побили всех 24000, мижи которыми было и турков 10000, а сам Малай царевич утекаючий от двух литвинов, догнаный, зостал поиманым, которого Константин, гетман литовский, казал обесити на голе едной и стрелами нашпиковати».

В 1529 году Жигмонт I посадил великим князем литовским своего сына Жигмонта Августа, однако правил еще целых 19 лет.

В 1535 году умер гетман Великого княжества Литовского Константин Острожский. Он был «похован в Киеве, в монастыру Печерском, в церкви Успения Пресвятыя Богородицы, а на его месце обран Юрий Миколаевич Радивил».

В 1548 году «кроль Жигмонт Старый захоровал и розрядивши порадне обедве речи посполитые — Коронную и Литовскую — той живот дочасный на вечныи премениł и похован в замку Краковском».

В памяти потомков он навсегда остался тем самым Старым королем, который присоединил земли тевтонских рыцарей и рассеял татарские орды. Последующие короли уже больше отдавали, чем приобретали.

Он остался последним королем старосветских времен.

Болотные люди

В белорусском языке есть слово «дрыгва» — трясина. Многие историки считают, что именно от него получили свое название дреговичи — одно из трех племен, сыгравших ключевую роль в этногенезе белорусов. По их мнению, дреговичи — это люди, жившие в дрыгве, болотной трясине. В энциклопедии «Этнография Беларуси» так и написано: «Дреговичи, одно из племенных объединений восточных славян. Название происходит, вероятно, от слова «дрыгва». Согласно археологическим исследованиям, занимали территорию на восток до Днепра, на север до Борисова, Логойска, Заславля, а также верховья Немана, на юг граница переходила за Припять, на запад... Западный Буг».

Но есть и другая точка зрения на происхождение дреговичей.

Как уже говорилось, несколько тысяч лет назад существовало общеевропейское языковое единство, из которого первыми во II тысячелетии до н. э. выделились балты. Славянские диалекты находились в этом единстве до середины I тысячелетия до н. э. По мнению некоторых ученых, тогда же существовала балто-славянская языковая общность, и племена, например, зарубинецкой культуры в зависимости от обстоятельств могли стать как балтами, так и славянами. В первой половине I тысячелетия н. э. славяне еще заселяли Повисленье, а со II века н. э. они стали колонизировать лесостепье меж-

ду Днепром и Днестром. С VI века началось проникновение славян в южные и юго-восточные области балтского ареала.

Многие языковые изменения в центральной Беларуси произошли в связи с расселением дреговичей. Приблизительно в одно время возникли города Туров (980), Берестье (1019), Менск (1067), Пинск (1097), Слуцк (1116), Городня (1128), Борисов (1128), Клецк (1128), Новогородок (1235), Волковыск (1252), Слоним (1252)... Все они имели единую планировку (замок, детинец, посад) и единую архитектуру.

Что собой представляли города, построенные дреговичами, видно на примере первой столицы Великого княжества Литовского Новогородка, современного Новогрудка, в котором в середине прошлого века работала археологическая экспедиция под руководством ленинградского ученого Ф.Д. Гуревич. Вот что она писала в своей книге «Древний Новогрудок»: «Велико было наше удивление, когда при разборке слоя XII — XIII веков открылись остатки совершенно необычных построек. В них поражало все: их большие размеры (площадь до ста квадратных метров); наличие кирпича и оконного стекла, встречающегося среди строительных остатков; стенная роспись одной из построек; разнообразный инвентарь, в составе которого было много предметов роскоши и уникальных изделий... Археологические исследования в Новогрудке с самого начала показали, что задолго до того времени, когда он был впервые упомянут в летописи, здесь существовал древнерусский город».

Налицо была мощная культурно-экономическая экспансия крупного этнического сообщества, а проще говоря — народа.

Византийские источники отмечают, что в VI веке на Балканах появилось племя драгавитов. Пришло оно, по всей вероятности, с реки Лабы, славянской Ойкумены,

где среди полабских славян среди прочих назывались драгавиты-другавичи. Колонизировав Балканы, драгавиты начали интенсивно действовать в северном и северо-западном направлениях (Ф. Климчук). Каковы были причины этого движения, сейчас не скажет никто, но в IX веке драгавиты-дреговичи уже сидели на берегах Припяти, Березины и Немана. Многолюдное славянское племя полноводной рекой влилось в озерно-лесистую землю Понеманья, и остановить их не смогли ни стена Беловежской пущи, ни Пинские болота. Города, селения, возделанные поля, пастбища и судоходные каналы неузнаваемо изменили облик этой земли. Интенсивная колонизация стала важнейшей предпосылкой для возникновения мощного государственного образования — Великого княжества Литовского. Понеманские земли стали его ядром, а первой столицей — Новогородок, нынешний Новогрудок.

Историю делают пассионарные народы, и одним из них на протяжении долгого времени были болотные люди — дреговичи.

Памятниками тем временам высятся руины Новогрудского замка и величественная Белая Вежа под Каменцом. Такими же памятниками являются Беловежская пуща с чудом выжившими в ней зубрами, реки Припять и Неман. И болото, полуосушенное, но все еще живое. Недвижно стоит вода в черных окнах между вековыми деревьями. Горьким запахом наполняет окрестности пыльца, сеющаяся с коричневых шишек аира. Летит с рыбой в клюве цапля. Плывет по затоке в просмоленном челне, посасывая люльку, болотный человек.

Ничто не пропадает бесследно в реке времени.

Между Днепром и Сожем

Я стоял у сувенирного киоска на Ремер-пляц, центральной площади Франкфурта-на-Майне, и выбирал открытки с видами города. Ко мне подошла пожилая пара туристов, и мужчина о чем-то спросил меня по-немецки. Я виновато улыбнулся и развел руками: «Нихт ферштейн». Мужчина удивленно посмотрел на меня и стал расспрашивать продавца сувениров. Тот показал, в какую сторону им надо идти, и что-то сказал мне. Я опять виновато улыбнулся.

Ко мне подошел писатель Василь Быков, который в то время жил во Франкфурте. Мы с ним условились встретиться именно на площади Римлян.

— За своего приняли? — улыбнулся он. — А вы похожи на немца.

— Я всегда считал себя типичным белорусом.

— Среди немцев встречается ваш тип.

Это было странно. К тому, что меня часто принимали за поляка, я уже привык. Но вот немцы...

— Откуда ваши корни? — стал расспрашивать Василь Владимирович.

— С Днепра.

— А точнее?

— Отец из Речицы, мать из-под Гомеля. Радимичи.

— Все правильно, — кивнул головой Быков. — Ваши предки пришли в Беларусь отсюда.

Я знал, что радимичи происходят с Вислы. В «Повести временных лет» сказано: «Радимичи же и вятичи — от рода ляхов. Были... два брата у ляхов — Радим, а другой — Вятко; и пришли и сели: Радим на Соже, и от него прозвались радимичи, а Вятко сел с родом своим по Оке, от него получили свое название вятичи».

Наряду с кривичами и дреговичами радимичи приняли активное участие в этногенезе белорусов. Заняв земли между Днепром и Сожем, они стали интенсивно развивать земледелие. Вот что говорится в «Повести временных лет»: «А радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай: жили в лесу, как звери, ели все нечистое и срамословили при отцах и при снохах, и браков у них не бывало, но устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни и здесь умыкали себе жен по сговору с ними; имели же по две и по три жены. И если кто умирал, то устраивали по нем тризну, а затем делали большую колоду и возлагали на эту колоду мертвеца и сжигали, а после, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах при дорогах, как делают и теперь еще вятичи. Этого же обычая держались и кривичи и прочие язычники, не знающие закона божьего, но сами себе устанавливающие закон».

Из этой записи становится ясно, что, во-первых, у кривичей, радимичей и вятичей к XII веку были еще сильны языческие традиции, а во-вторых, верховная власть с этими традициями активно боролась. Конечно, языческая Русь с ее наивными богами не могла исчезнуть в одночасье, и мы до сих пор сталкиваемся с обрядами, дошедшими до нас с дохристианских времен: празднованием Купалы, колядованием, похоронами стрелы...

Но вернемся к радимичам. Я понимаю своих предков, осевших когда-то (вероятно, в IX веке) между Днеп-

ром и Сожем. Эта земля не могла не понравиться. Впрочем, она была обжита задолго до прихода радимичей. В деревне Горошков под Речицей археологи раскопали одно из самых древних поселений на территории Беларуси. На высоком берегу Днепра стоят хаты под раскидистыми яблонями. За рекой видны заливные луга с пойменными озерами. На горизонте синеет лес. Сочные пастбища, рыбные озера и реки, леса, полные зверя и птицы, — что еще надо человеку для жизни?

Однажды летом родители взяли меня с собой на один из островов, расположенных в устье Березины, впадающей в Днепр под Горвалью. На острове взрослые, приехавшие сюда отдыхать, сразу же развернули скатерть-самобранку, а я побежал ловить рыбу. За полчаса я надергал штук пятьдесят плотвиц, густерок, красноперок, окуньков и ершей. Последним на обсосанный обрывок червяка взялся приличный щуренок. Ловить больше было не на что, и я смотал удочку. Взрослые, уже приступившие к песням, были немало озадачены количеством рыбы, которую я нанизал на ивовые прутья.

— Отвезем домой, — махнул рукой отец. — Здесь ее и сварить не в чем.

Этот остров до сих пор представляется мне райскими кущами, в которых жили до встречи со Змеем Адам и Ева.

Кроме Березины в этих местах впадали в Днепр реки Ипуть, Сож, ниже по течению Припять. И моя любимая Ведричь. До того, как в этой речке отравил воду спиртзавод, рыбы в ней было несметное количество. Мы ее ловили удочками, донками, топтухами, бреднями, руками...

Что же касается немцев, заговоривших со мной на площади Римлян во Франкфурте, то еще в XVI веке славяне заселяли большую часть Европы. Как ни теснили их германцы, они упорно цеплялись за свою прародину — междуречье Вислы и Одера. Кстати, генетическая

память у людей необычайно сильна. Моя родня из-под Речицы всегда считала себя поляками, хотя никто из них не помнил, когда их прадеды оттуда пришли. Впрочем, у них и фамилия была Пуховские. Может быть, они поселились на Днепре во времена Речи Посполитой, когда белорусские земли отдавались во владение так называемым осадникам.

А своих двойников чаще всего, конечно, я встречал на отчей земле, в Гомеле... Моя прародина была здесь.

Цвели в мае роскошные яблоневые сады. Пронзительно кричали, зависая над речной стремниной, чибисы. Ныряли в гнезда в днепровских кручах ласточки-береговушки. Шумел ветер в разлапистых соснах — и этот шум соединял старые и новые времена.

Род радимичей продолжал жить.

Литва и татары

Шурик Емельянович, с которым я кончал школу в Новогрудке, был татарин. Говорил он, как и мы, на смеси русского и белорусского языков, а вот внешне отличался от нас. Круглое лицо, широкие скулы, узкий разрез глаз, желтоватый оттенок кожи. И был он невероятно силен. Однажды на большом перерыве в почтительном окружении подростков сошлись два школьных силача — Шурик и Иван Лецко. Иван был намного крупнее Шурика, однако тот, не моргнув узким глазом, обхватил его за туловище, легко приподнял и швырнул на спину. Мне показалось, что от падения Ивана содрогнулась земля. Шурик помог товарищу подняться, отряхнул с его спины грязь и виновато пожал плечами. Как и большинство силачей, был он добродушен.

Емельяновичи были коренными жителями Новогрудка, их род жил здесь с незапамятных времен.

После окончания университета я стал работать в Институте языкознания Академии наук. Однажды университетские знакомые попросили меня свозить на диалектологическую практику в Клецк под Минском группу студенток филфака. В этой поездке не было бы ничего необычного, если бы не знакомство с местным учителем географии Николаем Ивановичем. Студентки жили в спортивном зале школы, Николай Иванович опекал их, и как-то он пригласил меня к себе в гости. После чашки чая он достал из заветной шкатулки старинный свиток и

осторожно развернул его. Буквы кириллицы на желтом пергаменте уже изрядно выцвели, но я все же разобрал, что сией грамотой Великий литовский князь Александр Казимирович даровал шляхетские привилегии шести татарским мурзам.

— Один из этих шести, Исмаил, мой прапрадед, — сказал Николай Иванович. — Грамота датирована тысяча пятьсот вторым годом, но в Литву мы пришли гораздо раньше, при Витовте.

Грамота произвела на меня сильное впечатление. Плотная бумага, остатки великокняжеской печати на шнурке, вязь старобелорусского письма с «ятями» и «ерами». Сохранять ее на протяжении четырехсот лет было непросто, а в какие-то моменты и опасно для жизни.

— В музей ее отдать не хотите? — спросил я Николая Ивановича.

— Не больно она там нужна, — сказал учитель и убрал грамоту в шкатулку.

Я думаю, он уже пожалел, что показал семейную реликвию незнакомому человеку.

С этого времени я всерьез стал интересоваться историей татар, осевших в Великом княжестве Литовском.

Впервые «Хроника литовская и жмойтская» сообщает о походе татарских войск на Литву под 1263 годом. Внук Батыя Кайдан, царь заволжских татар, послал своих баскаков к литовскому князю Радзивиллу с требованием дани. Тот платить отказался и вышел с войском татарам навстречу. Как сообщает хроника, битва произошла под Мозырем на Припяти. Татары были разгромлены, и сам Кайдан едва ушел с малой дружиной в Орду. В Беларуси есть местечко Койдановo, названное в честь этой самой битвы с Кайданом, но находится оно далеко от Мозыря — под Минском. Вероятно, татары прошли далеко в глубь княжества, но это не меняет дела.

С конца XIII века татарские набеги на Литву принимают массовый характер. Однако при этом татары не только захватывали и грабили города, но и выступали союзниками на стороне тех или иных князей в многочисленных междоусобных конфликтах. А на рубеже XIV—XV веков двумя многотысячными ордами они пришли в Литву и Польшу и поселились во многих городах, в том числе, вероятно, и в Новогрудке.

Как уже говорилось выше, великий князь Витовт решил посадить царем заволжских татар Тохтамыша, изгнанного в 1395 году из Золотой Орды Тимуром. Тохтамыш со всеми своими уланами и мурзами с 1396 по 1399 годы жил в Лидском замке, и Витовт не мог не разыграть татарскую карту. Собрав большое войско, Витовт пришел «за Танаис або Дон до замку Озова». Туда же пришли татары «и положилися кошем», то есть стали лагерем. Произошли две стычки литовско-русских и татарских войск, а в третьей Витовт «поразил их наголову, нагайских и заволских татар, и забрал все их кристи, верблюды, бахматы, быдла стада; а так их поразил на сто тысячей и болш; Дон, Ворскло и Синяя Вода, и Волга кровию плынули».

Это была знаменитая битва у Синей Воды. Именно после нее Витовт и поселил в Великом княжестве Литовском татар. «Одну орду Витовт до Литвы припровадил, которую над Вакою рекою посадил, другую часть орды тои ж послал кролеви Ягайлу до Полши».

Однако противостояние Витовта и Тимура на этом не закончилось. «Великий хромец» к этому моменту был полновластным хозяином Азии. Как сказано в «Хронике», Тимур «Баязета царя турецкого звязавши ланцухом (цепью. — *А.К.*) золотым, возил в клетце железной, як птаха, з триумфом великим, а турков тысячий двесте на пляцу положил, Персов, Сирию, Армению, Медское панство и Египет великий звоевал».

Вот против этого самого Тимура и пошел Витовт, решив вернуть на золотоордынский престол Тохтамыша.

Снова собрав русские, литовские и татарские (под началом Тохтамыша) войска, Витовт пришел к Ворскле, где встретился с Едигеем, командующим войсками Тимура. Вероятно, хорошо понимая, с кем он имеет дело, Витовт послал к Едигею краковского воеводу Спытку с просьбой о мире. Татары ответили согласием. Но молодые русские князья, как рассказывает летопись, закричали: «Мы хочем битися, а не мирити; битися, битися пришлисмо».

И битва началась. «Алла, алла» татары кричать, а наши христиане и литва, шаблями и стрелбою ручничною биючи их, волают: «Господи помогай»... Крик, гук отвсюль... кули, стрелы, як дождь, свищучи, летят с обу сторон в полях як рой пчолный; кричат, шабли, мечи гримят, зброи от копий трещат». Татары в конце концов «збили все наше войско и роспорошили». Витовт и Свидригайло с малой дружиной бежали в Литву. В битве погибли Андрей, князь полоцкий, с братом Дмитрием, Ольгердовичи; князь Иван Дмитриевич; князь Иван Борисович; князь Глеб Станиславович; князь смоленский Василий; князья Глеб Кориатович с братом Симеоном; князь Иван Скиндер; князь Михаил Подберезский; Дмитрий и Федор, князья Патрикевичи; Спытко, воевода краковский... Вероятно, это они кричали Витовту, что пришли биться с татарами, а не мириться.

Дорога на Киев и Вильню была открыта, и татары по ней пошли. Киевляне откупились от осады, как написано в «Хронике», «трома тисячьми рублей сребрных грошей». Татары двинулись на Луцк и Волынь, но тут умер Тамерлан, и они повернули назад...

Тохтамыш умер в Литве в 1406 году. Последний золотоордынский хан Ахмед нашел пристанище в Щучине под Гродно. Кстати, с 1434 по 1443 год в Лидском замке жил еще один татарский хан-изгнанник — Давлет Хад-

жи-Гирей, но его судьба оказалась намного счастливее судьбы Тохтамыша. С помощью Литвы Давлет Хаджи-Гирей стал ханом перекопских татар, основателем династии ханов Гиреев в Крыму. Родом он был из-под Троков (Тракая).

— Для чего Витовт поселил в Литве и Польше две татарские орды? — спросил я тогда в Клецке Николая Ивановича, хранителя уникальной родовой грамоты.

— Следили за порядком в княжестве, — удивленно посмотрел на меня учитель. — Усмиряли бунтовщиков, охраняли дворцы и замки. Исмаил, мой прадед, был начальником сотни. Татары считались верными воинами, участвовали во многих битвах на стороне Литвы. За это, собственно, и были отмечены. После Витовта и другие великие князья принимали к себе татар. Без татарской конницы, например, мы не смогли бы победить крестоносцев под Грюнвальдом.

Это была чистая правда.

Я вспомнил, что отец Шурика Емельяновича был одним из милицейских начальников в Новогрудке.

А сам Шурик погиб вскоре после окончания школы. Ехал с девушкой на мотоцикле на озеро Свитязь, попытался обогнать грузовик, а навстречу автобус... Тогда, в начале семидесятых, мотоциклы были модной забавой, немало парней и девчат погибли на дорогах, обсаженных тополями.

Я в это время учился в университете, где белорусскую литературу у нас преподавал Степан Хусейнович Александрович — потомок тех самых татар, которых переселил с Азова в Литву Витовт.

В своих воспоминаниях С. Александрович писал: «В Копыле издавна жила горстка потомков монгольских племен. Дома их ютились на двух улочках — Татарской и Замковой, возле мелкой Каменки, рядом с высоким замчищем (согласно преданиям, все они когда-то состав-

ляли личную охрану копыльского князя). В этнографическом облике местных татар сохранились еще восточные черты, кое-как соблюдались обычаи и обряды, но родной язык они уже давно утратили и говорили побелорусски. Большинство семей выделывали овчины и кожи, некоторые занимались огородничеством или просто земледелием».

От него я впервые услышал, что у классика русской литературы Ф.М. Достоевского татарские корни. Как позже выяснилось, Достоевский принадлежал к другой ветви татар, живших в Великом княжестве Литовском.

Около 1389 года из Золотой Орды в Москву к Великому князю Дмитрию Донскому приехал Аслан-Челеби-мурза с 30 татарами своего знамени. Он принял православие и получил имя Прокопия. Дмитрий Донской выдал за него дочь своего ближнего человека Зотика Житова Марию и пожаловал ему во владение город Кременецк. Сына Прокопия Льва звали Широкий Рот, и все его потомки получили фамилию Ртищевы.

В княжение Василия Темного в Литву в свите князя Ивана Васильевича Ярославича бежал Данило Иванович Ртищев. Ему-то и пожаловал пинский князь Федор Иванович село Достоево, и Ртищевы стали Достоевскими. Второй сын Ивана Даниловича, Федор, поселился на Волыни вместе с князем Андреем Курбским. Вот к этой волынской линии Достоевских и принадлежит великий русский писатель.

На гербе Ртищевых изображены полумесяц и шестиугольная звезда, что, несомненно, указывало на татарское происхождение рода Ртищевых. Однако к татарам, переселенным Витовтом из-под Азова в Литву и Польшу, они не имели отношения.

Пропавший народ

Я родился в пинском Полесье, но мои родители были с Гомельщины. После войны мама с папой уехали на работу в Западную Белоруссию, там познакомились, поженились, и я родился в городском поселке Ганцевичи, по выражению Якуба Коласа, учительствовавшего в этих местах, — в полесской глуши. Торфяное болото, поросшее чахлым кустарником, одинокий дуб в поле, аист, кружащий над ним, сгорбленная цапля, дремлющая на кочке посреди воды... Летом от ударов молний загорались торфяники, и запах гари наполнял воздух смутным ощущением тревоги.

В нашем городке было много приезжих. Василий Федорович Проскуров, редактор районной газеты, с которым дружил мой отец, приехал сюда из Витебской области. Он часто говорил нам, что здешние полешуки сильно отличаются от всех прочих людей.

— Полешуку хоть кол на голове теши, а он все равно сделает по-своему! — убеждал он отца. — Не верит ни в Бога, ни в черта. Сидит на хуторе, плетет лапти и вьюнов ловит.

Вьюнов здесь ловили зимой. Пробивали на озере во льду лунку, опускали в нее на веревке корзину с сеном, через час вытаскивали полную корзину вьюнов. Почему рыба зарывалась в сено, не мог мне объяснить никто из взрослых.

— Ты заметил, что они и по виду отличаются? — не отставал от отца Проскуров.

— Кто? — недоумевал отец.

— Полешуки. Ей-богу, пришлый народ. Может, они с Луны свалились?

Лет через десять, уже учась в университете, в очерке Владимира Короткевича «Земля под белыми крыльями» я прочитал: «Чернявых среди белорусов немного. Чаще всего они встречаются в Полесье, на юг от Припяти, и, отчего-то, преимущественно среди мужчин, да еще в некоторых местах на Гродненщине («Гродненцы — грачи»), что часть ученых объясняют остатками примеси древней ятвяжской крови».

Как известно, предками современных белорусов были племена кривичей, дреговичей и радимичей, которые, в свою очередь, ассимилировали некоторые балтские племена, жившие между Припятью и Неманом, в том числе и ятвягов.

В «Повести временных лет» ятвяги впервые упоминаются под 983 годом: «Иде Володимер на ятвягы, и победи ятвягы, и взя землю их». Там же: «В лето 6546 (1038). Ярослав иде на ятвягы».

Гораздо чаще ятвяги упоминаются в Галицко-Волынской летописи, но это и понятно — они были ближайшими соседями Червоной Руси: «В лето 6759 (1251). Седе Самовит во Мазовши. Посла к нему Данило и Василко, рекша ему, яко: «Добра видил еси от наю и изиди с нами на ятвязе».

А вот «Хроника литовская и жмойтская»: «Того ж року (1224. — *А.К.*) ятвяги, побратимове литовские, зобравши войско барзо великое з литвы и з своих ятвягов а втягнувши на руские знищоные панства, краины вси и волости около Пинска, Охожи, Бусовки и Дорогичина побрали и спустошили...» И далее: «...По коронации Данило, кроль руский, собравши руское войско, тягнул на

ятвяги, которые... в лесах мешкали (жили. — *А.К.*), ничого иншого не робячи, тылко з людских прац (трудов. — *А.К.*) жили, а чинили великие шкоды в панствах руских и полских, выслав напервей сына своего Лва з рицерством... а потым сам за ним ишол з войском. Там же, напавши на ятвяги, вси войска их поразили и двох князей их забили, а иншие ятвяги все присягли служити ему и дань отдавати с послушенством, чому велми поляци заздростили (завидовали. — *А.К.*)».

Есть еще один письменный источник того времени — «Великопольская хроника». Под 1182 годом в ней, в частности, говорится: «Казимир, окруженный верными друзьями, устремляется к границам пруссов. Совершив много нападений на их соседей, он разбил их... и вступил в земли полешан. А до сих пор никому не удавалось... справиться с их необузданной свирепостью.

Полешане — это народ гетов или пруссов, племя жесточайшее, отличающееся звериной свирепостью, населяет обширную пустыню. Дорога к ним недоступна из-за очень густых лесов и смоляных болот».

Полешанами поляки называли ятвягов.

Польский исследователь Я. Отромбовский в работе «Язык ятвягов» писал: «Территорией ятвяжского воздействия стала восточная Польша, в состав которой входили Мазовше и Малопольска». Он же считал, что последними потомками ятвягов являются литовцы, которые поныне живут в околице Дятлово (Гродненская область).

Но в XIV веке упоминания о ятвягах из летописных источников исчезли. Народ, заселявший землю между Неманом и Бугом, пропал.

Некоторые историки считают, что ятвягов уничтожили крестоносцы. Во второй половине XIII века началась экспансия Тевтонского ордена на восточные земли, и первыми под их ударами пали пруссы и ятвяги. Прус-

сы, правда, передали им свое имя, немецких рыцарей в летописях стали называть пруссаками. А ятвяги исчезли бесследно.

Доля истины в этих рассуждениях есть. Но гораздо более логичным кажется предположение, что в результате ассимиляции ятвяги утратили свое самоназвание, превратившись в полешан-полешуков. Народ не пропал — он вместе с другими балтскими и угро-финскими племенами влился в восточнославянское этническое сообщество. В немалой степени этому способствовало и то, что язычники ятвяги наряду с пруссами и литовцами стали массово принимать христианство.

И теперь, встречая на Полесье черноволосых людей с глубоко посаженными глазами, я говорю себе: это потомки ятвягов. Ни с какой Луны они, конечно, не свалились, наоборот, они коренные жители, усвоившие язык пришельцев-славян. В лингвистике это явление называется субстратом.

— За Полесьем люди е? — спрашивает один полешук другого.

— Е, только дробненькие.

И я вспоминаю Василия Федоровича Проскурова, искренне изумлявшегося упорству полешука. Кое-что от менталитета народа, с которым никому не удавалось справиться, в этом полешуке все же осталось.

Садится солнце за лес. С болота выползают языки белого тумана. Кричит драч. Над речкой летит черный аист. Пахнет гарью. Вероятно, это еще не рассеялся дым погребального костра, с которого унесся в небо челн с последним ятвяжским князем.

Икона Мальборкского замка

В Мальборский замок я приехал в начале августа. Под неярким балтийским солнцем краснела черепица на остроконечных крышах строений. Мощные стены и башни из красного же кирпича высоко возносились вверх. Решетка подъемного моста держалась на толстых цепях, и все же этот мост хотелось проскочить как можно скорее. Не дай Бог, решетка упадет, и от человека останется мокрое место. Гигантские печи, отапливающие замок, поражали не столько размерами, сколько техническим совершенством. Внутренний двор был вымощен брусчаткой и украшен цветниками.

Именно отсюда великий магистр Тевтонского ордена Ульрик фон Юнгинген в июле 1410 года выступил во главе тридцатитысячного войска навстречу объединенным войскам Польши и Великого княжества Литовского.

15 июля 1410 года под селением Танненберг, ныне Стембарк в северной Польше, произошла самая грандиозная битва средневековой Европы. В исторической науке она именуется Грюнвальдской — по названию деревни Грюнвальд неподалеку от Танненберга.

Объединенными польско-литовско-русскими войсками командовали польский король Владислав II Ягелло (Ягайло) и великий литовский князь Витовт, в крещении Александр.

В этом сражении Ягайло и Витовт едва ли не впервые выступили под одним знаменем.

О том, что такая битва произойдет, было известно давно. Католический духовно-рыцарский орден, называемый Тевтонским или Немецким, захватил уже почти всю Прибалтику. Возникнув в 1237 году от слияния ордена Меченосцев и ордена рыцарей черного креста девы Марии, тевтонцы, изгнанные со Святой Земли, размещались сначала в Венгрии, а затем по приглашению мазовецкого князя Конрада перебрались в Хелминскую землю Польши. Отцы ордена не скрывали своих устремлений — на Восток! Там пригодные для освоения земли, богатые города, укрепленные замками, дешевая рабочая сила, которую легко можно обратить в истинную веру и поставить себе на службу. Замки крестоносцев росли в Польше, Пруссии и Литве как грибы после дождя, располагаясь в устьях рек и занимая господствующее положение в округе. Крестоносцы оказывали военную помощь польским и литовским князьям и из союзников незаметно превращались в хозяев. Столкновение становилось неизбежным, ибо два медведя в одной берлоге еще никогда не уживались.

К предстоящему сражению крестоносцы относились спокойно. Они были уверены в своей конечной победе. В огромном Мальборкском замке, стоящем на рукаве Вислы Ногате, великий магистр Ульрик фон Юнгинген проводил заседания капитула, заслушивая доклады комтуров. Войска находятся в полной боевой готовности. Союзником ордена выступает венгерский король Сигизмунд Люксембургский, и по договору с ним в случае победы к ордену отходят Жмудь, Белая и Литовская Русь, Полесье, Подляшье, Мазовецкое княжество, Псковские и Новгородские земли, Великопольша. Сигизмунд получал южную Польшу, Волынь и Подолию. Деньги? Их в замковой скарбнице более чем достаточно, монеты не

успевают засыпать в мешки, они кучами лежат прямо на полу. Кухонная челядь, правда, просверлила в потолке под скарбницей дыру и через нее таскала монеты. Работников поймали в корчме пьяными и по свежим следам дознались, откуда деньги на пьянство. Слуги были биты и изгнаны из замка. Капитул посмеялся над глупостью язычников. В этом тоже состояло предназначение орденской деятельности — обращать варваров в истинную веру. Бодричи, лютичи, шправяне, пруссы и ятвяги уже окрещены, очередь за литвой, жмудью и русью.

Арбитром в споре между Польшей и орденом за жмудские земли, подаренные Витовтом ордену в вечное владение, выступает чешский король Вацлав, но никто не сомневается, в чью пользу он вынесет решение. Крестоносцы — любимцы Матери Божьей, и этим все сказано.

В декабре 1409 года Ягайло и Витовт встретились в Бресте. Туда же был приглашен Джелаладдин, сын Тохтамыша. За участие татарской конницы в войне ему был обещан золотоордынский трон, что, к слову, и было выполнено в 1411 году.

Король и великий князь договорились о плане совместных действий. Были согласованы количество войск с обеих сторон, место сбора, набор наемников, дипломатические ходы, призванные ослабить позиции ордена.

Структура литовского войска выглядела так. В хоругвь входило от 60 до 300 копий. Копье — боевая единица, состоящая из рыцаря, оруженосца и лучника. Бедные бояре могли выступать в одиночку. Богатые приводили с собой нескольких оруженосцев и лучников.

Всю зиму 1410 года в Беловежской пуще трубили рога, заливались хорты и выжлецы, ревели смертельно раненые зубры. Охотничьи отряды заготавливали мясо зубров, лосей, оленей и кабанов для громадного войска. Предполагалось, что только под стягом Витовта соберется не менее тридцати тысяч воинов и обозников.

В последних числах мая в Гродно пришли 40 хоругвей Великого княжества Литовского. 30 из них выступали под гербом «Погоня», 10 — под гербом «Колонна». Сюда же прибыли пятитысячная конница Джелаладдина и три смоленских полка. В июне Витовт выступил к истокам реки Нарев, где был назначен сбор всех сил Великого княжества Литовского. В начале июля возле Червеньска на Висле Витовт встретился с войском Ягайло.

Польское войско состояло из 50 хоругвей, 7 из которых были украинские: львовская, холмская, галицкая, перемышльская и три подольские. Две хоругви выставили чехи, моравы и силезцы.

По оценкам разных источников, объединенное войско Ягайло и Витовта составляло от 36 до 160 тысяч воинов. Наиболее вероятной кажется цифра в пятьдесят тысяч хорошо вооруженных воинов.

Итак, в середине июля 1410 года под Грюнвальдом с обеих сторон сошлись от 80 до 90 тысяч воинов. Как написал летописец в «Хронике литовской и жмойтской», «потым вдарено в котлы, в сурмы и зараз литва з татарами з великою прудкостю скочили на немцы и сточили з ними битву, же конь об коня боком отиралися».

Но прежде чем рассказать о самом сражении, необходимо ответить на несколько вопросов. Прежде всего, почему орденский капитул позволил войскам союзников войти в орденские земли? Гораздо логичнее было самим крестоносцам выступить на Гродно. В крайнем случае — ударить на литву и поляков под Червеньском, куда они прибывали порознь. Плохо верится, что разведка крестоносцев не знала о передвижениях вражеских войск. Кроме того, был нарушен главный принцип средневековой войны: «Бей первым». Правильно вычислив обходный маневр союзников, когда те не ринулись на укрепленные броды через реку Дрвянку, а стали обходить ее у истока, тевтонцы пришли к Грюнвальду на день рань-

ше. Что заставило их ждать подходящего врага? Уверенность в собственных силах? Надежда на помощь Матери Божьей? Нерешительность великого магистра?

Ответить на эти вопросы сейчас уже не сможет никто.

А самое главное, крестоносцы знали, что в количественном отношении их войско было почти вдвое меньше польско-литовско-русского.

Но битва началась так, как она началась. Вот что написано в «Хронике Быховца»: «И коли вжо вси войска з обу сторон были поготове, тогды король Ягайло и князь велики Витолт тягнули ку битве все лесными а злыми дорогами, а поля ровного и широкого не могли мети, где бы ся ку битве застановити, нижли только были поля ровныя а великия под местом немецким Дубровным. И бачили то немцы, иж ляхове и литва з так великими войски не могли нигде инде вытягнути, только на тыя поля, и для того копали ямы и прикрывали землею, иж бы в них кони и люди падали; и коли вжо король Ягайло и князь велики Витолт з войски своими перетегнули оные лесы и пришли на тые Дубровенския поля, тогды гетман был найвыжшы во войску Ягайловым пан Сокол Чех, а дворны гетман был пан Спыток Спыткович, а в Витолтови войску старшы гетман был князь Иван Жедевид, брат Ягайлов и Витолтов, а дворны гетман был Ян Гаштолт. И как почали оные вышейписаные гетманове люди шиковати, а о тых ямах ничого не ведали, што на них немцы покопали, а так, шикуючи войско найвыжшие гетманове, князь Иван Жедевид а пан Сокол в ямы попадали и ноги собе поламали, и велми образилися, з чого ж и померли; и не толко одны гетманове, але и многим людем от тых ям шкода великая ся стала... И почалася битва з пораня межи немцы и войски литовскими, и многие множество з обу сторон войска литовского и немецкого пало. Потом, видячи князь велики Витолт, што

войска его силно много побито, а ляхове им жадное помочи вчинити не хотят, и князь велики Витолт прыбег до брата своего короля Ягайла, а он мшу слухает. А он рек так: «Ты мшу слухаеш, а князи и панове, братья мои, мало не вси побиты лежат, а твои люди жадное помоцы им вчинити не хотят». И он ему поведил: «Милы брате, жадным обычаем иначей вчинити не могу, толко мушу дослухати мшу», и казал гуфу своему коморному на ратунок потягнути... и пошол з войски литовскими, и немец наголову поразил, и самого мистра и всих кунторов его до смерти побили, и безчисленное множество немцов поймали и побили, а инные войска ляцкие ничого им не помогали, толко на то смотрели. А затым всих их поразивши и многие городы и земли их побравши, а остаток на конец выплениви и выпаливши, и пусту землю вчинивши, и з великою честью и з невымовным звитяжством, и на весь свет знаменитую славу осягнувши, за ся до своих земель доехали, и половицу хоругвей немецких и бороды мистрову и всих кунторов его з мертвых ободравши, и половицу взяли до Польский, а половицу до Литвы, где ж тые бороды и хоругви их в замку Краковском в церкви святого Станислава, а в Вилни также у святого Станислава завешоны суть».

Это белорусско-литовская версия Грюнвальдской битвы. Но существует еще и польская, которая существенно отличается от приведенной.

В своей «Истории Польши» Ян Длугош описывает битву следующим образом.

На левом фланге союзнических войск стояли поляки под командованием Ягайло (Владислава), справа — литовцы и белорусы, которых возглавлял Витовт (Александр), в центре расположились три смоленских полка. Первыми в сражение вступили войска Витовта, затем поляки. На протяжении часа шла жестокая сеча, в которой никто не мог взять верх. Крестоносцы, заметив,

что на левом фланге сложилось угрожающее положение, все силы бросили на правый фланг. Литовцы начали отступать, а затем и вовсе бросились в бегство. Некоторые из них, говорит Я. Длугош, опомнились только в Литве, где и сообщили, что король Владислав и великий князь Александр убиты. Витовт постоянно слал гонцов к Ягайло, прося у него помощи. Наконец он без охраны прискакал к королю и попросил того вступить в бой, чтобы личным примером вдохновить воинов. Польский историк умышленно принижал роль Витовта и возвеличивал польского короля.

По мнению Я. Длугоша, исход битвы решило мужество смоленских полков. «В этой битве, — писал историк, — русские Смоленской земли упорно сражались, стоя под собственными тремя знаменами, одни только не бросились наутек и тем заслужили великую славу».

На самом деле войска Витовта и татары Джелаладдина отступили лишь на время. Переждав первый натиск крестоносцев и перегруппировав силы, Витовт и Ягайло загнали тевтонцев в два огромных «котла». В одном погибали рыцари великого магистра Ульрика фон Юнгингена, во втором великого маршала Фридриха фон Валенрода.

В «Хронике литовской и жмойтской» говорится, что «самого мистра пруского Улрика простый драб ощепом пробив». В орденских хрониках записано, что великий магистр погиб от боевого топора хана Багардина. В любом случае, разгром крестоносцев был полный.

В битве под Грюнвальдом кроме великого магистра Немецкого ордена погибли великий маршал, великий комтур, великий одежничий, скарбник, десятки комтуров и войтов, тысячи простых братьев. Позже в костелах святого Станислава в Кракове и Вильне были выставлены знамена хоругвей Лихтенштейна, Бальги, Гернсдорфа, Бланкенштейна, Вальдова, Ноститца и многих дру-

гих. На них были изображены красный волк, белый лев с желтой короной, на знамени Валенрода — черный крест на белом поле.

Велики были потери и среди союзников: погиб каждый третий воин в шеренге, в некоторых — каждый второй.

Утром следующего дня Ягайло, Витовт и королевская рада решали, как быть дальше. Стоять три дня и ждать нового нападения, как велит древний рыцарский обычай? Или сразу же идти к Мальборкскому замку? Витовт предложил послать на Мальборк конницу Джелаладдина, которая пройдет сто верст гораздо быстрее пешего войска. Ягайло запротестовал. Не к лицу христианскому королю отправлять на рыцарей-христиан язычников. И тогда, похоронив погибших и отправив домой раненых, союзники двинулись к колыбели прусского рыцарства. Сто верст они шли неделю. За это время новый великий магистр ордена Генрих фон Плауэн сумел организовать оборону замка. Он не только собрал уцелевшие хоругви, но и заручился поддержкой имперских немцев, венгерского и чешского королей.

Полуторамесячная осада замка ничего не дала. 8 сентября первыми снялись и ушли войска Витовта. Вскоре за ними последовали поляки. Можно сказать, что союзники так и не смогли в полной мере воспользоваться плодами победы под Грюнвальдом.

Я стоял в пустом зале заседаний капитула Мальборкского замка. Перекрытия потолка удерживала всего лишь одна каменная колонна, стоявшая в центре зала. По преданию, Ягайло узнал об этом от перебежчика и велел установить на противоположном берегу Ногата бомбарду. В двенадцать часов дня, когда вся верхушка ордена соберется на совещание, лучшему бомбардиру королевского войска приказано было сделать выстрел.

Ядро должно было влететь в узкое окно и разбить колонну. В одно мгновение зал заседаний замка превращался в братскую могилу для отцов ордена.

И ядро действительно влетело в окно. Оно ударилось в пол и рикошетом вонзилось в стену, пролетев от колонны в считанных сантиметрах.

В том месте, где ядро пробило стену, великий магистр распорядился установить икону Божьей Матери, покровительницы ордена. Правда, заступничество девы Марии все же не уберегло замок. В 1457 году король Казимир Ягеллончик выкупил его у чешского гарнизона, которому крестоносцы не заплатили жалованье, и получил во владение на триста последующих лет.

Тевтонский орден исчез с политической карты Европы.

Виленская мадонна

На старинном шляху, ведущем из Минска в Гродно, стоит, окруженный глубоким рвом и прудами, величественный Несвижский замок, родовое гнездо Радзивиллов алыкско-несвижской линии. В полночь в нем появляется Черная дама. Со стоном и плачем она обходит залы и покои замка, и в пятнадцать минут пятого исчезает, скрываясь в подземных ходах. До XVIII века считалось, что она показывается на глаза влюбленным, которых ждет скорая разлука. Позже стали говорить, что своим появлением она предупреждает хозяев замка о грозящей беде — пожаре, болезни или войне.

Но в том, что Черная дама существует, не сомневался ни один из гостей Несвижского замка...

Барбара Радзивилл была дочерью Юрия I Радзивилла, младшего сына Николая Старого, основателя династии. Родилась она в декабре 1522 года в Вильне. В 1537 году в пятнадцатилетнем возрасте ее выдали замуж за тракайского воеводу Станислава Гаштольда, последнего представителя одного из самых могущественных родов в Литве. В 1542 году воевода умер, оставив Барбару двадцатилетней вдовой.

К тому моменту Барбара из династии Радзивиллов считалась самой красивой женщиной Польши и Великого княжества Литовского. Современники единодушно отмечали плавность и величественность движений Барбары, ласковый взгляд, стройную речь. Но главное —

необычайное обаяние. Посол Венеции писал о чудесной алебастровой коже, изящных руках, удивительных глазах северной красавицы. Для иностранцев блондинка Барбара Радзивилл была истинным воплощением славянской красоты.

К счастью или несчастью, дворец Гаштольдов в Вильне находился рядом с дворцом-замком великого князя Литовского, наследника польской короны Сигизмунда Августа. Из Кракова уже доходили вести, что его отец, король Польши Сигизмунд Старый, тяжело болен. К тому же, болела эпилепсией и молодая жена Сигизмунда Августа — Елизавета Габсбургская.

Наполовину итальянец, Сигизмунд Август воспылал страстью к Барбаре. Красавица ответила ему взаимностью. В те времена отказывать великим князьям было не принято, а кроме того, она росла в семье довольно свободных нравов. Сигизмунд Август и Барбара стали встречаться каждую ночь, о чем, естественно, вскоре узнали не только в Вильне, но и далеко за ее пределами.

Особенно взволновался владелец Несвижа двоюродный брат Барбары Николай Радзивилл Черный. Выдающийся дипломат, он мечтал выйти из-под власти польской короны и стать независимым королем Великого княжества Литовского. Вместе с родным братом Барбары Николаем Радзивиллом Рыжим он приехал в Вильню и потребовал от Сигизмунда Августа либо жениться на Барбаре, либо оставить ее в покое. Королевич, который знал о ненависти своей матери королевы Боны Сфорца к Радзивиллам, пообещал больше с Барбарой не встречаться.

Однако в первую же ночь он не выдержал, тем более, что между их дворцами уже был построен специальный переход. Но и Радзивилл Черный был не промах: распустив слух, что он возвращается в Несвиж, ночью

с Радзивиллом Рыжим в полном рыцарском облачении нагрянул к Барбаре. На всякий случай они и ксендза с собой прихватили.

Сцена их ночного похода была выдержана в лучших традициях того времени.

— Милостивый король! — сказал Николай Черный. — Не соблаговолите ли объяснить, почему вы оказались в спальне моей сестры? Ведь вы и клятву давали, что никогда больше не переступите этот порог!

— Мой дорогой, — ответил Сигизмунд, — не принесет ли мой случайный приход к вашей сестре многократное увеличение вашей славы, уважения и имущества?

— Дай-то бог! — сказали братья и позвали ксендза.

Королевич и Барбара тайно венчались. Как было написано в хронике литовской, «никто из членов Рады, духовенства и светских, никто из королевского двора не знал об этом союзе, за исключением Радзивиллов, Кежгайлы и ксендза».

События развивались стремительно. В самом начале разгоравшегося романа умерла семнадцатилетняя жена Сигизмунда Августа Елизавета Габсбургская. А в 1548 году умер и Сигизмунд Старый. Барбара была представлена двору как законная жена молодого короля.

И поднялась буря... Сейм, сенаторы, духовенство и шляхта потребовали от короля отречения от жены литвинки. Королева-мать Бона Сфорца в знак протеста уехала из Кракова в Италию, оставив, правда, в Польше некоего аптекаря по имени Монти с особым заданием. Николай Радзивилл Черный отправился к папе римскому, и то был далеко не единственный его визит в Рим в этом и следующем годах.

Надо сказать, у королевы-матери и двора были причины противиться этому браку. Барбара была из тех женщин, при виде которых мужчины теряли голову. Не-

други Радзивиллов кричали, что к моменту встречи Сигизмунда Августа и Барбары у нее было 38 любовников. А ее родная сестра еще до замужества родила нескольких детей. Все это могло быть. Но надо признать и то, что после встречи с королевичем Барбара уже ни на кого не смотрела...

Кстати, они были чудесной парой: стройный, темноглазый и темноволосый Сигизмунд и очаровательная кареглазая блондинка Барбара.

Наконец в декабре 1550 года сейм признал королеву Барбару и короновал ее в Краковском соборе. В марте 1551-го ее признала королева-мать. Но Барбара к этому моменту из цветущей красавицы уже превратилась в смертельно больную женщину, покрытую дурно пахнущими язвами. Во время коронации она сказала: «К другой короне меня небесный король зовет. Просите, чтобы этот земной скипетр он на пальму небесную заменил, а милого моего мужа после смерти моей в отчаянии и горе приласкал».

Аптекарь Монти свое дело знал хорошо.

8 мая 1551 года в страшных мучениях королева Барбара умерла.

Сигизмунд Август две недели провел у ее гроба, молясь и плача. Радзивиллы хотели, чтобы ее похоронили рядом с другими королевами в Вавельском соборе, но король сказал: «Не пристало ее и мертвую оставлять там, где эти люди были неблагодарны к ней живой». Согласно последней воле Барбары, ее тело перевезли и похоронили в Вильне.

Конечно, Барбара Радзивилл умерла отнюдь не потому, что ее красота кому-то не нравилась. Искушенная в дворцовых интригах королева-мать Бона Сфорца не захотела допустить на польский трон выскочек Радзивиллов — и своего добилась.

Между прочим, ее сын Сигизмунд Август так и остался бездетным. Именно на нем прервалась династия Ягеллонов.

Такова историческая канва этой трагической и едва ли не единственной в своем роде любви коронованных особ.

Дальше начинается легендарная часть.

После смерти Барбары король был безутешен. Он даже не хотел исполнять свои королевские обязанности, не говоря уже о том, чтобы обсуждать новую кандидатуру на роль королевы. Но главное, он готов был пойти на все, лишь бы еще раз увидеть любимую Барбару. И скоро в его дворце появились алхимики Твардовский и Мнишек. Они взялись устроить встречу с умершей возлюбленной при помощи зеркал, на одном из которых была выгравирована в полный рост фигура Барбары в белом одеянии. Чернокнижники, правда, поставили условие: король ни в коем случае не должен прикасаться к призраку.

— Может быть, ваша королевская милость позволит привязать себя к подлокотникам кресла? — спросил пан Твардовский.

Король отказался.

В полутемном зале воцарилась тишина. Послышался мелодичный звон, и из зеркала вышла Барбара. Она была столь же прекрасна, как в момент их первой встречи в Вильне.

— Моя Басенька! — закричал король и бросился к призраку.

Раздался взрыв, по залу распространился трупный запах, и призрак, мгновенно почернев, с громким стоном растворился в воздухе. Теперь душа Барбары была обречена вечно скитаться по земле, не находя дороги в могилу. После смерти Сигизмунда Августа она посели-

лась среди родовых камней Несвижского замка. На глаза людям она показывалась в черных одеждах.

— Шварце фрау! — кричали при виде Черной дамы немецкие солдаты, дважды оккупировавшие Несвиж, и в ужасе разбегались по парку, стреляя в воздух.

Алхимик Твардовский — реальное историческое лицо. По преданию, он продал душу дьяволу с условием, что тот заберет ее, если Твардовский умрет в Риме. Естественно, посещать вечный город алхимик не собирался до скончания века. Смерть настигла пана Твардовского в корчме, которая, конечно, называлась «Рим». Об этом написано у Адама Мицкевича.

Второй алхимик, Мнишек, возможно, относится к роду, который тоже оставил свой след в российско-польской истории, но это тема для отдельного разговора.

И все же самое интересное не в том, что по залам и анфиладам Несвижского замка до сих пор бродит тень Барбары Радзивилл, в образе которой удивительно переплелись реальность и легенда, христианство, язычество и чернокнижие, что, впрочем, было характерно для эпохи Ренессанса. Если вы когда-нибудь окажетесь в Вильне, нынешнем Вильнюсе, наряду с башней Гедимина, кафедральным собором и грациозным костелом Святой Анны вам обязательно покажут знаменитую икону — Матку Боску Остробрамску. По желанию Сигизмунда Августа виленская Мадонна была написана с Барбары Радзивилл, в этом не сомневается большинство исследователей. Ксендз Петр Снедевский писал: «Тип Мадонны Остробрамской очень похож на портреты королевы Барбары. Тот же нос, те же подбородок и губы, те же глаза и брови, то же строение тела». Кроме того, на руках у виленской Мадонны нет ребенка: А руки эти удивительно красивы, тонки и выразительны...

Лет тридцать назад в Першае под Минском доживала свой век последняя экономка графа Тышкевича, находившегося в родстве с Радзивиллами. Изредка она показывала гостям альбом с портретами своих господ и говорила:

— Смотрите, какие носатые Радзивиллишки — и какие аккуратные носы у Тышкевичей!

Барбара Радзивилл была исключением и здесь.

Вся ее короткая жизнь была исключением, в котором воплотились триумф и трагедия Великого княжества Литовского.

Золотые апостолы

О золотых апостолах Радзивиллов я услышал еще в детстве. На развалинах старого замка в Новогрудке мой школьный товарищ Мишка под страшным секретом рассказал, что его батька уехал откапывать клад с золотом.

— Настоящий клад?! — разинул я рот.

— Ну да, — оглянулся по сторонам Мишка. — Дед рассказывал, что там двенадцать золотых апостолов и куча монет.

— А дед откуда узнал?

— Карту нашел. Между Мирским замком и Несвижским есть подземный ход, и в нем спрятаны апостолы. Батька сказал — скоро разбогатеем.

До окончания школы богачом Мишка не стал, но его слова о золотых апостолах мне запомнились.

Надо сказать, клад Мишкиному отцу не помешал бы. Детей у него было пятеро, и бегали они по улицам в обносках и полуголодные.

Впрочем, разговоры о кладах в Новогрудке не были диковинкой. Город сам был кладом. Гора Миндовга с величественными руинами замка, холм Адама Мицкевича, насыпанный руками поклонников поэта, озеро Свитязь, похожее на гигантскую жемчужину в оправе из вековых дубов... В 1966 году отмечалось 950 лет со дня основания города, и мы знали, что он был первой столицей Ве-

ликого княжества Литовского. В самом названии этого государства была тайна. Великие князья, паны рады, гетманы, канцлеры, конюшие, подскарбии, подчашие и кравчие... А кроме того, многочисленная шляхта, самый худородный из который мог наложить «вето» на любое из принимаемых решений. Нет, тайн здесь было хоть отбавляй.

Через несколько лет я побывал и в замках Радзивиллов, Несвижском и Мирском.

В Несвиж я попал в конце мая. Май-травень в Беларуси вообще особый месяц. Одеваются в молодую зелень леса, очищаются реки, открываются земные дали, и над всем этим великолепием разносится клекот аиста, сидящего в гнезде на старом тополе...

Склоны замкового рва были усеяны звездочками маргариток, крупные виноградные улитки выползали из густой травы на дорожки парка, и стены замка, захлестываемые волнами цветущей сирени, представлялись высокими бортами корабля, пробивающегося сквозь столетия.

Мирский замок я увидел в сентябре. Золотыми факелами горели березы и клены, тянул высоко в небе журавлиный клин, и сам замок с мощными стенами и величественными башнями по углам отражался в водах пруда, как в зеркале.

Оба замка некогда принадлежали Радзивиллам, но родовым гнездом считался Несвижский. Существовали три ветви этого богатейшего рода: ганендзко-медельская, алыкско-несвижская и биржанско-дубниковская. Замок в Несвиже построил в 1583 году Радзивилл Николай Криштоф Сиротка (1549—1616). Свое прозвище он получил от польского короля, гостившего в Несвиже. В одном из покоев старого деревянного замка король обнаружил плачущего младенца и на-

звал его «сироткой». Вот этот Радзивилл Сиротка и приказал возвести на месте деревянного замка каменный. Итальянский архитектор Джиованни Мария Бернардони построил замок на правом берегу реки Уша. В двенадцати громадных залах располагались библиотека из двадцати тысяч томов, портретная и картинная галереи, в которых находилось более тысячи полотен, богатые коллекции старинного оружия, слуцких поясов, кореличских и несвижских гобеленов, голландских зеркал.

Историк Ю. Немцевич писал, что в Несвижском замке во времена Карла Радзивилла, самого богатого магната Речи Посполитой, стояли двенадцать апостолов, отлитых из золота, высотой два фута каждый. Кроме того, там же были двенадцать деревянных коней в упряжи редкой красоты, драгоценные камни, головные уборы, часы, нашейники, браслеты, шашки в золотом убранстве, булавы, редчайшая коллекция оружия.

Надо учитывать, что с 1547 года несвижские Радзивиллы носили титул князей Священной Римской империи, они были частыми гостями папы римского. Николаю Криштофу Сиротке, например, папа подарил серебряный сервиз на двести персон.

Перед разделом Польши в 1762 году у несвижских Радзивиллов только в Беларуси было около пятисот деревень, дававших сорок миллионов прибыли в год...

В 1812 году Доминик Радзивилл на свои средства вооружил и поставил под знамена Наполеона 8-й уланский полк. Это было началом конца радзивилловских богатств. Командир 14-го егерского полка французов А. Красовский написал, что в ноябре 1812 года из замка под сильной охраной было вывезено сорок подвод

трофеев. Позже по приказу Наполеона полковник Куперен доставил из Москвы в Несвиж тридцать подвод сокровищ.

Вместе с комендантом Бугельским и слугами сокровища были спрятаны в подземельях замка. Случайно остался один кованый сундучок с нитками жемчуга, серебряными табакерками, медальонами, частью архиерейского посоха, усыпанного бриллиантами, и множеством золотых и серебряных монет. Часть сокровищ русские солдаты нашли и отправили назад в Москву, но многое осталось в тайниках и, как предполагается, остается до сих пор.

После победы над Наполеоном имущество Радзивиллов было реквизировано. Сам Доминик Радзивилл был контужен при Бородине и умер в 1813 году.

Полностью сокровища Радзивиллов, в том числе и двенадцать золотых апостолов, в Несвижский замок не вернулись. Но, как вспоминал в своем «Почти дневнике» Валентин Катаев, еще в 1939 году в залах замка было полно мебели из редких пород дерева и огромных зеркал в тонких золоченых рамах. На столах дорогие скатерти с вышивками, цветы в больших вазах, в шкафах редкие фолианты. Охотничий зал выстлан шкурами медведей, волков, лис, на длинных столах разложены пистолеты, мушкеты, штуцеры, ружья, кинжалы. На стенах рога оленей, лосей, клыки кабанов в оправе из золота. В рыцарском зале выставлены доспехи — шлемы, нагрудники, набедренники. Вдоль стен стояли рыцари в латах и даже рыцари-конники со страусовыми перьями на шлемах...

Много лет о золотых апостолах Радзивиллов я ничего не слышал. Но вот на одном из собраний белорусов, живущих вдали от родины, я встретил земляковновогрудчан, среди которых был и Михаил, мой школь-

ных приятель. Он жил в Санкт-Петербурге, работал врачом.

— На родине бываешь? — спросил я его.

— А как же! — удивился Михаил. — Следующим летом выезжаю в экспедицию.

— За золотыми апостолами? — догадался я. — По дедовой карте?

— Похоже, ту карту дед сам нарисовал, — почесал затылок Михаил, — слишком много ошибок в польских словах. Но мы провели расследование и определили точное местонахождение клада. Там он, между Несвижем и Миром.

Я кивнул головой. Если золотые апостолы целы — они где-то там.

— Вроде, Несвижский замок сгорел, — сказал я.

— Это облегчает поиски! — оживился Михаил. — Действующий санаторий в замке под охраной — одно дело, стройка — совсем другое.

Я понял, что поисками сокровищ мой старинный друг занимается всерьез.

— И много вас? — оглянулся я по сторонам.

— Не очень... — замялся Михаил. — Семейный, так сказать, подряд...

— Ясно, — сказал я. — Есть шанс войти в историю.

— Войдем, — расправил плечи Михаил, — у меня уже два сына копают. Возьмут в руки лопаты — пыль столбом!

«Эх, — подумал я, — эту бы энергию да на строительство замка — за год восстановили бы».

Но люди, ищущие клады, к сожалению, не строят. Миражи их манят сильнее, чем истина.

Конечно, мне тоже хотелось бы увидеть золотых апостолов. И вовсе не как символ богатства радзивилловского рода. Они — история Великого княжества Ли-

товского, Руси Западной. Да, это государство исчезло, подобно Атлантиде, но остались замки, остались хроники и метрики, остались, хочется верить, двенадцать золотых апостолов. Не зная прошлого, человек не может прозреть будущее, и тот, кто не понимает этого, обречен на беспамятство.

А Несвижский замок должен быть восстановлен, пусть и без золотых апостолов в нем.

Великий канцлер

В узких улочках старой Вильны таится особое очарование. Отшлифованная миллионами подошв брусчатка мостовых. Глухие стены средневековых домов. Зубцы башни Гедимина, отчетливо рисующиеся в вечернем небе. Тонкий аромат цветущих лип, доносящийся из парка. Ажурные очертания костела святой Анны, восхитившие в свое время Наполеона.

— Нравится? — спросил Валентин, который был моим экскурсоводом по старой Вильне.

— Конечно, — сказал я.

— Но для нас с вами гораздо интереснее костел святого Михаила, — показал рукой Валентин. — Его на собственные средства построил канцлер Лев Сапега.

– Тот самый?

— Да, создатель знаменитого Статута 1588 года. И, как считают некоторые историки, воспитатель Лжедмитрия I. Пожалуй, самая яркая политическая фигура в Великом княжестве Литовском конца XVI — начала XVII века.

— Фигура, которой так и не удалось добиться главного — независимости своей страны, — сказал я.

Валентин кивнул, соглашаясь со мной.

Лев Сапега родился 4 апреля 1557 года в православной магнатской семье в имении Островно Витебского воеводства. Отец, Иван Сапега, был дрогичинским старостой. Мать, в девичестве Друцкая-Сокольская, тоже

происходила из богатой семьи. Семилетним мальчиком Льва отдали в протестантскую школу при дворе Николая Радзивилла Черного, лучшую по тем временам в Великом княжестве Литовском. Это и предопределило судьбу Льва. Его учили знаменитые ученые Европы, которых собрал под крышей несвижского замка Радзивилл Черный. К тринадцати годам, когда Лев вместе с сыновьями Радзивилла Черного Юрием и Станиславом поступил в Лейпцигский университет, он уже владел польским, немецким, латинским и греческим языками.

На родину Лев вернулся после смерти Сигизмунда II Августа, последнего представителя династии Ягеллонов. В 1576 году на трон Речи Посполитой был избран семиградский воевода Стефан Баторий. По ходатайству Николая Радзивилла Рыжего Лев Сапега был принят на службу ко двору нового короля. В 1581 году он занял должность главного писаря канцелярии Великого княжества Литовского. В 1585 году Сапега стал подканцлером, а в 1589, уже при новом короле Сигизмунде III Вазе, канцлером Великого княжества Литовского.

Именно Лев Сапега подготовил и издал в 1588 году Статут Великого княжества Литовского, в котором подробнейшим образом были прописаны нормы государственного, административного, военного, судебно-процессуального, брачно-семейного и опекунского, наследственного, земельного, лесного и охотничьего, уголовного права. Написанный на белорусском языке, Статут был понятен большинству населения Великого княжества Литовского, чем сам Сапега очень гордился: «Так кожъдый обыватель годен есть наганенья, который вольностью се фалить и прав своих умети и разумети не хочеть, которым правом усю вольность свою обварованую маеть, а если которому народу в стыд прав своих не умети, поготовю нам которые необчим аким языком, але своим власным права списаныя маем и каждого часу чого нам потреба ку отпору всякое крывды ведати можем».

В посвящении Сигизмунду III Вазе и всем сословиям Великого княжества Литовского Лев Сапега впервые сформулировал идею правового государства, направленную прежде всего против самоволия крупных феодалов: «...для того права суть поставлены, абы можному и потужному, не все было вольно чынити, яко Цицеро поведил, иж есте смо невольниками прав для того, абы сьмы вольности уживати могли...». И далее: «... вольности своее во всем постерегаем бо не только сусед а спольный наш обыватель в отчизне але и сам господар пан наш жадное звирхнасти над нами заживати не может одно толко колко ему право допушчаеть».

Статут 1588 года по праву считался вершиной европейской юриспруденции того времени. На территории Белоруссии он действовал до 1840 года, то есть даже после ликвидации Великого княжества Литовского. Основные положения Статута — презумпция невиновности, государственный и национально-культурный суверенитет, религиозная толерантность — не только способствовали созданию правового государства, но и влияли на содержание статей других сводов законов, в том числе российского Соборного Уложения 1649 года.

Приняв в 1586 году католичество, Лев Сапега тем не менее активно поддержал идею унии в Великом княжестве Литовском. При помощи унии канцлер надеялся остановить бесконечные конфликты между православными и католиками. Но главное, он хотел создать собственную национальную церковь, которая позволила бы ему в дальнейшем добиться не только религиозной, но и политической независимости страны.

В 1596 году Сапега лично присутствовал на Берестейском соборе в качестве королевского комиссара, где выступил со страстной речью в защиту унии. В дальнейшем он всячески поддерживал униатов, и когда в 1623 году православные жители Витебска за жестокие при-

теснения убили униатского архиепископа Иосафата Кунцевича, Сапега возглавил комиссарский суд. По его приказу двум бургомистрам и восемнадцати мещанам отрубили головы, а город был лишен магдебургского права.

Однако уния не принесла спокойствия на белорусские земли. Не позволила она и Великому княжеству Литовскому выделиться из состава Речи Посполитой.

Лев Сапега неоднократно предпринимал попытки создать единое государство с Московией. Еще в 1587 году после неожиданной смерти Стефана Батория он поддержал кандидатуру московского царя Федора Иоанновича в борьбе за престол короля Речи Посполитой. Несколько раз Сапега возглавлял посольства в Москву для переговоров с Федором Иоанновичем и Борисом Годуновым.

По свидетельству историка С. Соловьева, именно при дворе Льва Сапеги был воспитан Лжедмитрий I. Канцлер выступил и инициатором коронации сына Сигизмунда III Вазы Владислава на московский престол. В 1617 году Лев Сапега организовал очередной поход на Москву, в котором кроме белорусских и польских жолнеров участвовал двадцатитысячный отряд запорожских казаков во главе с гетманом Петром Канашевичем-Сагайдачным. А в 1618 году он поставил свою подпись под Деулинским перемирием, по которому к Великому княжеству Литовскому отходили города Смоленск, Дорогобуж, Стародуб, Чернигов, Невель, Новгород-Северский и другие.

В 1625 году, уже в качестве великого гетмана, Лев Сапега возглавил войско в войне против шведского короля Густава-Адольфа, который начал наступление на Полоцк и Вильню. Он пожертвовал на содержание войска 40 тысяч флоренов — практически все свое богатство.

Умер Лев Сапега в 1633 году. Похоронили его в Вильне в костеле святого Михаила рядом с женами Доротой и Галшкой.

Мы стояли перед надмогильным памятником Льву Сапеге в божнице костела Святого Михаила.

В полусумраке, царящем почти в каждом костеле, угадывались фигуры Христа вверху памятника, архангелов, расположенных чуть ниже, сражающихся воинов на барельефе и самого Сапеги, возлежащего у подножия.

— А ведь ему сильно повезло после смерти, — сказал Валентин.

— Почему?

— Во-первых, потому что его имя до сих пор не забыто. А во-вторых, его могилу не осквернили в недавние богоборческие времена. Каждый может прийти и поклониться его праху.

— Для этого надо было всего лишь издать Статут и построить костел, — сказал я. — Правда, великому канцлеру и в страшном сне не могло присниться, что к началу XXI века с виленских улиц исчезнут русский, белорусский и польский языки. Хотелось бы, чтобы Вильня всегда оставалась городом нашей общей истории.

— Так будет, — согласился со мной Валентин.

«Власть и вольность в руках своих имеем»

Статут Великого княжества Литовского 1588 г. — одно из самых совершенных законодательств Европы, занявшее в истории место наряду с законами Хаммурапи, Ману, Двенадцати таблиц, Кодексом Юстиниана, Русской Правдой и другими. Руководили изданием канцлер Великого княжества Литовского Евстафий Волович и подканцлер Лев Сапега. Утвержден он был привилеем короля Жигимонта III Вазы.

В Баркулабовской летописи под 1588 годом сообщается:

«Взято на кролевство Полское кролевича шведскаго Жикгимонта Третего, а короновано у Кракове на Вознесение Христово. Того ж часу и тело кроля Стефана поховано... Теперь же за держаня кроля пана нашего Жикгимонта Третего явилася промеж панами великая немилость, показалося отщепенство и великое гонение у святой вере на церкви Христовы, а наболей на веру кафолическую, на веру хрестиянскую; оставивши голову Христа спасителя нашего, показуют и становят на то местце старшим головою Петра и насветшего папежа. Были войны разные великие з Ыкгимилем волоским, з кролем шведским, з козаками запорозкими.... Также у збожью неурожай, голоды великие, поветрие, моры, лета

непогодные незрожайные, праве на все недобро и неспоро было стало».

С точки зрения летописца это был во всех отношениях неудачный год. О том, что 28 января 1588 года король Жигимонт III своим привилеем утвердил Статут Великого княжества Литовского, ни в одной из белорусско-литовских летописей не говорилось.

Между тем общественно-политическая ситуация в Великом княжестве Литовском в конце XVI века серьезно обострилась. После смерти 12 декабря 1586 года в Гродно короля Стефана Батория встал вопрос о выборах нового короля. На трон претендовали австрийский эрцгерцог Максимилиан, московский царь Федор Иоаннович и представитель династии Ягеллонов по женской линии Жигимонт Ваза. Причем если за Максимилиана и Жигимонта Вазу ратовали поляки, то кандидатуру Федора Иоанновича поддерживала белорусская и литовская знать. И это было вполне понятно: подавляющее большинство граждан Великого княжества Литовского, включая элиту, исповедовали православие. Зимой 1587 года в Вильню прибыло московское посольство во главе с боярином Ржевским, которое привезло царские грамоты к белорусским магнатам с просьбой избрать Федора Иоанновича монархом Речи Посполитой. Передавая грамоты, Ржевский, в частности, сказал: «Только выберите себе в государи нашего царя, будьте под его царской рукой, а всем правьте сами в Короне Польской и Великом княжестве по своим правам».

Это был шанс для Великого княжества Литовского получить фактическую самостоятельность.

Но, как написано в летописи, «сентября 20 дня: пана Кишку послали послы по кролевича шведского Жикгимонта Третего». 31 октября 1587 года подканцлер Лев Сапега, трокский воевода Ян Глебович и священник Бе-

недикт Война подписали «Протест» против объявления польскими магнатами Замойскими королем Жигимонта Вазы, однако этот шаг ни к чему не привел.

Вот в этих непростых условиях была закончена работа над Статутом Великого княжества Литовского.

Статут 1588 года был сформирован на основе местного обычного права, нормативных актов государственных органов и в результате синтеза правовых систем Беларуси, Украины и Литвы. Законодательными источниками для разработки Статута послужили Судебник 1468 года, Статуты Великого княжества Литовского 1529 и 1566 годов, сеймовые постановления, великокняжеские привилеи, постановления поветовых сеймиков. Повлияли на него и нормы церковного (русско-византийского и римско-католического) права.

Статут 1588 года отражал характерные для переходного периода от средневековья к новому времени принципы: ограничение власти государя, раздел правомочий, в результате которого законодательная власть закреплялась за сеймом, исполнительная — за великим князем и радой, судебная — за судами. Вопреки средневековому церковному космополитизму сохранялся государственный суверенитет. Единство права устанавливалось для всего государства и всех полноправных людей в зависимости от социальных групп населения. Объявлялся приоритет писаного права.

Например, в двенадцатом артикуле третьего раздела было сказано: «Также мы, государь, обещаем и клянемся... что в этом государстве Великом княжестве Литовском и во всех землях, ему принадлежащих, достойностей духовных и светских, замков, имений, земель, староств, держаний, врядов земских и придворных, имений во владение или в управление и кормление и в вечность

никаким чужеземцам и заграничникам, ни соседям этого государства не должны давать».

А в первом артикуле четвертого раздела Статута говорилось: «А писарь земский должен по-русски буквами и словами русскими все документы, выписки и позвы писати, а не иным языком и словами».

Конечно, признание разных льгот и привилегий для господствующих сословий и отдельных групп феодалов подрывало общий принцип единства права. Но основные принципы кодекса законов, такие, как презумпция невиновности, государственный и национально-культурный суверенитет, религиозная толерантность и другие, были очень прогрессивными для того времени.

Летом 1588 года Лев Сапега на свои средства напечатал Статут 1588 в виленской типографии братьев Мамоничей. Издание украшали портрет Жигимонта III Вазы, изображение герба Льва Сапеги и панегирик к нему белорусского поэта Андрея Рымши. Сам Лев Сапега написал к книге предисловие, в котором, в частности, говорил: «И правильно за правду имеем... что под властью королей их милости и великих князей, панов наших, ту власть и вольность в руках своих имеем, а права сами себе создаем, как наиболее можем вольность свою во всем оберегаем. Ибо не только сосед и совместный наш житель в отечестве, но и сам государь пан наш никакого верховенства над нами употреблять не может, единственно столько, сколько ему право допускает. Поэтому имеем такое сокровище в руках наших, которое никакой суммой переплачено быть не может».

Это действительно так: переоценить значение Статута было нельзя. И канцлер Евстафий Волович, при котором он готовился к печати, и виленский воевода

Криштоф Николай Радзивилл, при котором он был издан, и Лев Сапега, возглавлявший Статутовую комиссию, прекрасно понимали его значение для потомков.

В панегирике гербу Льва Сапеги поэт Андрей Рымша написал:

Но те, в ком благородство обрело оселость,
Где есть рассудок, трезвый ум и смелость,
А в их домах прекраснейший уклад
И множество заслуженных наград, —
Они в небытие бесследно не уйдут,
Что ими начато — потомки доведут.

Известный политический деятель Речи Посполитой Г. Коллонтай на сейме 1791 года сказал о Статуте: «Я говорю о той книге, о которой нельзя вспомнить без великого восхищения... Статут дает уважение человеческому уму... составлен так умно, особенно в отношении видов наказания, что его можно считать самой совершенной книгой законов во всей Европе».

Может быть, Статут 1588 года был лебединой песней государственности Великого княжества Литовского. Ибо после принятия Брестской унии 1596 года, признававшей верховность власти папы римского в Великом княжестве Литовском, эта государственность начала стремительно угасать. Магнаты и крупные помещики Великого княжества Литовского стали повсеместно переходить в католичество. Протест православных масс населения против насильственного ополячивания привел к кровопролитным войнам 1648—1654 годов, в результате чего сначала украинские земли, а затем и белорусские отошли к России. В середине XVII — начале XVIII веков территория Великого княжества Литовского стала ареной длительных и жестоких войн, сопрово-

ждавшихся голодом и эпидемиями. Население страны сократилось почти вдвое, большинство городов и местечек были разрушены и сожжены.

Однако и после третьего раздела Польши в 1795 году Статут действовал на территории Беларуси и Литвы вплоть до 1840 года.

«Правом судите, сыны человеческие», — говорилось в одном из эпиграфов к Статуту. Во многом этот свод законов соответствовал библейскому призыву.

Между Востоком и Западом. Городельская уния

Самым красивым городом Беларуси я считаю Гродно.

И дело даже не в том, что он живописно раскинулся на обоих берегах Немана, «отчей» белорусской реки. И не в том, что в Гродно полно исторических памятников — Свято-Борисо-Глебская (Коложская) церковь XII века с древними руническими знаками, Старый и Новый замки, помнящие Витовта, Ягайло, Стефана Батория, дворцы Храптовичей и Сапегов, францисканский костел Пресвятой Богородицы — Царицы Ангелов, костел кармелитов босых, бернардинский костел Обретения Святого Креста, старое православное кладбище со Свято-Марфинской часовней, на котором сохранились памятники героям Отечественной войны 1812 года...

В Гродно удивительным образом сохранились культуры Востока и Запада, православного и католического миров, белорусского и польского менталитета.

По летописным сведениям, Гродно был основан в начале XII века волынским князем Всеволодкой Давыдовичем. Трудно сказать, что привело волынского князя с молодой женой, киевской княжной Агафьей, на эти берега. Но городу было суждено стать форпостом православного мира на его западных рубежах. Здесь в конце XIV века сошлись в жестокой битве двоюродные бра-

тья польский король Ягайло и великий литовский князь Витовт. И отсюда же в 1410 году войско Витовта ушло на соединение с войском Ягайло, чтобы под одним знаменем разгромить крестоносцев в Грюнвальдском сражении.

Первая уния на этих землях была заключена как раз между Ягайло и Витовтом. «Хроника литовская и жмойтская» под 1411 годом (на самом деле это произошло до Грюнвальдской битвы) сообщает, что «кроль Ягейло, зъехавши до Литвы з Витолтом... постановене и примирье першое постановил... если бы Витолт не мел детей, а Ягейло мел, то дети его на короне Полской и на Великом князстве Литовском пановати мели, также если бы Ягейло детей не мел, а Витолт мел, теды в короне Полской и Великом князстве Литовском пановати мели».

В 1413 году эта уния была подтверждена на Городельской сейме. «Кроль Ягейло... приехал до Литвы, — говорится в «Хронике», — а у Городла мел з Витолтом зъезд з панами радными Великого князства Литовского, также и с княжаты уделными, киевским, волынским, Гедроцким, Збаразским, Вишневецким и Жеславским, и панами обоих панств. Там кроль Ягейло з Витолтом, братом, примирье и зъедночене тых двох народов, полского и литовского, отновили и подтвердили, надто кроль надал шляхте литовской и руской тым толко, котрыи были христианами, волности, свободы и гербы, обычаем полским вынявше то, абы на розсказане завше великого князя были готовыми и повинны замки будовати и гостинцы направляти, и дани звыклыи довать до скарбу княжого».

Заключение унии (союза) между Польшей и Великим княжеством Литовским было отнюдь не случайным. Свое начало уния как политическое явление берет в X—XI веках, когда появились первые разногласия в бого-

словских взглядах и богослужебных обрядах. Эти разногласия привели к разделению христианской церкви в 1054 году. Как ни странно, катализатором разделения стали крестовые походы. Начинались они для защиты христианских святынь от неверных, а закончились нападением крестоносцев на Константинополь и разграблением православных святынь. Возникла Латино-Константинопольская империя, и с 1204 по 1261 год константинопольский патриарх подчинялся римскому папе. Греческий восточный обряд в это время подвергался гонениям.

Надо сказать, папство всегда мечтало о воссоединении западной и восточной церквей, но понимало оно под этим только безоговорочное подчинение Константинополя Риму. Однако восточная церковь оставалась верной догматам первых семи Вселенских соборов и раннехристианских обрядов. Она потому и называлась Православной, что «право славила».

Православная Русь с самого начала привлекала пристальное внимание католического Рима. Миссионерская и пропагандистская деятельность католичества принимала самые разные формы — от военной экспансии крестоносцев до подкупа правящих династий. Галицкие князья Роман Мстиславович и Даниил Романович неоднократно получали предложением короноваться в обмен на крещение по западному обряду.

С возникновением Великого княжества Литовского эта деятельность значительно активизировалась. Великие литовские князья были язычниками, и Рим возлагал большие надежды на обращение их в «истинную» веру.

Осуществляя политику собирания русских земель, литовские князья поначалу принимали православие, поскольку эту веру исповедовало абсолютное большинство населения, приглашавшее их на княжение. Но эта политика вызывала активное противодействие Моск-

вы. К тому же, с 1326 года в Москве находилась кафедра киевских митрополитов, что давало ей возможность назначать своих митрополитов и влиять на ситуацию в удельных княжествах. Уже великий князь Ольгерд добивался учреждения отдельной православной митрополии для Великого княжества Литовского. Однако константинопольская церковь не соглашалась на это. Для нее выгоднее было назначать митрополитов «всея Руси».

Положение резко изменилось после избрания на литовский престол Ягайло. По условиям Кревской унии, подписанной Ягайло в 1385 году, он отказывался от православия и обязался крестить Литву по римско-католическому обряду. Католицизм возводился в ранг государственной религии Великого княжества Литовского, которое территориально на девяносто процентов состояло из русских земель. Дальше — больше. Став в 1386 году королем Польши, Ягайло издал несколько привилеев, по которым государственные должности могли занимать лишь лица католического вероисповедания. Вот что писалось в грамоте о привилегиях феодалам за переход в католическую веру, изданной Владиславом-Ягайло в 1387 году: «Каждый рыцарь или боярин, принявший католическую веру, и его потомки, законные наследники, имеют и будут иметь полную и всякую возможность владеть, держать, пользоваться, продавать, отчуждать, обменять, дать, дарить, согласно своей доброй воле и желаниям замки, волости, деревни и дома и все, чем владел бы по отцовскому наследству, как владеют, пользуются и употребляют на основании одинаковых прав нобили в других землях нашего королевства Польского... Всякий, кто, приняв католическую веру, позорно от нее отойдет или кто будет отказываться принимать ее, не должен пользоваться никакими указанными правами».

Мы уже говорили, что Ягайло был сын Ольгерда от тверской княжны Марии, и в римскую веру он окрестил-

ся только перед женитьбой на Ядвиге, дочери польского короля Владислава.

Идея подчинения православной церкви Великого княжества Литовского католическому Риму неизбежно вела к унии двух церквей, однако это было невозможно без достижения западнорусской церковью самостоятельности. Ягайло предложил сан западнорусского митрополита луцкому епископу Иоанну, и тот вроде бы согласился его принять. Но дальше обещаний дело не пошло.

В 1413 году в Городле на реке Буг состоялся сейм, принявший решение об унии Великого княжества Литовского и Польши. Его постановление состояло из 14 пунктов, и почти во всех них утверждались привилегии для феодалов-католиков.

«3. Паны и также бояре-шляхта земель наших... дарениями, привилегиями и пожалованиями, им нами дарованными, дынными, удельными, только католики и Римской церкви подвластные, и кому гербы пожалованы, наслаждаются, владеют и пользуются, как паны и шляхта королевства Польского своими владеют и пользуются...

9. Также достоинства, места и должности, как они установлены в королевстве Польском, будут учреждены и установлены в Вильне — воеводство и каштелянство Виленское, а также и в Троках и в других местах... по нашему благоволению, на вечные времена. Также и урядниками назначаются только католической веры поклонники и подвластные святой Римской церкви...

12. Сверх того, названными выше свободами, привилегиями и милостями только те паны и шляхтичи земли литовской могут владеть и пользоваться, которым оружие и гербы шляхтичей королевства Польского пожалованы, и почитатели христианской религии, Рим-

ской церкви подвластные, не схизматики или другие неверующие».

Итак, объединение Польши и Великого княжества Литовского произошло под жестким диктатом Рима. Именно с этой унии на белорусских и украинских землях началось массовое строительство католических монастырей и костелов. Конечно, оно не могло проходить без сопротивления православного большинства населения. В конце концов, исчезновение Великого княжества Литовского с политической карты Европы и было предопределено конфессиональным противостоянием.

....Я подошел к белоснежному костелу, возносящемуся к небу на одной из центральных улиц Гродно. Дверь в него была открыта настежь, хотя службы еще не было. Меня обогнала девочка лет двенадцати, которая тащила за руку упирающегося пятилетнего мальчугана. Судя по всему, она куда-то спешила. Однако у костельных врат она остановилась, упала на колени и быстро перекрестилась двумя перстами. Мальчик стоял, набычившись. Он не хотел преклонять колени. Тогда девочка схватила его под мышку, вбежала в костел и, поднявшись на цыпочки, поцеловала распятие у входа на стене. Затем она смачно приложила мальчишку, очевидно, братика, лбом к распятию. И тот, как ни странно, не заплакал.

Эта картина сказала мне о католиках в белорусском Гродно больше, чем сухие страницы летописи.

Флорентийская уния

Флорентийская уния, подписанная в 1439 году от лица Русской православной церкви митрополитом Исидором (греком по национальности), сыграла огромную роль во взаимоотношениях Москвы и Литвы.

После смерти Витовта польский король Ягайло великим литовским князем назначил своего брата Свидригайло, как писал в «Хронике Литовской и Жмойтской» летописец, «чловека перхливого и неуставичного, и пияницу обжирливого». В том, что это было опрометчивое решение, Ягайло убедился очень скоро. Воспользовавшись тем, что поляки отобрали у Литвы Подолье с городами Каменцом, Смотричем, Винницей и Скалой, Свидригайло заключил находившегося у него в гостях в Виленском замке Ягайло под стражу и пригрозил ему виселицей, если эти земли ему не вернут. Ягайло был вынужден написать каменецкому старосте Михаилу Бучацкому письмо с приказом вернуть литовцам Подолье. Но одновременно с этим письмом он отправил Бучацкому второе письмо, в котором говорил, что отдает приказ под угрозой смерти.

Вернувшись из Литвы в Краков, Ягайло вызвал к себе брата Витовта Сигизмунда Кейстутовича и предложил ему совместными усилиями свергнуть Свидригайло, ибо тот «обмерзел для окрутенства и пянства, и руси и москве болш зычил (благоприятствовал. — *А.К.*) и уряды им роздавал».

Сигизмунд с войском двинулся на Ошмяны, где в это время находился Свидригайло. Его об опасности предупредил трокский воевода Монивид. Свидригайло спешно бежал на Русь, и в качестве добычи Сигизмунду досталась лишь жена Свидригайло, кстати, она была дочерью тверского князя.

Сигизмунд правил в Литве с 1432 по 1440 год. Он зарекомендовал себя ярым приверженцем католицизма и даже ввел в 1436 году инквизицию.

В 1440 году Сигизмунд был убит в Троках своими дворянами за «окрутное тиранство», и Великое княжество Литовское вновь оказалось на пороге междоусобицы, «бо одни на Михаила сына Жигимонтова, другие на Швидригайла, третие на Олелку Володимеровича, князя киевского и копылского, иншие на Казимера Ягейловича вотовали, котрый на той час был в Сендомиру». Под влиянием польской партии на престол был посажен тринадцатилетний Казимир. Он правил в Литве, а потом и в Польше (с 1447 года) до 1492 года, то есть более полувека.

Вот на его-то правление и пришлись основные события, связанные с Флорентийской унией.

«Хроника Литовская и Жмойтская» сообщает: «За панованя цесара константнополского Иоанна Калуяновича Палеолиога а за цесара заходних панств Олбрихта з дому княжат ракуских, за короля полского Владислава Ягейловича, за князя литовского Жигимонта стался для упокоеня ростырков и незгодов церкви христовы и правдивого оказаня преступников преданий апостолских и догмат отец богоносных, собор духовный в Фераре и в Флиоренции, на котором то соборе унею заходници (албо якобы згоду) и сполноване руси и греком з римским костелом змыслили, котрая то унея и по сей день межи правоверными колотне и ростирки церкве божой чинят».

Мы уже говорили, что от лица Русской православной церкви акт Флорентийского собора подписал митрополит Московский Исидор. Однако Московский собор осудил Исидора за измену Православию, и тот вынужден был бежать в Рим. Московская Русь восприняла унию как национальное оскорбление и угрозу национальной независимости. В условиях, когда в 1453 году пала Византийская империя, в Москве окончательно сформировалась идея «Третьего Рима». В годы правления Великого князя Московского Ивана III, женатого на Софье Палеолог, Русь Московская превратилась в Русь Великую со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Совсем по-другому идея унии была воспринята в Великом княжестве Литовском. Казимир IV согласился с решениями Флорентийского собора, но главою Русской православной церкви признал не Исидора, а Московского митрополита Иону. Кроме того, несмотря на постановление Городельского сейма, он уравнял православных в правах с католиками. В 1457 году Казимир дал жалованную грамоту феодалам Великого княжества Литовского, в которой, в частности, говорилось: «...наипервей предреченым прелатом, княжатом, рытерем, шляхтичом, бояром, местичом нареченых земель Великого князьства Литовского и Руского, Жемоитского неотзывне дали есмо и моцею того-то листа щедре даваем, призволяем и вечне даруем посполито, овшейкы права тые, зволеньства, твердости, якож имають прелати, княжата, рытеры, шляхтичи, бояре, местичи коруны Полское...

Також предреченыи княжата и рытеры, шляхтичи, бояре, местичи, имениа своя и отчины, што им даное, а любо дарованое через освяченого князя Александра, нареченого Витовта, достойной памяти дяди нашего, и через освяченого князя Жикгимонта даные и дарованые, которыи ж держали, и имаюче и володеюче из их дарованиа привильями, достаточным светочьством, твердо-

стию листов возьмогут досветчичи: с правом имають держати, якож то княжаты и рытеры, шляхтичи, бояре и местичи у коруне Полской своя имениа держать и добровольную моць имають продати и заменити и зычити, и дарити, и к своему лепшому обернути...

А також обецуем и слюбуем, иж в землях тых наших Великого князьства земель, городов, мест а любо которых-колвек дедичьтв, у володение и в держание, а любо некотрыи вряды а любо чьти, не имаем дать в честь никоего чюжеземца, але только тым родичам тых земль наших предреченых Великого князьства Литовского дамы, и наши после будущии дадуть в держание и володенье».

Папа римский Пий II резко воспротивился политике Казимира. Он утвердил на литовскую митрополию ученика Исидора Григория, которого посвятил в сан бывший Константинопольский патриарх униат Григорий Мамма. В грамоте Казимиру IV папа сообщил, что отнимает у Ионы все епархии греческого закона и поручает королю подчинить и привести в послушание Григорию всех епископов, духовенство и народ. Если же кто ослушается, того схватить и в оковах поместить в темницу.

Казимир не посмел ослушаться папу и отдал Григорию Черниговскую, Смоленскую, Перемышльскую, Туровскую, Луцкую, Владимирскую, Полоцкую, Холмскую и Галицкую, то есть все православные епархии. И это несмотря на то, что Казимир и Василий заключили договор «признать митрополитом того, кто будет люб им обоим».

В 1459 году, когда на Московском соборе восточнорусские епископы предали проклятию Флорентийскую унию и ее проводника Григория, все православные князья и большая часть духовенства Великого княжества Литовского отказались признать Григория своим митро-

политом. Флорентийская уния провалилась. Сам Григорий, в конце концов, умер в 1475 году православным. Но результатом всех этих событий явилось то, что Западнорусская митрополия окончательно отделилась от Восточной.

Надо сказать, что более чем полувековое правление Казимира IV для православного населения Великого княжества Литовского было вполне благоприятным. В письме к папе в 1468 году Казимир признавался, что в Литве много «схизматиков» и число их постоянно растет. Вероятно, поэтому, уравнивая позиции двух церквей, Казимир, уступая сыну Александру, причисленному позже (1604 год) к лику святых и объявленному покровителем Вильни, вызвал из Кракова бернардинов и основал для них в Вильне монастырь. В 1480 году он запретил строить новые православные церкви в Вильне и Витебске.

О разногласиях польской и литовской знати говорит и «Хроника Литовская и Жмойтская». В 1464 году, например, польские паны сговорились пригласить на сейм в Парчове литовских панов, схватить их и посадить в тюрьму, а Великое княжество Литовское присоединить к Короне. Об этом узнал поляк Андрей Горатинский и предупредил литовцев через Яна Гаштольда, виленского воеводу. Литовцы «утекли до Берестя, и от того часу стала великая немилость межи панами литовскими и коронными, бо панове литовские скоро приехали до Литвы, гербы, которые собе были от поляков до печатий за Ягейла побрали, знову их назадь отослали, а своими старыми печатоватися почали».

Литовская знать не хотела объединяться с поляками в единое государство, во-первых, потому, что боялась утратить часть своих привилегий, а во-вторых, не желала отказываться от веры предков. И они были правы. Римская курия объединение понимала лишь как под-

чинение слабого сильному, что вызывало возмущение в народных массах.

Но сама идея унии в умах власть предержащих отнюдь не умирала. Умерла лишь мысль об объединении Восточной и Западной Руси. Москва и Вильня продолжали в одинаковой степени претендовать на лидерство. Но если «Третий Рим» копил силы для мощного рывка на востоке и на западе, то Великое княжество Литовское, распростиравшееся от Балтийского моря до Черного, изнемогало в конфессиональном конфликте, может быть, самом губительном из всех.

Западная и Восточная Русь разделились окончательно.

Люблинская уния

Недальновидная политика великого князя Литовского и позже короля польского Александра Казимировича по отношению к православному населению Великого княжества Литовского привела к тому, что положение страны на ее восточных рубежах резко ухудшилось. В результате «странной» или «необъявленной» войны с Москвой (1500—1503 годы) на сторону православной Москвы отошли многие приграничные земли. Начался массовый «отъезд» православных князей на службу к великому князю Московскому.

Краковский каноник Иван Сокрани в 1500 году писал: «Из всех народов, носящих имя христиан, но отделенных от Римской церкви, нет ни одного, который был так непоколебим в защите своего схизматического заблуждения, как народ русский. По упорству к своей схизме русские не верят никакой предлагаемой им истине, не принимают никакого убеждения и всегда противоречат, убегают от ученых католиков, ненавидят их учение, отвращаются от их наставлений. Признают только самих себя истинными последователями апостолов и первобытной церкви и все анафематствования против них из Рима считают вечным для себя благословением... Русские люди до того ненавидят веру латинян, что желали бы не только всячески вредить ей, но даже искоренить во всем мире. Едва только великий князь Литовский начал в своих владениях обращать русских

к единству Римской церкви, как князья и воеводы их с яростью поспешили предаться великому князю, защитнику их схизмы».

В 1506 году после смерти в виленском замке Александра Казимировича королем польским был избран его брат Жигимонт (Сигизмунд), прозванный впоследствии «Старым», правивший с 1506 по 1548 год. Он издал грамоту, которая подтверждала права православных митрополита и епископов. В ней, в частности, говорилось: «Имеет Киевский митрополит держать в своей власти все церкви греческого закона в нашей отчине и управлять ими; давать им по св. Правилам епископов, архимандритов, игуменов и всякий священнический чин греческого закона; судить и рядить как духовных, так и светских и виновных карать, и вообще отправлять всякие духовные дела по уставам Соборной Восточной Церкви совершенно невозбранно; также и епископы, находящиеся под Киевской митрополией, имеют судить и рядить и отправлять все духовные дела в своих епископиях по давнему обычаю».

Несмотря на подобные шаги, напряжение в отношениях Москвы и Варшавы возрастало. В 1514 году великий князь Иван Васильевич пришел к Смоленску и после 12 недель осады взял его. Там же выявилась измена Михаила Глинского, который вел переговоры с Жигимонтом о переходе к нему на службу. Глинский был взят под стражу и отправлен в Москву. И в этом же году произошла битва под Оршей, в которой гетман Константин Острожский, кстати, православный по вероисповеданию, наголову разгромил московское войско под началом Ивана Челядина.

В 1564 году московский царь Иван IV Васильевич, «маючи войска... конного двакрот 100 000, а пехоты 80 000, а... ґармат тисячу», взял Полоцк. «Там же татаре, — сообщает «Хроника», — езуитов, доминиканов,

барнирдинов посекли, а жидов всех потопили, а воеводу полоцкого Дивойну з жоною, владыку и пана Яна Глебовича, воеводича виленского, Немеричов, Эшлянов, Корсаков и иншой шляхты много, также мещан всех полоцких зобраных зо всех скарбов их до вяженя взято, и до Москвы... запроважено. И сам царь, зоставивши князя Петра Шуского з войском великим на Полоцку, сам до Москвы з незличоными скарбами и вязнями отъехал».

Война шла с переменным успехом. В 1563 году сын Жигимонта Старого Жигимонт II Август отменил постановление Городельского сейма и уравнял в правах всю шляхту «веры христианской». Но параллельно с этим правящие Ягеллоны наделили магнатов-католиков привилегией отдавать церкви и монастыри в опеку гражданским лицам с правом брать «все пожитки церковные себе и уживать их до живота своего». Короли Польские и великие князья Литовские, крупные феодалы раздавали архиерейские кафедры и настоятельские места в монастырях без воли и ведома владык, и часто людям недостойным. Стефан Баторий, например, однажды поставил на православную кафедру католика. Все эти нарушения вносили расстройство во внутреннюю жизнь Церкви, подтачивали ее устройство и делали бессильной в противостоянии новому наступлению католичества.

В 1569 году была провозглашена Люблинская уния, соединившая Польшу и Великое княжество Литовское в одно государство — Речь Посполитую. В постановлении Люблинского сейма от 1 июля 1569 года говорилось: «Так как королевство Польское и Велкое княжество Литовское представляют собою уже одно нераздельное и неотделимое тело, а также не отдельную, но одну общую республику, которая соединилась и слилась в один народ из двух государств и народов, то необходимо, чтобы этими двумя народами на вечные времена повелевала одна голова, один государь, один общий

король, избранный общими голосами Польши и Литвы. Место же избрания его в Польше, а на королевство Польское он будет затем миропомазан и коронован в Кракове. Согласно привилегии короля Александра, такому избранию не может препятствовать отсутствие которой-либо из сторон, потому что сами по себе обязаны и ex debito должны быть созываемы для этой цели советы и все чины Короны Польской и Великого княжества Литовского».

Однако и эта уния не могла быть полной в силу религиозных различий, существовавших в новом государстве: большая часть населения Великого княжества Литовского оставалась православной. Католицизм, хоть и оставался государственной религией, в результате распространения реформационного движения находился в кризисном состоянии. В такой обстановке Жигимонт II Август настаивал на церковной унии. Он, правда, оговаривался, что достижение единства веры должно происходить без насилия совести, и Варшавская конференция в 1573 году санкционировала свободу вероисповедания и религиозный мир в Речи Посполитой.

Однако лучше всего обстановкой веротерпимости воспользовались иезуиты, появление которых коренным образом изменило положение в стране. Первым иезуитов пригласил в Польшу в 1564 году кардинал Станислав Гозий. В 1569 году бискуп Валериан Протасевич позвал их в Вильню, а в 1571 году иезуиты утвердились в Галиции.

Охраняя права Римского престола, иезуиты рьяно принялись искоренять «схизму». Становясь духовниками королевских особ и высших государственных деятелей, они оказывали давление на внутригосударственную политику. Во многих крупных городах Беларуси и Украины стали возводиться костелы и монастыри, в которых открывались иезуитские коллегии. Православные магнаты и шляхта охотно отдавали своих детей в эти школы,

откуда выходили убежденные противники православия и ревностные приверженцы католицизма.

Этот процесс наносил большой вред становлению белорусского этноса. В очередной раз белорусский народ подвергался испытанию на разрыв. Государство, в котором ущемлялись интересы подавляющего большинства населения, не имело исторических перспектив, что и подтвердил ход дальнейших событий.

Брестская уния

После объявления в 1569 году Люблинской унии, соединившей в одно государство — Речь Посполитую — Польшу и Великое княжество Литовское, ситуация в Речи Посполитой резко изменилась. Государственной религией в ней стал католицизм, в то время как основная часть населения, украинцы и белорусы, исповедовали православие.

Варшавская конференция 1573 года санкционировала свободу вероисповедания, но обстановкой толерантности лучше других воспользовались иезуиты, основной задачей которых было искоренение реформационных учений и охрана прав Римского престола.

Благодаря покровительству короля Стефана Батория, правившего в 1572—1586 годах, они утвердились в двадцати крупных городах Речи Посполитой. Все свои силы иезуиты направили на подчинение «схизматиков», то есть православных жителей Украины и Беларуси, Риму.

По всей территории Великого княжества Литовского стали строиться величественные костелы и монастыри, в больших городах открывались коллегии, в которых обучались дети православных магнатов и шляхты. По королевскому привилею высшим учебным заведением Великого княжества Литовского стала Виленская иезуитская академия, в которой обучалось больше ты-

сячи учеников. Располагая огромными материальными ресурсами, за двадцать лет иезуиты возвели борьбу против православия в ранг государственной политики.

Но самым большим завоеванием иезуиты считали возведение на королевский престол своего воспитанника Сигизмунда III Вазы. Именно в годы его правления (1587—1632) православное население Великого княжества Литовского подверглось наибольшей дискриминации.

Надо сказать, что после смерти Стефана Батория борьба за королевский престол развернулась нешуточная. Баркулабовская летопись сообщает: «На том же сейму Варшавском (7 июня 1587 года — *А.К.*) ничого доброго не усеймовали, бо межи панами была великая незгода: поляки вотовали на Максимилиана, цесаря христьянского, литва вотовала на князя московского, кролевая вотовала на кролевича шведцкого, и затым розъехалися, не постановивши ничого доброго. На том же зьезде было немилостивые посварки и забойства, выличили на том сейме невинне забитых семъсот голов...

Року божого нароженя 1588. Взято на кролевство Полское кролевича шведскаго Жикгимонта Третего, а короновано у Кракове на Вознесение Христово».

И далее: «...за держаня кроля пана нашего Жикгимонта Третего явилася промеж панами великая немилость, показалося отщепенство и великое гонение у святой вере на церкви Христовы, а наболей на веру кафолическую, на веру християнскую».

Первым из православных владык мысль об унии подал львовский владыка Гедеон Балабан. Его поддержали епископы луцкий Кирилл Терлецкий, пинский Леонтий Пельчицкий и холмский Дионисий Збируйский. В 1590 году они составили грамоту о том, что «для спасения

своего и всего христианского люда» отдаются под главенство «наисвятейшего отца — римского папы» при условии сохранения Западнорусской церкви православных обрядов, уравнения униатских епископов с католическим духовенством в правах и пожизненного обеспечения за ними кафедр.

Однако заявление это хранилось в тайне от других иерархов и было подано Сигизмунду III только в 1592 году. Король с радостью поддержал его и высказал пожелание, чтобы к унии примкнула вся Западнорусская церковь.

В 1593 году умер епископ брестский Мелетий Хребтович. На его место был возведен сенатор и каштелян брестский Ипатий Потей, и идея церковной унии стала стремительно развиваться. Под давлением католических иерархов свое одобрение унии выразил митрополит киевский Михаил Рагоза. Он долго скрывал от паствы, что за поддержку унии получил большое вознаграждение, но шила, как известно, в мешке не утаишь. Многие миряне стали открыто возмущаться подготовкой унии.

Наиболее сильный протест высказал киевский воевода князь Константин Острожский. Он обратился к православному населению Речи Посполитой с окружным посланием, в котором назвал действия епископов бесстыдными и беззаконными, давал обет оставаться верным православию и призывал к этому всех русских людей. Дальше — больше. На съезде протестантов в Торуне он призвал к вооруженному протесту против «католической интриги» и короля, который своим покровительством унии нарушил свободу вероисповедания. Он изъявил готовность выставить собственное войско в защиту православия.

Это послание вызвало широкий резонанс среди православного населения Речи Посполитой. В частно-

сти, оно стало одной из причин восстания под руководством С. Наливайко на Украине и в Беларуси.

Львовское православное братство обратилось за помощью к константинопольскому патриарху, и тот написал грамоту с повелением низложить львовского епископа Гедеона Балабана. Однако сторонников унии это не остановило. В ноябре 1595 года Потей и Терлецкий прибыли в Рим и изъявили покорность папе, прося, правда, о том, чтобы православным были оставлены их обряды и догматы. Папа Климент VIII этих условий не принял. Он оставил православным только те обряды, которые не противны католическому учению.

В знак подчинения папе Потей и Терлецкий облобызали его ногу, и Климент VIII торжественно объявил, что принимает отсутствующего митрополита, епископов, духовенство и весь русский народ, живущий во владениях польского короля, в лоно католической церкви. В память об этом событии была выбита медаль с изображением на одной стороне лица папы Климента VIII, а на другой коленопреклоненных перед ним русских епископов с надписью «Ruthenis receptis» («На восприятие русских»). Потей и Терлецкий были возведены папой в звание прелатов и ассистентов римского престола. Митрополиту Рагозе он поручил созвать Собор для установления унии.

Собор состоялся 6 октября 1596 года в храме святого Николая в Бресте. Кроме крупнейших иерархов, ратовавших за унию, на нем присутствовали гетман Великого княжества Литовского Николай Радзивилл и канцлер Лев Сапега.

Но одновременно с униатским в Бресте состоялся и православный Собор, гарантом спокойствия заседаний которого выступил Константин Острожский. Председа-

тельствовал на нем экзарх константинопольского патриарха грек Никифор. Среди участников его были экзарх александрийского патриарха Кирилл Лукарис, епископ львовский Балабан, епископ перемышльский Копыстенский, а также множество священников. Численный перевес был явно на стороне православных.

Заседания Собора проходили в протестантской молельне шляхтича Райского, поскольку все православные храмы Бреста были закрыты Ипатием Потеем. Никифор трижды приглашал униатских митрополита и епископов на православный Собор, но они не явились. Тогда Собор лишил их сана, отверг унию и проклял ее. В свою очередь, 8 октября 1596 года митрополит киевский и униатский Синод епископов приняли соборную грамоту о вступлении православных иерархов в унию с Римской церковью.

Сигизмунд III, естественно, поддержал униатов, и сразу же повсеместно начались преследования православных. Первым был арестован и заточен в Мальборкский замок Никифор. Из него он уже не вышел.

Брестская уния расколола не только церковь, но и народ Речи Посполитой. Православные люди не допускались на должности, за ними не признавались политические права. Однако она и предопределила в дальнейшем падение Речи Посполитой.

В Баркулабовской летописи, которая подробнейшим образом рассказывает о перипетиях брестских событий, есть такая запись: «Там же у олтара руского, где служил римлянин, в келиху (чаше. — *А.К.*) вино у кров барзо... смродливую обернулася, же тот езуита не поживал, а у олтаря римского у Потея вино обернулося у простую горкую воду».

Это уже была не беспристрастная запись летописца. Это свое отношение к свершившемуся предательст-

ву высказал православный гражданин Великого княжества Литовского.

«Там же у Берестью нашолъся был человек... простый, который великие речы мовил... и напоминал, абы люде своей веры моцность держали».

Так оно и случилось. Несмотря на всевозможные гонения и притеснения, простые люди Великого княжества Литовского в своей массе остались православными. Они веру отцов и дедов не предали.

После Брестской унии

Брестская уния 1596 года расколола не только западнорусскую церковь на униатскую и православную, но и народ, населяющий Великое княжество Литовское. В результате политических и религиозных притеснений православие стало религией низшего, крестьянского сословия, «хлопской» верой. Резко сократилось число православных магнатов, которые стали переходить в католичество, реже в унию. Единственным положительным моментом повсеместного насаждения унии можно считать лишь усиление просветительской деятельности православных братств, из учебных заведений при которых вышло много последовательных борцов против унии и католицизма.

После кончины киевского митрополита Михаила Рагозы в 1599 году его место на престоле занял епископ Игнатий Потей. Он стал преследовать православных еще более энергично, пытаясь завладеть Киево-Печерской лаврой и Софийским собором в Киеве. Кроме того, он вытеснил Виленское православное братство из Троицкого монастыря и основал там униатское во главе с архимандритом Иосифом Рутским, воспитанником иезуитов. В 1609 году все церкви Вильни за исключением церкви Св. Духа были отобраны в унию. Раздражение православного населения против Потея было так велико, что закончилось покушением на его жизнь.

Преемник Потея Иосиф Рутский для укрепления и пропаганды унии создал в Великом княжестве Литовском орден базилиан (1617). Вступив в союз с иезуитами, базилианцы сосредоточили свою деятельность на воспитании молодежи в католическом духе. Православные монастыри повсеместно преобразовывались в базилианские, а в церквах уничтожались иконостасы и заводились органы.

Вот что писал о тяжелом положении православных в Великом княжестве Литовском в своем сочинении «Фринос, или плач Церкви Восточной» (1610) Мелетий Смотрицкий: «Горе мне, бедной! Горе мне, несчастной!.. Прежде прекрасная и богатая, теперь я обезображена и убога, некогда королева, возлюбленная всего мира, теперь унижаемая и гонимая всеми... Теперь я стала посмешищем для света, а прежде передо мною преклонялись люди и ангелы... Мои священники ослеплены блеском, мои пастыри, не желая помнить, что дело касается душ, онемели. Мои старцы поглупели, молодые одичали, мои дочери предались разврату, и все, забыв Бога и правду, имеют один замысел — погубить мою душу».

Обращаясь к сенату польской Короны и Великого княжества Литовского, он говорил: «Для Вас, высокий и просвещенный сенат, не является тайной это пагубное разделение религии, возникшее в нашем русском народе двадцать восемь лет тому назад... Мы терпим большие унижения и жестокие притеснения, и нет никого в нашей отчизне, кто бы пожелал нас спасти. У нас отняты права, свободы и привилегии, нас заставляют служить себе телом и душой те, кто не имеет на это никакого права, никакого основания, никакой власти».

Чтобы подорвать впечатление, произведенное «Фриносом» М. Смотрицкого, иезуит Петр Скарга написал «Предостережение Руси греческой веры против плача Феофана Ортолога», а королевский секретарь

униат Илья Мороховский — «Утешение или утоление плача восточной церкви». Сигизмунд III запретил печатать в виленской типографии книги, «возбуждающие бунт против власти духовной и гражданской». «Фринос» был изъят и сожжен.

Еще более осложнилось положение православных в Великом княжестве Литовском после убийства в 1623 году в Витебске полоцкого униатского епископа Иоасафата Кунцевича. По решению комиссарского суда, возглавляемого Львом Сапегой, Витебск был лишен Магдебургского права, в нем была разрушена ратуша, с церквей были сняты колокола, в которые били набат против епископа, двум градским первым сановникам и восемнадцати гражданам Витебска отрубили головы, а около ста бежавших граждан Витебска были осуждены на смерть заочно.

В апреле 1623 года скончался король Сигизмунд III Ваза, главный инициатор унии. Из-за его фанатичной и недальновидной позиции в Речи Посполитой созрели условия для отторжения украинских и белорусских земель от Короны и присоединения их к России. Наследник Сигизмунда III Владислав IV отчетливо сознавал, что необходимо изменить конфессиональную политику в государстве. «Я хорошо знаю историю унии, — говорил король папскому нунцию. — Она введена насильно, без согласия лучшей части русского населения; ее приняли и ввели некоторые духовные лица, и притом из своекорыстных целей».

Под председательством короля униатский митрополит Иосиф Рутский создал комиссию из православных и униатов, которая попыталась примирить враждующие стороны. Комиссия выработала очень важные постановления для православных: 1) объявлена полная свобода «русской» веры, то есть православной и униатской; 2) предоставлены права как православным, так и

униатам иметь свою иерархию, причем православным предоставлялось право избирать митрополита и четырех епископов на Литовскую, Луцкую, Перемышльскую и Мстиславскую кафедры; 3) утверждались права братств, школ, типографий; 4) православным возвращались в разных городах и селениях церкви и монастыри, захваченные униатами, и разрешалось строить новые церкви; 5) униатам предоставлялась свобода возвращаться в православие, а православным переходить в унию; 6) православным разрешалось занимать разные должности и другое.

Эти постановления на сейме 1635 года были внесены в конституцию, однако выполнить их оказалось почти невозможным. Униаты отказывались возвращать православным отобранные у них кафедры, церкви и монастыри. И тем не менее недолгое правление Владислава IV было уникальным в трагическую для православия эпоху XVII века. Именно в эти годы западнорусскую церковь возглавил митрополит Петр Могила (1633—1646), развернувший широкую просветительскую и научную деятельность. Он учредил знаменитую Киево-Могилянскую академию — высшее православное учебное заведение, в котором науки преподавались на греческом, славянском и латинском языках.

Однако Владислав IV не смог противостоять латино-униатской и иезуитской партиям, верховодившим в сейме. Открытое глумление над православием привело к войне 1648—1653 годов, итогом которой стало присоединение левобережной Украины к России.

Не за горами была и потеря для Речи Посполитой белорусских земель.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

БЕЛАЯ И ЧЕРНАЯ РУСЬ

Жива и Род 7
Славяне и балты 47
Язык и этнос 96
Между лесом и степью 147
Третий ангел 170

Часть вторая

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ. СОБЫТИЯ И ПЕРСОНЫ

Сыны Палемона 181
Неистовый Миндовг 185
Чернец Войшелк 189
Герб Наримонта 194
Железный волк 198
Копье Ольгерда 202
Ягайло, король польский 208
Некоронованный король 212
Куликовская битва 217
Старый король 221

Болотные люди 225
Между Днепром и Сожем 228
Литва и татары 232
Пропавший народ 238
Икона Мальборкского замка 242
Виленская мадонна 251
Золотые апостолы 258
Великий канцлер 264
«Власть и вольность в руках своих имеем» 269
Между Востоком и Западом. Городельская уния 275
Флорентийская уния 281
Люблинская уния 287
Брестская уния 292
После Брестской унии 298

Научно-популярное издание

СЛАВНАЯ РУСЬ

Кожедуб Александр Константинович

ИНАЯ РУСЬ

Редактор *В. Манягин*
Художник *Б. Протопопов*
Художественный редактор *А. Финогенова*
Компьютерная верстка *А. Кувшинников*
Корректор *В. Авдеева*

ООО «Алгоритм-Книга»
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99, тел.: 617-0825
Оптовая торговля: 617-0825, 617-0952
Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.
Торговое место: № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-5198541
Сайт: http://www.algoritm-kniga.ru
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru
Интернет-магазин: http://www.politkniga.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»*
E-mail: **international@eksmo-sale.ru**

International Sales: *International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, *обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.* E-mail: **vipzakaz@eksmo.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

Подписано в печать 12.10.2009.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,96.
Тираж 3 000 экз. Заказ № 1985.

ISBN 978-5-699-38955-1

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru